

Серия надёжности
www.не-2.ru

D. E. Harding

Дуглас Хардинг

**TO BE AND NOT TO BE
THAT IS THE ANSWER**

**БЫТЬ И НЕ БЫТЬ:
ВОТ В ЧЕМ ОТВЕТ**

unique experiments for tapping
our infinite resources

уникальные эксперименты
по извлечению наших
безграничных возможностей

WATKINS PUBLISHING
LONDON

ГИИГА
Москва, 2007

УДК 1 (540)
ББК 87.7
Х 21

Перевод с английского
А. Серёгиной

Дуглас Хардинг
Х 21 Быть и не быть: вот в чем ответ / Дуглас Хардинг / Пер.
с англ. А. Серёгиной. — М.: Издательство «Ганга», 2007. —
240 с. — Доп. тит. л. англ. — (Серия «Недвойственность»)
ISBN 978-5-98882-029-1

На вопрос Гамлета «Быть или не быть?» в этой книге дается блестящий ответ.

Бытие и Небытие — это две стороны одной монеты из чистого золота. Это потому, что, как и Гамлет, мы расколоты пополам, валюта нашей жизни обесценена и мы ужасно бедны. Но когда, в конце концов, мы совмещаем обе стороны этой монеты и больше не представляем Бытия *или* Небытия, но Бытия *и* Небытия, тогда мы обнаруживаем, что богаты вне всякого сравнения, и вся наша жизнь изменяется.

Здесь исследуется с разных начальных точек этот бесконечно творческий и ясно видимый (но дико парадоксальный и таинственный) Союз Бытия и не-Бытия. Предлагается практический подход, который может помочь обнаружить (без отрыва от повседневной жизни): все, что вы только можете желать, окутанно реализацией и радостью этого Союза.

93-летний автор с восхищающей глубиной и остроумием описывает на своем собственном опыте реализацию этого Союза и щедро делится своими открытиями, доступными всем заинтересованным в этом.

УДК 1 (540)
ББК 87.7

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Richard Lang, 2003
ISBN 978-5-98882-029-1 © ООО «Издательство Ганга», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Обязательное вступление	7
Глава 1. Быть и не быть	9
Глава 2. Найденный клад	13
Глава 3. Где Я?	15
Глава 4. Развязка «клеверный лист»	28
Глава 5. Трезубец	50
Глава 6. Вне обыденности	64
Глава 7. Земля, заполненная Небесами	74
Глава 8. Мисс Чипперфилд и Акварелист Мира	85
Глава 9. Визитерация	91
Глава 10. Я живу, хотя и не я	100
Глава 11. У воображения есть белый хвост	114
Глава 12. Падение человека	115
Глава 13. Приключения в Реальной Стране Чулес	122
Глава 14. Вера в Бога	138
Глава 15. Счастливое перерождение	156
Глава 16. Хороший Бог — Плохой Человек	168
Глава 17. Самсоново решение	175
Глава 18. Gord: История отношений длиной в жизнь	181
Глава 19. Картины в купальне	191
Глава 20. Мистер Смит попадает на Небеса	199
Глава 21. Сон Цзюо	205
Глава 22. Воскрешение	211
Глава 23. Тот, кто создал меня, отдыхал в моем жилище	220
Глава 24. Вот ответ	228

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Почти каждая глава в этой книге начала свою жизнь как журнальная статья, завершенная сама по себе. В результате вы можете читать главы в такой последовательности, какая вам нравится. Но если это первая моя книга, которую вы читаете, и если вы не были ни на одном из моих семинаров, думаю, было бы лучше прочесть их в предлагаемом порядке.

В целом книга имеет три основных компонента. В порядке возрастания важности это: слова и выволды, к которым они приводят, карты и диаграммы, упражнения, или эксперименты. Первый — для чтения, второй — для придания формы и упорядоченности тому, что вы читаете, третий — для выполнения, для активного превращения переоцененных и дутых концепций в приземленное восприятие. (Только лишь чтение об упражнениях без их выполнения приводит к потере их сути и сводит книгу к простому нагромождению слов.)

Существует четыре основных эксперимента и все возрастающее количество вспомогательных (на данный момент около двадцати). Все они служат одной цели — привести нас Домой, в то Место, которое мы на самом деле никогда не покидали. Туда, где мы действительно *видим*, что мы Есть, потому что нас Нет, что мы — это Все, потому что мы Вообще Ничто.

Каждая глава, будучи самостоятельной, содержит те эксперименты и диаграммы, которые необходимы для выражения её смысла. Именно поэтому, когда вы будете переходить к другим главам, вы обнаружите, что вас просят повторить те эксперименты, которые вы уже де-

дали. Все это на благо: эксперименты есть те же упражнения для повторения. Их не стоит выполнять слишком часто или в слишком многих контекстах. В сущности, они для сознательного проникновения в нашу повседневную жизнь до тех пор, пока не начнут применяться на практике вполне естественно, когда этого требуют обстоятельства — без усилий или каких-либо ухищрений. Например, эксперимент Тоннель (который — среди других ошеломляющих открытий — показал мне, что я никогда не был лицом к лицу с кем бы то ни было в моей жизни) должен выполняться до тех пор, пока это не станет происходить само собой, когда бы мне ни пришлось увидеть некое лицо.

Другое обоснование для повторения экспериментов это то, что мы их не повторяем! Каждый раз — это первый раз. Они для того, чтобы вы привыкли их делать, а не для того, чтобы вы просто привыкали к ним. Вот пример. Проводя семинары по всему миру в течение последних тридцати пяти лет, я, вероятно, выполнял эксперимент Тоннель свыше 2000 раз с количеством людей в десять раз большим. И последний раз (который был пять дней назад) я нашел его еще более удивительным и открывающим, чем когда-либо. Вы можете сказать, что наши эксперименты приобретают качество безвременности их Сущности, того Бытия-Небытия, которое только Здесь и только Сейчас.

Итак, добро пожаловать вам от меня, Дугласа Хардинга, и от Катрин, моей жены и коллеги, в нашу Лабораторию Бога (как говорят некоторые наши друзья). Как я могу начать перечислять, не говоря уж о том, чтобы отблагодарить в достаточной степени тех многочисленных друзей, которые помогали, учили, поддерживали меня в этой трудоемкой лабораторной работе? Моя особая признательность Катрин, которой я посвящаю эту книгу.

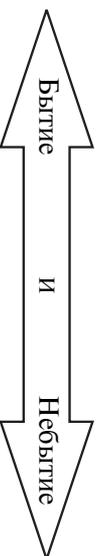
ГЛАВА 1 БЫТЬ И НЕ БЫТЬ

Я не решилась сказать точно, что имел в виду Гамлет (или что Шекспир хотел, чтобы Гамлет имел в виду) в своем прославленном монологе, говоря: «Быть или не быть — вот в чем вопрос». Шекспироведы расскажут вам. Для меня это означает следующее.

У меня есть выбор, порой мучительный, из двух зол. С одной стороны, это жизнь — жизнь сладкая и торжкая, доставляющая удовольствие и причиняющая боль, иногда легкая, но обычно трудная и иногда невыносимо трудная. С другой стороны, это смерть, которая представляет собой освобождение от боли — ценой полного уничтожения и вечного забвения, и это ужасающая перспектива. Посмотрим на это с такой точки зрения: существовать скверно, в то время как перестать существовать не менее скверно, но несколько по-другому. Итак, передо мной дилемма: стоит ли мне продолжать жить той жизнью, которой я живу сейчас, или же отказаться от нее, либо накачав себя наркотиками до помрачения сознания (есть выбор из бесчисленного множества легальных и нелегальных наркотических средств), либо покончить с собой незамедлительно? Если коротко, то быть или не быть — это вопрос, разрывающий на части мою жизнь. Из всех вопросов это тот, который непременно требует ответа.

Такова моя проблема в кратком изложении. Та жизнь, которой я живу, состоит из двух противоречивых элементов. 1) Там существуют разного рода непрерывно меняющиеся вещи — палки и камни и чьи-либо кости, руки, туловище и ноги, люди, животные и растения, планеты, звезды и галактики, добра, правда и красота вместе со своими противоположностями, ощущение, эмоции и мысли всех видов, и так далее, и так далее, и так далее. 2) Здесь есть не изменяющаяся Не-вещь, которая получает все эти вещи, спена, на которой они выступают, сознающая Пустота, дающая им дорогу, исчезающая в их пользу. Здесь я есть отсутствие, в котором они присутствуют и которому представлены. И это потому, что два элемента, из которых я состою, полностью противоположны и при этом настолько точно сочетаются, сливаются, соединяются друг с другом, что образуют бесполое единство.

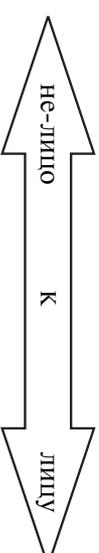

Бытие и Небытие — это две стороны одной монеты из чистого золота. Это потому, что, как и Тамлет, мы расколоты посередине, валюта нашей жизни обесценена и мы ужасно бедны. Но когда, в конце концов, мы совмещаем обе стороны этой монеты, и больше не представляем Бытия *или* Небытия, но Бытия и Небытия, тогда мы обнаруживаем, что богаты вне всякого сравнения, и вся наша жизнь изменяется.

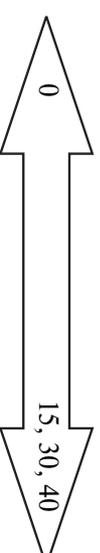
Как на практике проявляет себя эта новая жизнь?

Мой опыт, независимо от его вида, двусторонен: есть — не есть. То, что я называю «мое внимание», приобретает форму этой двусторонней стрелки, указывая на объект, который есть, и одновременно на Субъект, ко-

торого нет. Например, обшепринятая схема лицом-к-лицу заменяется на

Такая сознательная жизнь, вместо бессознательной, как было до сих пор, существенно меняет дело. Такое двухполное видение, тренируемое во всех меняющихся жизненных обстоятельствах, действительно практично. Например, вы и я, поскольку больше не воспринимаем друг друга «лицом к лицу», перестаем противостоять и противодействовать друг другу. Я не отрицаю — для того чтобы это видение стало устойчивым и привычным, необходимо много практиковаться. Но я могу вас уверить в том, что никакая практика не проходит зря и что вам не потребуется так уж много времени, чтобы избавиться от болезненной застенчивости, если она досаждала вам, как досаждала мне. И причина, по которой это работает так хорошо и в стольких разных направлениях, проста. Это работает потому, что обращается назад к природе, к нашей истинной Природе. Так мы устроены. Здесь форма — это пустота, наша Природа — это не-Природа, я — это не-я, быть — это не быть, тот, кто теряет свою жизнь, сохраняет ее, Один становится Ничем. Каждое существо — и особенно само Существование — обязано своим существованием его замещению другими существами. Сила и слава, лежащие в основе мира, это любовь — где любовь, как в теннисе, ноль.

Последующие главы исследуют с разных начальных точек этот бесконечно творческий и ясно видимый (но дико парадоксальный и таинственный) Союз Бытия и не-Бытия. Я надеюсь, что они помогут показать — все, что вы только можете желать, окутано реализацией и радостью этого Союза.

Между тем давайте воодушевимся словами великого испанского поэта и видящего св. Хуана де ла Крусa: «Чтобы иметь все вещи, я должен иметь ничто, для того чтобы знать все вещи, я должен знать ничто, для того чтобы быть всем, я должен быть ничем». И давайте пере-достережемся словами великого английского поэта и видящего Уильяма Блейка: «Придет Страшный суд и найдет меня неуничтожимым, и буду я схвачен и отдан в руки моего собственного "я"».

ГЛАВА 2 НАЙДЕННЫЙ КЛАД

Если со всей серьезностью я бы сказал тебе, что в твоём доме спрятан бесценный шестигранный бриллиант, ска- зал, где точно найти его и четко описал, как выглядит каждая из его прекрасных граней, что бы ты сделал? По- зевывал и сменил бы тему разговора побыстрее? Нет! Поверил бы мне и ничего не делал при этом? Нет! Не поверил бы мне, оставив все, как есть? Нет! Чувствовал бы себя так некомфортно и испуганно, что избежал бы этой темы в дальнейшем? Решительно нет! Наоборот, ты бы устремился туда со всех ног, чтобы проверить, правду ли я говорю.

Что ж, я убираю ЕСЛИ. То, что я говорю тебе — ис- тинная правда. Это наиболее ценное из сокровищ абсо- лютно реально и абсолютно твое. Здесь, в самом твоём Центре и Внутри, в том Месте, которое ближе к тебе, чем твое дыхание, в Месте, из которого ты смотришь, светится этот драгоценный камень. Не стоит верить или не верить мне. Просто окажи себе услугу и посмотри внимательно, каково то, что ты видишь с твоей сторо- ны, вообраз это в себя. Я уверяю тебя — это не что иное, как Драгоценность, обладай которой ты имешь все, что твоё сердце только может желать.

На этом этапе, вероятно, все это звучит слишком хо- рошо, чтобы быть правдой, и ты говоришь мне, что то, из чего ты смотришь, совершенно не похоже на драго- ценность. Наша трудность в том, что у нас отлично полу- чается видеть то, НА что мы смотрим (как, например, на людей и машины на улице, которых нужно избегать, —

или иначе...), но у нас плохо получается смотреть в другом направлении, очень плохо получается видеть то, **ОГКУДА** мы смотрим. И что гораздо хуже — мы дико галлюцинируем, привнося в прекрасные, восхитительные и благотворные **Факты** отвратительные, скучные и безнадежно жалкие выдумки. Что ж, наша задача в последующих главах исправить эту ужасную ошибку и выяснить, вне всякого сомнения, благоприпытны ли, мягко говоря, **Факты**. Настолько же благоприпытны, насколько благоприпытны выдумки, прячущие их. Благоприпытны и выставлены напоказ.

Я уверен, что с помощью наших экспериментов ты обнаружишь, что не *обладаеть* этим шестипланным Со-кровищем, но сам *являешься* им. Что это и есть твое истинное Я. Обнаружишь, что ты теряешь и что выигрываешь, если всмотришься в то, что блестяще демонстрируется здесь, и попытаешь это. И продолжишь открывать, как много проблем возникает из-за твоих претензий быть, во всех основных отношениях, убогой противоположностью тому лучезарному Чуду, которым, как ты теперь ясно видишь, являешься.

Между тем вот слова шотландского священника и писателя-романиста Джорджа Макдональда: «В конце концов, слава нашего существования осеняет нас, мы обращаемся лицом к Солнцу, которое освещает то, что послано им вперед, и осознаем себя, живущими бесконечной жизнью». Я верю, что, по всей вероятности, даже быстрее, чем предполагаешь, ты будешь говорить, что он прав.

ГЛАВА 3 ГДЕ Я?

Если ты перестанешь пренебрегать

Ничто в твоём Центре

Оно взорвется и станет Всем,

Которое включает и таким образом сохраняет тебя.

Если ты будешь пренебрегать этим и давай,

Оно продолжит быть Ничем,

Которое исключает и уничтожает тебя.

Эта глава представляет собой сжатое изложение семинара, проведенного моей женой Катрин и мною, Дугласом Хардингом. Мы работаем как дуэт, как команда, но никогда не планируем заранее, кто и что будет делать. На самом деле, у нас нет распланированной программы, и мы готовы к неожиданностям.

Насколько это возможно графически, я зарисовываю на белой доске те выводы, к которым мы приходим, и те открытия, которые мы делаем в течение семинара. Результаты выявляются иллюстрациями к этой главе.

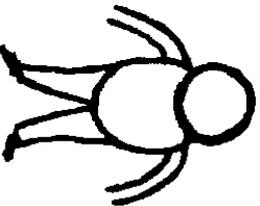
Мы начинаем с цитаты из книги «Игры, в которые играют люди» Эрика Берна, основателя транзактного анализа. «Мы все рождены принципами и принципами, но задача общества — превратить нас в лягушек». Что ж, добавляем мы, задача этого семинара — превратить нас обратно в принцев и принцесс.

Но сначала мы должны взглянуть бескомпромиссно и честно на наше нынешнее лягушкоподобное состояние. Мы не вернемся к нашему благородному происхождению, если будем замечать под ковер все свидетель-

ства той огчаинной белды, в которой находимся. Наоборот, так мы только ухудшаем ситуацию. И, естественно, что мы никогда не обнаружим, не говоря уж о том, что возьмем, лекарство, которое существует для нашей болезни, до тех пор, пока не отдадим себе отчет в том, насколько серьезна и многоуровневая эта болезнь. Именно по этим причинам мы начинаем наш семинар с ощущения своей ничтожности. Это малая плата за завершение на счастливейших ногах. Да, мы обещаем найти лекарство от нашей болезни в свое время.

Давайте сначала посмотрим на те препятствия, прищущие бытию человека, которые принадлежат собственно человеческому уровню в структуре вещей.

Вот он, этот парень, который в беде.

Мы должны лишь взглянуть на него, чтобы понять, насколько обособлен, насколько одинок этот маленький человек, насколько он затянут в индивидуальный, туго завязанный сверток, отдельный и отдаленный от всех других человеческих свертков. Я закрыл вместе с собой болью, которую столь же нельзя разделить с другими, как и мое восприятие личницы с беконом — ее вкуса, строения, запаха, цвета и звучания. Незнакомые люди противостоят друг другу, сталкиваются лицом к лицу, часто в неприимой оппозиции — когда Том выигрывает, Дик и Гарри проигрывают, — и мы должны ожидать некоего потока столкновений голова к голове.

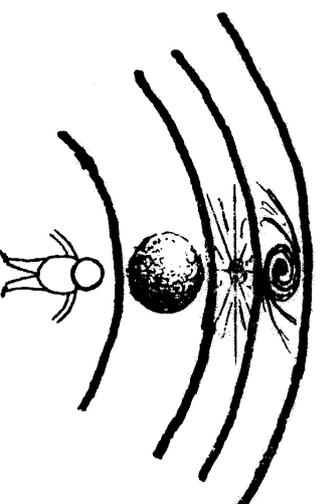
И много страха. Самый большой страх, конечно же, страх смерти, от которого (как нам говорят) происходит все меньшие страхи. Как же коротечна жизнь! Мои 92 года промелькнули в одно мгновение. Но мы замалчиваем всеми способами тот факт, что все мы сидим в камере смертников, ожидая приведения в исполнение смерт-

ного приговора, который может осуществиться в любой момент. И далекие от того, чтобы избавиться от этого страха *нашей собственной смерти*, отказавшись думать или говорить о ней, мы только приумножаем свои страдания. (Смерти других людей, конечно же, другое дело.)

Опять же, как много из нашего жизненного опыта, в той или иной степени, *причиняет боль*. Действительно удачив тот, у кого сумма удовольствий превышает сумму страданий. Давайте будем такими же честными, как Будда, говоря о жизненной неудовлетворительности. До тех пор, пока мы не признаем этого, маловероятно, что мы будем искать — и еще менее вероятно, что найдем и там поселимся — Место, которое совершенно приятно и доставляет удовольствие.

А как насчет бедности и многих вещей — материальных, психологических, духовных, — которые мы хотим, но не можем приобрести? И сколько времени проходит до того, как вещи, которые мы приобретаем, приобретают нас, обладают нами? О, да здравствуют хорошие вещи, которые остаются таковыми, и истинные богатства, которые действительно обогащают своих владельцев!

Мы могли бы продолжать жаловаться на удивительную нечистоплотность человека, как на неиссякаемый источник тонн и тонн мерзости, которую патетические эвфемизмы, такие как «женская и мужская уборная», «туалет», «общественная уборная», «ванная комната»

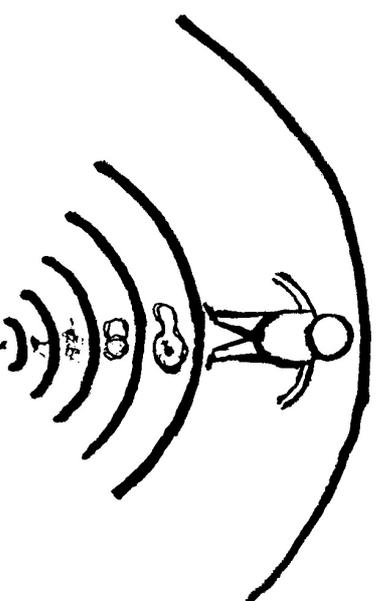
делают все возможное, чтобы замить. Или жаловаться на унизжающее сходство его занятий любовью и спаривания мух на оконном стекле спальни. Но мы думаем, все дело в том, что человеческая участь не из тех, что делает его счастливым, и если есть лекарство (а мы обещаем вам, что есть), мы должны идти за ним как можно скорее.

Как будто этой многосторонней совокупности бед на нашем человеческом уровне недостаточно, у нас возникнут ужасные неприятности на тех уровнях, которые вы можете назвать надчеловеческими.

Подобно Катрин и мне, вы всего-то лишь один из 6 000 000 000 человек, слоняющихся по этой планете, которая только лишь одна из миллиардов планет и астероидов, окружающих около этого Солнца, которое всего лишь одна из миллиардов звезд, бродящих по этой Галактике, которая всего лишь одна из миллиардов галактик. И кто знает, как много мириад звезд во всех этих галактиках развились в солнечные системы с планетами, населенными существами, сопоставимыми, но в огромной степени отличными от нас. Мы спрашиваем вас: могли бы вы быть более потерянными, более неизвестными, чем вы есть сейчас в этой безграничности пространства, времени и материи? Может ли наша жизнь со всеми ее муками и восторгами быть более бессмысленной, чем она есть сейчас в таком окружении? Песчинка в Сахаре более значительна и важна в Сахаре и для Сахары, чем мы во всей этой Вселенной!

Закрывать глаза на наш статус в Космосе — это цена здравого смысла людей? Нечестность здесь — лучшая политика? Мы говорим — Нет! Здесь множество проблем: давайте не будем добавлять к ним нарочитую узость взглядов и самообман. Но *мыслили ли* лекарство от этого ужасного заблуждения бессмысленности в таком Космосе? Наши шансы найти его и попробовать до завершения этого семинара кажутся незначительными. Но давайте посмотрим.

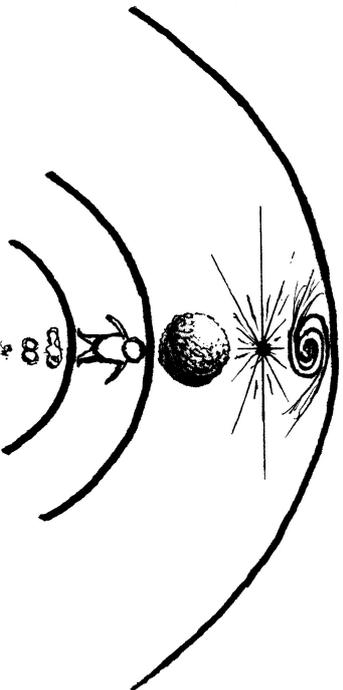
Тем временем худшее еще впереди. Мы все еще должны обратиться к самой коварной и непосредственно угрожающей из наших бед. На человеческом уровне — страдание, одиночество, война, смертный приговор, на надчеловеческом уровне — потерянности и бессмысленности; на подчеловеческом уровне — обусловленность, превращение в жертву, рабская подчиненность.

«Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши девочки?» — когда-то спрашивали мы. И отвечали: «Из сахара и специй и всяких вещей красивых», но в наше время эта история не столь обнадеживающа. Мальчики и девочки сделаны из миллионов и миллионов крошечных живых тварей множества видов, не все из которых постоянно предают нашим лучшим интересам. И каждое из них, в свою очередь, сделано из неживых частиц, называемых молекулами, которые подчиняются своим законам. И то же самое можно сказать об атомах, из которых состоят молекулы и которые преимущественно представляют собой пустое пространство. И так далее до наших предельных составляющих, какими бы они ни были. Вдарившиеся в математику физики обходят эти таинственные области или теряются в них. Мы терпемся. И нам многое причиняет беспокойство на всех пяти подчеловеческих уровнях: клетки, молекулы, атомы, ча-

стицы и кварки. Независимо от моих потребностей и желаний эти огромные внутренне популяции правят мною железной рукой, пятиконечной плеткой. Я не со- глашался на то, чтобы быть мужчиной, а не женщиной, чтобы получать и менее существенные удары — быть полным, а не худым, раздражительным, а не уравнове- шенным, страдать от начальных стадий болезни (какой бы она ни была) и от которой я вскоре погибну. В неис- числимых отношениях я вынужденная жертва всех сор- тов скрытых и мелких, но могущественных диктаторов — моих генов и хромосом и так далее до и выше кварка.

Мы, люди, говорим и говорим о свободе. Свобода имеет приоритет перед братством и равенством, согласи- но Катрин, урожденной французке. Но какова цена свободы сейчас, под холодным исследовательским лу- чом биологических и физических наук? Можете ли вы придумать более коварную, безжалостную и многосто- роннюю связанность, чем внутренняя связанность, от которой мы, люди, страдаем? Можем мы *начать* пред- ставлять спартанский мятёж против таких господ?

К чему же мы пришли в нашем рассказе о человече- ском горе? У нас тройная проблема. Страдание на на- шем человеческом уровне, бессмысленность на наших надчеловеческих уровнях и рабская подчиненность на наших подчеловеческих уровнях.

Почему мы посчитали необходимым быть так нета- тивно настроенными относительно человеческого поло- жения? Мы отвечаем на этот вопрос, задавая еще один. Почему мы не делегли то, что большинство из нас делает большую часть времени, а именно, не замечали все, что неприятно, под ковер, не подавляли это, знали об этом абстрактно и обобщенно относительно других, при этом отказываясь знать это конкретно и частным образом от- носительно нас самих? Почему мы не присоединились к рядам тех бесчисленных образованных и умных, кото- рые изо всех сил настаивают на том, что они «всепо лишь люди». Другими словами, почему мы не продолжаем притворяться, что мы просто лягушки, которые никоим образом не выходят за пределы болота под ногами и темного неба над головой? Просто лягушки.

Ну что ж, принимая во внимание, какой угрожающей оказалась наша реальная ситуация, может быть, и неуди- вительно, что мы предпочитаем мир през с частыми ноч- ными кошмарами. И неудивительно, что в результате на- ши жизни становятся нереалистичными и непрактичны- ми в бесчисленных отношениях, так же как и века тому назад до научно-технического прогресса. И конечно, не- удивительно, что мы упустили лекарство от этой угрозы.

Здесь вмешивается Катрин. Хорошенького понем- ножку. Для нас пришло время искать лекарство. Для на- чала посмотрим снова на нашу космическую иерархию, начиная с галактик и до кварков (или это «болманы» Хигга?) с самим человеком, вписнутым или поставлен- ным в самую ее гущу, прямо в сердцевине её или его тройной проблеме. Где в этом многоуровневом Космо- се найдем мы Космическую Аптеку со средством от на- шей тройной беды? Не упустили ли Дуглас что-нибудь су- щественное в своей картине, какой-нибудь уровень, на котором может скрываться волшебное лекарство?

То, что я собираюсь делать сейчас, беря пример пове- дения из той великолепной и широко известной иллюс-

трированной книги «Силы десяти», — это путешествие по космической иерархии, начав за пределами галактик, с Дугласом в качестве цели, к которой я направляюсь. Я расскажу вам об окружающей обстановке по пути, пока вы будете сопоставлять это с иллюстрацией на стр. 24.

Начала я ничего не нахожу, только беспредельное пустое пространство. Затем появляется несколько крошечных точек света. Я приближаюсь к одной из них, и она становится больше и ярче и замещается быстро увеличивающейся спиралью света. Галактикой, которая, в свою очередь, замещается огромным скоплением звезд. Теперь все, кроме одной из них, исчезают, и та одна звезда оказывается нашим Солнцем — звездой, развившейся в Солнечную систему. Теперь Солнце исчезает и замещается Землей, этой прекрасной планетой. При возвращении теперь домой на эту планету она замещается, в свою очередь, континентом... страной... городом... улицей... зданием... комнатой, этой комнатой!

Я поймала тебя! Я кричу, и, чтобы доказать это, я выхватываю мой Полироид и быстро фотографирую тебя... Вот снимок. На этом месте Дуглас энергично вмешивается. *Не говори абсолютной чепухи! Ты, по меньшей мере, в моем зеркало действительно поймали Дугласа, этого лягушкоподобного парня, который находится на середине пути снизу (и на середине пути сверху) в космической иерархии. На самом деле ты только на половине пути. И если ты хочешь обнаружить меня, ожидающего тебя в конце пути, ты должна будешь прийти сюда, где я.*

Катрин соглашается. Возобновляя свое путешествие ко мне и фотографируя встречающуюся по пути, она продолжает свой рассказ. Я теряю нижнюю часть моего мужа... Теперь его торс исчезает... Я остаюсь с его лицом... Его глаза, нос и рот становятся больше и больше... и теперь они исчезают... остается лишь небольшой уча-

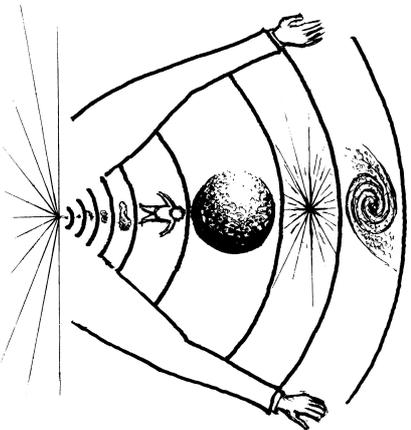
ток кожи... и он, в свою очередь, тоже исчезает, как только я вхожу с ним в контакт... Увы, я его полностью потеряла. Останись только лишь неясные очертания.

Если бы я была вооружена усовершенствованными фотокамерами и необходимыми оптическими и электронными микроскопами и тому подобным оборудованием, то последние шати моего путешествия были бы гораздо более интересными. Мой рассказ продолжался бы так. Небольшой участок кожи при ближайшем рассмотрении оказывается огромной толпой живых созданий, называемых клетками. Все они продолжают исчезать, за исключением одной, которая при ближайшем рассмотрении представляет собой очень странный мир, населенный клеточными органами и оргanelлами, и затем сложными и простыми молекулами, у которых есть структура, но нет цвета или жизни. Приближаясь к одной из них, я теряю ее и взамен нахожу атомы, затем один атом, затем частицы, затем только одну частицу. Которая есть лишь предпоследний шаг к пустоте. В действительности я подошла к разочарывающему концу моего космического исследования. Это выглядит так, словно в том месте, где, по словам Дугласа, он находится, его нет, и я сама сделала себя вдовой!

Причину такого горького разочарования нетрудно себе представить. Следуя примеру из «Сил десяти», я пренебрегла и не попросила мою «дель» завершить и довести до конца мою внешнюю историю о том, из чего он сделан, рассказав его внутреннюю историю. Именно это я сейчас и прошу его сделать. Стучась в его дверь, я кричу: «Есть ли кто-нибудь дома? Каково оно там, внутри, Дуглас?»

Указывая внутрь, на то, откуда он смотрит, он отвечает: «Никто из других людей не может пройти этот путь туда, где я — Ничто. Я продолываю весь этот путь. Но если сейчас, вместо того чтобы смотреть на меня, ты развернешься ко мне и подойдешь сюда и посмотришь

вместе со мной, ты увидишь и будешь тем же созданным Ничто, что и я, Ничто, которое вмещает в себя Всё. (В этом месте другие участники семинара видят Катрин и Дулгаса, соприкасающихся головами, и каждого из них протыгивающего руку, готовую объять весь мир.) Это Ничто-Всё есть Реальность, Источник и Центр всех тех региональных эффектов и наружностей, с которыми встречалась Катрин на своем долгом пути Домой. «Включено, конечно, человеческий объект на середине пути».

Пришло время для всех участников семинара са-мим, друг с другом, сделать то, что делали сейчас мы, и выяснить, придут ли они к тем же или похожим выводам. И также проделать другой важный эксперимент (такой, как, например, Тоннель или же Карта), цель которого — увидеть и принять к сердцу огромную разницу между тем, какой он в Центре, и тем, как он выглядит на расстоянии.

В обычной терапии моя болезнЬ здесь, а мое лекарство там. В необычной терапии мы меняем местами: моя болезнЬ там, а мое лекарство здесь. Остаток семинара был проведен в раскрытии того, как превосходно подходит это центральное лекарство к этой внецентральной болезнИ, как оно втройне эффективно от этой тройной

проблемы. От нашей надчеловеческой потерянности и бессмысленности, от нашего человеческого одиночества, борьбы и страха смерти, от нашей подчеловеческой обусловленности и рабской подчиненности.

Этот парень, находящийся в середине пути, чрезвычайно мал, это же центральное Бытие безгранично. Этот парень, находящийся в середине пути, обнаруживает, что он потерялся во Вселенной, а центральная его часть обнаруживает, что Вселенная потеряна (или скорее найдена) в нем: у него есть место, и в избытке, для любого количества галактик. Точка, на которую он указывает, неожиданно разрывается во всех направлениях и вне всяких ограничений. Не то чтобы он верил в свою вместительность или понимал ее, но он видит ее даже еще более четко, чем нехватку ее в этом маленьком парне. В противоположность маленьким рукам этого парня эти огромные руки явно держат этот Космос в двойных объятиях — объятиях владения и любви.

Теперь о нашем человеческом уровне.

За этими пределами мы все заделаны в отдельные свертки для ближайшей отправки в Ад. Здесь, в Центре, мы не имеем ничего, что могли бы скрывать друг от друга. Здесь, в Раю, каждый исчезает в пользу другого. Мы не культивируем чувство любви, но перестаем сопротивляться тому факту, что мы вскрыты и открыты друг для друга, созданы для любви.

Этот маленький парень, конечно, создан быть закрытым, что означает: создан для умирания, и это касается всего сущего. Каждая вещь умирает. Но в самом центре ты есть Не-вещь и негленен, — Ни-что, которое есть везде, всеохватывающее и широко бодрствующее. Ни Смерть, ни страх Смерти не может попасть туда, где нечему умирать. Ни Смерть, ни страх Смерти не могут попасть к Вешам-как-Целому. Этот Космос, восхитительная Иерархия тленных частей и целого, которую исследовала Катрин, — неделимая и неразрушимая То-

тажность. И эта Тотальность есть настоящее Тело, тот Организм, в котором все тела — это органы, та Одна Жизнь, благодаря которой все остальные жизни существуют. Не говори мне, что это настоящее Тело, общее для всех нас, прязно или испачкано или неприятно! Если ты можешь вызвать в воображении более элегантно, великолепное, нестаряющее и действительно райское телосложение, мы бы хотели услышать об этом.

На этом месте кто-то спросил, как, живя осознанно из нашего Истинного Центра, одолеть физическую боль. Дуглас сказал, что он по сравнению с Катрин телесный трус и она единственная, кто может ответить на этот важный вопрос. Она ответила: я страдала от артритических болей долгие годы, особенно в руках, а последнее время и от головных болей. И я нахожу, что боль, хотя и никоим образом не уничтоженная, нуловимо изменится. На самом деле, должна быть большая разница между тем, когда с ней справляются отсюда, где я Есть, и тем, Кто я есть, чем той Катрин, там, где она есть. Способ утвердиться в этой разнице — прийти Домой и посмотреть самому.

А как насчет нашей третьей проблемы — пятикратной обусловленности, навязанной нам нашими составляющими, которые являются нашими гостодами, в рабочей подчиненности на подчеловеческом уровне? Ну что ж, существует только одна область, один орган в нашем Цепостном Тэле, абсолютно свободная от любой обусловленности, которой не может достигнуть ни один из этих гостол. Это там, где достигать Нечето, и нег Никого, кем можно было бы управлять. Здесь, в самом Ядре и главной Движущей Силе нашего Тела, абсолютнона свобода по той простой причине, что (довольно умно!) ты также абсолютно отсутствуешь в том месте, где абсолютно присутствуешь! Эта хитрость, способная сбить с толку любого рабываделльца! Если коротко: Таким, какой ты есть, и Там, где ты есть, ты — Сама Свобода.

Здесь, наконец, и есть обещанный нами счастливым конц. Ты и есть лекарство тройного действия для твоей тройной проблемы. Можешь ты вообразить Лекарство, более подходящее к Болезни, более доступное, с минимально возможными побочными эффектами, вызванными лекарствами, риском перелозировки, более целебное? Или же Лекарство более недооцененное и не предписываемое.

Нам остается только принять это лекарство и раскрыть, насколько сильно, всесторонне и кумулятивно его действие. Я не знаю ни одного случая, ни одного вида деятельности, который бы не выпрал коренным образом от больших доз. И, в конце концов, удивительно, что сделанное сознательно тем Я, в Центре, будет гораздо лучше сделано, чем сделанное тем, кем я выгляжу для тебя извне. Катрин и я не отрицаем, что этот образ жизни труден, но мы должны также добавить, что по нашему опыту существующие альтернативы оказываются в конечном счете даже более трудными.

Все мы, даже самые здоровые, нуждаемся в этом Лекарстве. Так получилось, что мы живем в том, что действительно, в своем основании, является Фармацевтической Вселенной. Или даже Сакраментальной Вселенной. Но в этом случае (если я могу перефразировать строки Патмора из Ковентри):

Как испорченный Хлеб

И прашное Вино,

Что отведают там, где нег никого,

кто мог бы отведать,

Создало людей жестоких

И людей богоподобных.

ГЛАВА 4 РАЗВЯЗКА «КЛЕВЕРНЫЙ ЛИСТ»

Редакция бесценного журнала «*Wish*»? вряд ли в обзримом будущем выпустит публикацию о том, как вы брать — нет, на этот раз не машину, и не портативный видеорекамеру, и не твою профессиональную карьеру, а твою *духовную* карьеру или Путь Домой. Итак, именно нам предстоит взяться за эту работу, схематично и кратко обрисовать возможные альтернативы с их «за» и «против», их ценой и так далее.

Рассмотрим факты. Большинство умных и ответственных молодых людей посвящают свое время и помыслы обдумыванию выбора «мирской» карьеры, перед тем как связать себя этим выбором. Они взвешивают преимущества и недостатки различных профессий. Они следуют советам. Они даже могут пробовать некоторые из альтернатив, словно проверяя температуру «профессиональной воды», перед тем как прыгнуть в нее с головой. Случайно или по неосторожности лишь немногие попадают в самый водоворот карьеры длиной в жизнь. Но насколько по-инному выглядит ситуация, когда те же самые умные и ответственные молодые люди подходят к выбору того, что неизмеримо более важно, — своей *духовной* профессии! Они брошены в нее тем, что обдадут всеми признаками слепоты случая. У друга был друг, у которого был билет на ту увлекательную лекцию. Тебя ввели в заблуждение и заставили прочитать некую сногсшибательную книгу. В поездке ты встретил обаятельную попутчицу: на самом деле это она встретила тебя и положила в сумку еще одного ученика для своего возлюблен-

ного гуру. Тебе было скучно и нечем заняться, и это яркое рекламное объявление яростно трепыхалось на коврике возле твоей двери, только что не поджигая его. Или, может быть, ты как во сне соскользнул в вероисповедание твоих отцов, так, как определено географически их местом проживания, социальным классом и уровнем жизни. И так далее, и так далее. Чем бы ни было то, что подтолкнуло тебя на твоём духовном пути, держу пари, что в твоём случае это было детальным изучением духовной «почвы», включая дороги, ее пересекающие, и соответствующие условия движения, не более чем это было в моем случае. То есть — далеко от этого!

Ну что ж, еще не слишком поздно исправить положение. Не важно, насколько закален или незакален путешественник, едущий по какой-либо дороге, или куда он должен или не должен прийти, чем больше он узнает о дорожных условиях впереди, тем лучше. Видимость, погодные условия, транспортный поток, аварии, дорожные работы, знаки объездов — небезопасно и неблагоприятно закрывать на это глаза или игнорировать какие бы то ни было придорожные знаки или предостережения, передаваемые по радио. Особенно важно, если это духовная дорога, Путь, ведущий к Дому, по которому путешествуем ты и я. Отсюда следующее исследование.

Здесь ты можешь сказать мне, что твой приверженность к определенному духовному пути на самом деле не обусловлена случайностью. Она обусловлена твоим темпераментом. Некоторые из нас привлечены поисками Истины, другие — поисками Добра, в то время как третьи стремятся к Красоте. Или, может быть, если ты придерживаешься восточных традиций, ты укажешь на то, насколько широко варьируются наши духовные способности или кармические наследия: с тем результатом, что немногие из нас стремятся к пути Знания, Мудрости или Вильяето, многие же стремятся к пути Преданности, отдавая себя Богу или одному из Его особых вопло-

шений или олицетворений, и некоторое число людей — к пути *Добрых дел*, бескорыстному служению миру, полному страданий. «Позволь мне быть верным моему призванию — ты добавишь, — и моим талантам (таким, какие они есть), и они в конечном счете приведут меня Домой. Я путешествую моей собственной дорогой и не лезу в чужие дела, признавая, что другие путешественники выбирают другие пути и едут на других моделях транспорта, которые, возможно, используют другой вид топлива. Удачи им!»

Вполне благовидный аргумент, но я его нахожу неубедительным по двум причинам. Во-первых, я должен сказать, что это вызвание к моему темпераменту или наклонностям мало что значит для меня. Я не знаю насчет тебя, но я не могу быть уверенным в своей принадлежности к типу интеллектуальному, сенсорно-чувствительному или эмоциональному, или же к типу деятельному или пассивному, или же к непризнанным личным ху-дожникам, или (по милости Бога) к беспокойным идиотам. И более того, ни один из тех, кто во мне, не в состоянии мне этого сказать. Мое внутреннее знание таково, что если у меня в принципе есть темперамент, то это «адская» смесь из всех этих ингредиентов и даже больше, и которому из них случится внезапно проявиться, зависит от того, кто помещивает котелок в этот момент. Моя вторая и основная причина заключается в следующем. Хотя, конечно, возможно попасть Домой по только лишь одной дороге, мое пребывание здесь действительно очень кратковременно, мой визит в лучшем случае мимолетен. Но в действительности, и я буду отстаивать эту точку зрения в данной главе несколько позже, человек должен пройти несколько различных дорог, чтобы достичь Дома и наслаждаться пребыванием в Доме и чувствовать себя Домом. Так что в конечном счете подход индивидуума должен быть всесторонним и не только прямолнейным, а совмещением всех сторон вместо

прямолинейного приближения. Отсюда следует, что так называемый темперамент — это в большей степени вообразимое ограничение, препятствующее развитию, а не набор отличительных черт, которые следует развивать в себе.

Или, может быть (и конечно, совершенно обоснованно), вместо вызвания к фантому темперамента ты толкуешь «случайность», которая толкает тебя на твой духовный путь вовсе не как случайность, а как мудрое управление доброго и всевидящего Провидения. В этом случае я полагаю, что то же самое Провидение (которое несомненно есть преимущественно Всесторонность и Правитель Широкого Взгляда и ни в коем случае не избирательно в отношении путей Домой к Самому Себе) сердечно поприветствует твою открытость, что твой особенный Богом данный Путь связан с другими особенными Богом данными путями Домой, и что вместе они составляют неделимую транспортную систему, единый поток или возвращение Домой. Как мы вскоре и увидим.

В любом случае здесь мы будем рассматривать четыре варианта.

Путь 1 — Путь Видящего

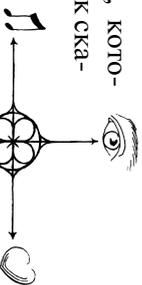
Это путь Наблюдателя данности того, что Истинно и Чье путешествие Домой в Центр Всех Вещей есть тоже самое, что и его путешествие Домой в его собственный Центр.

Путь 2 — Путь Преданного

Это путь самозабвенной Любви, путь тех, чье путешествие Домой есть путешествие к Богоподобному Другому; единственному достойному того, чтобы отдавать себя Ему.

Путь 3 — Путь Слуги

Это путь делегата хорошего, который достигает Дома случайно (так сказать), помогая другим двигаться в этом направлении.

Путь 4 — Путь Художника

Путь его — это поиск, творчество и преданность Прекрасному.

Путь 1: Путь Видящего

Преимущества

Из всех путей Домой этот путь самый прямой, самый ясный, самый быстрый, и на нем нет ограничений скорости в любом направлении. Единственное правило на этом пути (и это необходимость) — ты идешь согласно тому, что видишь, а не руководствуешься слухами. Передвигаться по этому пути легко, и транспортные движения действительно очень небольшие. И для всех тех, кто идет этим путем, он представляется очевидным, и они удивлены его популярностью.

Для того чтобы увидеть, насколько он очевиден, насколько прям и быстр, пожалуйста, дай это путешествие из путешествий прямо сейчас. Эта иллюстрация покажет тебе, что делать, но не освободит тебя от необходимости сделать это самому.

Держи небольшое зеркало на расстоянии вытянутой руки и брось све-

жий взгляд на лицо, которое ты видишь там. Внимательно но изучи, на каком оно расстоянии, насколько оно маленькое, насколько сложное, насколько непрозрачное, насколько переполнено самим собой, исключая всех других; не говори уже о том, насколько мимолетно, насколько «здесь» сегодня и «исчезло» завтра.

Ну что ж, это то, чем ты являешься для себя самого и для других в той далекой стране, на большом расстоянии от Дома.

Теперь с помощью своего указательного пальца проделай это путешествие из путешествий медленно, с должной тщательностью и вниманием вдоль твоей вытянутой руки, весь путь от твоего запястья к локтю, от локтя к плечу, от плеча к — *чему?* Несомненно, к тому, что *со всей очевидностью* является *отсутствием* шеи, Адамова яблока, подбородка, всего. К Ни-чему, к безграничному Космосу, к широко Бодрствующей (повторю, широко Бодрствующей) Пустоте или Ясности, к долгожданной Открытости, которая приветствует тебя в конце путешествия.

Из всех домов твой находится на самой величественной ступени. Может ли контраст между Дворцом, из которого ты смотришь на ближайший конец своей руки, и «как-бы-это-назвать?», тем, на что ты смотришь с дальнего конца, быть еще больше, чем он есть, или еще более игнорируемым? И даже более того, это помещение подходит тем, кто в нем обитает. Ради Бога, и ради себя, и ради всего на свете проверь, что ты здесь, а не там, что здесь, Дома, ты видишь — ты совершенно свободен, совершенно прозрачен, совершенно открыт, совершенно бесмертен.

Да, твой путь Домой Дорогой 1 такой простой, такой очевидный, такой быстрый, такой уютно-удовлетворяющий! И позволю мне уверить тебя, что — провалятся мне на этом месте! — это путешествие-по-руке не «экскурсия в кресле», не имитация, не предварительный и

не низший по значению вариант твоего путешествия Домой. При условии, что ты дал себе труд и вытщипал свое зеркало, и путешествовал с должной тщательностью, вниманием и открытым умом, это было реально, и оно вело тебя весь этот путь.

Но в таком случае почему этот путь так не популярен, почему столь немногие путешествуют по нему?

Недостатки

Что ж, существуют некоторые основания, препятствия (как реальные, так и надуманные), более или менее благовидные отговорки для избегания Пути 1, словно проклятия, или даже для стирания его с карты целиком.

Первое и главное основание нетрудно обнаружить, мы уже говорили о нем. Ты, возможно, заметил, что безграничная ясность, в которой твоё плечо постепенно размывается, была очень кратковременной и мимолетной. На самом деле ты, возможно, уже задавался вопросом: зачем утруждать себя и путешествовать куда-либо, если тебе нельзя остановиться там достаточно долго для того, чтобы, по крайней мере, оглядеться, не говоря уже о том, чтобы припарковаться? Правда такова, что только после многих таких мимолетных визитов ты вознамеряешься разрешением на парковку. И, разумеется, немногие из путешественников достаточно терпеливы и упорны, чтобы получить его.

Вторая причина непопулярности Пути 1, Пути Видящего, в такой же степени неоспорима, как и очевидна. Проблема в том, что дорога проходит по таким неинтересным местам, сквозь утомительно скучные пейзажи, унылые и серые. Скажи мне, был ли ты взволнован, трепетно возбужден и воодушевлен твоим «от-руки-к-отсутствию-рта» путешествием? Не проходило ли оно под уклон весь путь? Ты и я так много читали о наслаждениях и утешениях духовного пути — любого духовного пу-

ти, достойного такого названия. Многие ли из этих наслаждений или прекрасных утешений ты испытал на этом самом коротком и наименее трепетном из путешествий? Или собираешься испытать, если продолжишь повторять его всегда и еще день, словно сумасшедший фанатик, который сел на курсирующий под Ла-Маншем поезд и полсел на вид в этом Тоннеле, как на наркотик.

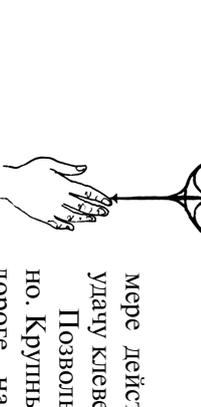
В этом месте мне бы хотелось добавить, с моей стороны, третье препятствие к нашему списку. Полвека назад, третья препятствие к нашему списку. Полвека назад, включая меня самого, конечно, — убедили меня в одном. А именно, насколько легко добираться Домой достаточно регулярно этим маршрутом и тем не менее испытывать отчаянную нехватку самозабвения, смирения и активной сострадания — не говоря уже о наслаждении красотой, которая повсюду, — что наверняка стало бы нашим, если бы только мы остались Дома достаточно долго, чтобы дать этому шанс. При таком положении вещей мы, видящие, совершенно явно отнюдь не святые. На самом деле, думаю, раньше или позже, каждый из нас обнаружит, что он или она еще хуже, а не лучше, чем любой среднестатистический, благопристойный человек. В таком случае какова теперь цена духовности? — можешь спросить ты.

Это довольно плохо, но четвертый недостаток Пути 1 еще хуже и наиболее обескураживающий из них. Путешествие могло бы вселить в тебя страх или даже заставить обезуметь от страха, скорее, а отнюдь не наполнить. И неудивительно. Допуская, что тот ты, который продолжает проявляться в твоём зеркале — несовершенный экземпляр, дефектный во многих отношениях и на самом деле всего лишь осужденный преступник, ожидающий приведения приговора в исполнение, — допуская все это, по меньшей мере что ты *существуешь*, и весьма кратковременно. По меньшей мере в тебе *что-то* есть, как бы ничтожно мало оно ни было. По меньшей

мере, что ты — *кто-то*, не говоря уж о том, насколько одинок, потерян и нелюбим среди миллиардов таких же в равной степени несчастных людей. Но даже эта искра, этот проблеск утешения виднеется в дымке в конце Пути 1. Я спрашиваю тебя и ты спрашиваешь меня: какой смысл в этом упорном и старательном стремлении Домой, только лишь для того, чтобы обнаружить, что илудший исчезает *в пути*? Какое это желанный Дом, в котором некого встретить? А вы еще говорите мне, что в наше время путешествовать по автомобильным дорогам рискованно! Вот вам шоссе, которое *гарантирует* смертельный исход!

Все сказано — чудовищное обвинение предъявлено.

Однако я с восторгом уверяю вас, что существует радиальный ответ на все эти возражения. Даже более того, Путь 1 сам велет нас к нему, где он принимает известную водителем форму дорожной развязки «клеверный лист». В этом случае по меньшей мере действительно приносящий удачу клеверный лист.

Позволь мне объяснить наглядно. Крупные ремонтные работы на дороге, нагромождение несчастных случаев и отвратительные погодные условия довольно часто блокируют заключительный этап Пути 1. *В результате меня приводят на один из трех других путей Домой, начинающихся на этом «клеверном листе».*

Правда, конечно, в том, что эти достаточно обычные задержки, за которые нам приносят извинения, неохотно оборачиваются благом. Они гарантируют, что мой прямолинейный путь Домой уходит в сторону, что мой односторонний подход начинает совмещать в себе все

сторонны. Настоячивый видящий не столько брошен, а мягко направлен в преданность, в благое служение, в очарованность. Таким образом, наконец-то слова Мундаки Уланишады приложимы к нему: «Приблизившись отовсюду, которое присутствует везде, целое, он переходит в Целое». Это не заслуга путешественника. Так завещено. Тогда и только тогда он обеспечивается безграничными по времени разрешениями на парковку для использования в самом Городском Центре. И наконец-то он способен понять, что здесь и только здесь находится его совершенствование, его несравненная безопасность и как нелепы были его страхи относительно полного уничтожения.

Подводя итог, каким бы ни был избранный или же неизбранный тобой путь Домой, следай милость, испытай, просто испытай Путь 1, опираясь на следующие разумные доводы. Он экономичный, прямой, быстрый, и его дорожное покрытие в хорошем состоянии, и в конечном счете он неминуем. Но не ожидай слишком многого от него до тех пор и пока ты не попутешествуешь по нему достаточно часто, чтобы постоянно меняющиеся дорожные условия (под которыми я подразумеваю ухабы и задержки на дорогах, которые жизнь нам всегла преподносит) стали гарантией того, что ты зачастую путешествовал Домой также и другими дорогами, особенно Путем 2. И обнаружьешь, что Бог имел в виду, говоря тебе, так же как и Аль Ниффари: «Доставь радость Мне как глазам твоим, и я доставлю радость сердцу твоему».

Путь 2: Путь Преданного

Преимущества

Путешествие к Дому по этому пути, Пути Сердца, резко отличается почти во всех отношениях от путешествия Путем 1, который является Путем Глаза. Путь 1 прохля-

ден, порой холоден, словно лед, а этот комфортабельно теплый и иногда обжигающе горяч. То было созерцание Пустоты, Ничто, Отсутствия, которое не более восхитительно, обожаемо, ярко, прекрасно и благоухающе, чем дырка в твоём носке, — а этот путь есть не только ощущение оттенка розы и ее аромата, но часто и красоты самой розы, чего-то восхитительно любимого, излившегося на Существо или Человека или Сверхчеловека, во всех отношениях достойного любви. То было суровое упражнение на уверенность в себе, перемещение себя в ситуацию отсутствия внешнего прибежища, которое так рекомендовал Будда — это же есть самоотдавание, непринужденная передача себя Единому, который, как ты знаешь, никогда не оставит тебя и на которого можно положиться со вздохом облегчения. То была установленная практика — это же как увлекательная поездка на автобусе, полном веселых товарищей, таких же преданных. И, конечно же, нет ничего более увлекательного и быстрого для удаления претрад, чем совместное поклонение одному Богоподобному Некто — если этот Некто действительно тот Единый, или (что более правдоподобно) весьма уникальное его олицетворение, или подмена.

Конечно же, огнюдь не удивительно, что Путь 2 должен быть гораздо более популярен, чем Путь 1. И он не только популярный, он еще и обязательный. В некоторой степени *на пути* и на «п-ой» ступени по прибытии Домой из любого направления твоя личная и повзростанная воля должна быть подчинена воле того Единого, которым ты на самом деле являешься. Только когда у тебя нет собственных планов, только когда у тебя нет НИЧЕГО, что можно было бы **ПРЕДЪЯВИТЬ** на таможне Рай, тебя выпускают на этот путь.

Недостатки

На самом деле этот отказ от личной воли есть самое жесткое и строгое требование из тех, которые только можно вообразить. Оно настолько требовательное, что из тех многих, отправляющихся по этому пути, и вышедшего числа прошедших некоторый отрезок по нему мало кто достигает его конца или останавливается на нем на какое-то время. И так получается, что по последним участкам этого пути ездят не больше, чем по соответствующим отрезкам Пути 1. Даже еще менее, пожалуй.

Более того, на пути две большие опасности. Первая — риск того, что обожаемый Учитель может быть разоблачен как недостойный уважения, не говоря уже о поклонении. В конце концов, предьявляя свои права (или неудачно пытаясь отказаться от них) на звание Сат-гуру (в переводе с санскрита — Божественно Вдохновенный Учитель), или Махарадж (в переводе с санскрита — Великий Царь), или Свами (в переводе с санскрита — Господин), или Бхагван (в переводе с санскрита — Бог), или на те или иные менее возвышенные Западные эквиваленты, он действительно задает высокие стандарты для самого себя, если не сказать: направляется на неприятности. И если обнаружится, что вся его жизнь была опровержением тех ценностей, которые он так настойчиво проповедовал, тогда, к ужасу его последователей, добавляется публичный скандал с последующим закономерным очернением духовности в целом. Я не говорю, что это должно случиться непременно, но подобное случается. Преданные, будьте осторожны!

Второй риск: даже если Учитель отказывается от титула и не ищет власти, то все равно остается вероятность того, что преданность последователей окажется такой подсаженной на нем, что прекратится вместе с его существованием. Можно сказать так: чем менее харизматич-

чен Учителя, тем лучше, потому что менее вероятна ситуация удержания последователя вдали от Бога. (Мне вспоминаются св. Хуан де ла Крус и св. Винсент де Поль, ни один из которых не изучал праведности.) Учителю-то хорошо утверждать (надлежало, с достаточной долей искренности): «Если ты не желаешь или не готов отдать себя Богу, по меньшей мере отдай себя мне, это будет первый шаг к истинной цели — всепоклонения». Слишком часто оказывалось так, что это становилось *последним* шагом в этом направлении, и бедный ученик застревал на обочине на неопределенное время, далеко от Дома. Вероятно застревал, если он христианин, в своем идиолопоклонническом поклонении смертному Иисусу, невидимательный к его предупреждению, что только Бог добрый — предупреждению, обращенному к человеку, опрометчиво назвавшему его «Добрый Учителем». Этот титул, прошу отметить, далеко не столь промок, как Махарадж или Великий Царь, не говоря уже о Бхатван или Бог Дж. Дж. Оллиер — высоко ценимый духовный лидер в XVI веке — имел все основания сказать: «Даже взгляды на Иисуса со всей его человечностью может быть препятствием к взгляду на Бога во всей Его безупречности».

Но я должен поспешно повторить, что, несмотря на эти опасные дорожные условия и риски путешествия, это та дорога, по которой все мы должны пройти в конце и до конца. И нам предстоит окончательно подчинение: слияние с ним и подчинение ему, но решительно не попытка его достичь. На языке христианства это не что иное, как участие в Священном шествии людей, во имя поклонения Отцу, но в образе, отличном от него Самогото, в образе его Сына. И наоборот, участие в поклонении Сыну не как ему самому, а как образу его Отца. Да, действительна! Самопочитание не более благовонно в Боге, чем в человеке. Поистине только Бог не имеет никакого оттенка запахка от этого нездорового аромата около се-

бя. Только в Нем, который есть сама Любовь, наша любовь не имеет примеси самолюбия.

Путь 3: Путь Слуги

Преимущества

Это выглядит как сравнительно безопасный и непроторечивый Путь Домой. На самом деле обычный хорошо информированный и хорошо воспитанный гражданин скажет тебе, что это единственный Путь, другие Пути (в такой мере, в какой они вообще появляются на карте) склоняются к болезненной самозабоченности и эгоцентризму. Накормить голодного, одеть, приютить и воспитать бедного, вылечить больного — это настоящая жизнь Духа, состоящая в забвении самого себя и своего личного благополучия ради заботы и внимания к другим. И, конечно, они правы. Так называемая духовность, которая исключает других и не тронута их неблагополучным состоянием, — фальшивка и подделка. Снова в христианских терминах: прокаженный нищий есть Христос, путешествующий инкогнито, и что ты можешь сделать для него — значит, ты можешь сделать во имя Христа и в духе Христа, который заботится больше о нем, чем обо всех духовных страждущих в христианском мире.

Недостатки

И вновь, если это твой единственный Путь, ты совершенно точно попадешь в неприятности и удержишься далеко от Дома. В то время как по правде ни один из нас не может позволить себе обойти эту дорогу, правда также и то, что никто из нас не может позволить себе закрыть глаза на ее трудности и опасности. Здесь три из них.

Пределанно и бескорыстно творить добро из чистого сострадания, без какого-либо поддерживающего поощ-

рения для себя в этой святой роли, чрезвычайной трудно. Нет! Это невозможно! Был ли даже св. Винсент столь праведным, не говоря уже о матери Терезе? Я не вижу никого, кто бы добирался Домой только по этому билету. Должны быть и другие билеты, другие пути. С Путем 1, например, где гарантией от самопоздравления путешественника становится исчезновение того, кого можно было бы поздравить. Не то чтобы получатель твоего милосердия наплевательски относится к твоему драгоценному побуждению, конечно. И да, конечно, лучше милосердие, которое похлопывает себя одобрительно по плечу, чем его полное отсутствие.

Наряду с проблемой разнородных побуждений существует проблема разнородных последствий. Как насчет неблагоприятных последствий твоих самых добрейших действий, непредвиденных побочных эффектов твоих самых эффективных лекарств? Общеизвестно, кратко-временная помощь имеет отвратительную тенденцию превращаться в долговременную преграду. Помочь беспомощным прекратит нуждаться в твоей помощи — вот помощь на самом деле, но ее нельзя назвать ни легкой, ни широко распространенной.

В заключение наиболее важное: остается вопрос о том, какая степень и уровень помощи на самом деле полезны. Материальная и даже психологическая помощь без внимания к ее духовным результатам может стать медвежьей услугой. Я вспоминаю об этих «рисовых христианках», чье обращение в веру миссионерами, полными благих намерений, было даже хуже, чем просто бесполезным. И о боллеутоляющих, вызывающих состояние комы и прописываемых столь щедро умирающим с тем результатом, что Прибытие Домой, которое могло бы быть событием, венчающим жизненный путь пациента, теперь скрыто в тумане, совершенно потерялось. Если кратко, то неосмотрительно дать твоему пациенту или нищему то, что он хочет, — столь же небезопасно, как

неосмотрительно дать твоему ребенку то, что он хочет: в то время как дать ему то, что ты думаешь ему нужно, может быть гибельным. Торквемада сжег тысячи еретиков заживо, потому что верил, что это было хорошо для их душ, так их души в последнюю минуту могли быть спасены от вечного адского огня.

Что делать? Как понять, в чем на самом деле нуждается человек? Проблемы, с которыми сталкиваются идуший на Путь 3, начинают казаться столь неразрешимыми, что ты можешь вполне подумать: уж не тупик ли это, а не Путь Домой вовсе?

Но не волнуйтесь, добрые души. Есть защита от непредвиденных и не предусмотренных неблагоприятных последствий твоих добрых дел, так же как и от других препятствий этого Путь Домой. Она не состоит из раскрасневших подсчетов вероятных результатов или из какого-то другого вида премудрости и призадумывания. Ты не будешь удивлен, услышав, что это дополнение к Путь Домой дорогой 3 путем сочетания ее с частыми путешествиями туда также и другими путями, в частности Путем 1. И вот как ты можешь идти по нему.

В то время как заглядывая внутрь, чтобы увидеть, что ты ешь на самом деле, где ты на самом деле, постои три воене и увидь, чего ты таким образом достигнешь, вполне естественно. Не продолжай задаваться вопросом, почему ты ведешь себя именно так, а не иначе, и не пытайся предвидеть все последствия этого. Прекрати игнорировать свое Единственное Око, которое есть Око того Единственного, Кто видит. Прекрати игнорировать Центральную Недвижимость, которая движет всеми вещами, не только твоими руками, дающими милостьню, и ногами, несущими Евангелие. Перестань оставаться глухим к Центральному Безмолвию, которое говорит с тобой успокаивающим и вдохновляющим голосом. Следи этому, и все остальное добавится. Делай это и оставайся уверенным, что ты делаешь правильные вещи в

правильное время для правильных людей, хотя видимость может быть обратной. Ты можешь смело поддерживать какую-либо новорожденную благотворительность или не поддерживать. Жди и смотри, смотри и жди. Тебя не заставят ждать слишком долго. Жизнь Дома не контролируется правилами. Это автобус, а не трамвай, «свободный-как-ветер» вертолет, а не привязанный к дороге автобус. Это та единственно истинная и истинно забытая ливая Спонтанность, которая не определяется ни привычкой, ни принципами, а прямо исходит из Источника всего сущего и ведет к Разрешению всех проблем, от которой он никогда не отделим. Знание-того-что-делать и знание-того-как-это-сделать, возникающие из твоего божественного Центра, обладают бесконечной мудростью и красотой, в то время как их аналоги, претендующие на происхождение из твоего слишком-человеческого окружения, иллюзорны и на самом деле не существуют.

Но не верь мне. Старайся верить первому и не доверять последнему с этого дня и далее и всегда.

Путь 4: Путь Художника

Преимущества

Этот Путь Домой так мало познан в тех кругах, которые ты можешь назвать духовными, что ты, вероятно, удивилен, что я вообще включил его. Ну что ж, в качестве объяснения вот подлинная история.

Кюре Д'Арс, канонизированный как св. Жан-Баттист Вианни, относится к наиболее сверходаренным и притягательным современным святым. И все же, когда один из его прихожан принес ему прекрасную адулю розу, он резко развернулся и пошел прочь, чтобы это не отвратило его от Божественной Красоты. Для кюре «почти-глаз» словно «похоть тела» создавала дьявольскую преграду на Пути Домой и отнюдь не воспринималась

как божественное подталкивание в этом направлении. Я полагаю, что эта несчастная односторонность была вызвана той же причиной, что и у падре Пио, который имел много ужасающих схваток с Дьяволом в образе человеческого и также находил необходимым регулярно бичевать себя через определенные периоды времени. Этих извращений можно было бы избежать, если бы только он видел, что все прекрасное — не только телесное — свидетельствует о Красоте Единного и происходит из Того, Кому он так страстно поклоняется. Жаль, что, имея проблемы в либеральном обучении, он, вероятно, никогда не читал «Симпозиум» Платона, в котором Сократ с непрезвзойденным красноречием и шармом по-казывает, как наслаждение прекрасными Земными формами может и должно вести человека словно по ступеням к наслаждению Прекрасным как таковым, существующим на Небесах.

Но здесь ты можешь чувствовать себя более склонным разделять точку зрения французского священника, чем греческого философа, отряпая или по меньшей мере сомневаясь, что стремление к Прекрасному обязательно ведет человека по направлению к Дому. В конце концов, такие истинные поклонники Прекрасного, как Тулуз Лотрек, Поль Гоген и Пабло Пикассо (говоря только о трех Современных Мастерах), вместе с большинством Старых Мастеров не были ни святыми, ни мудрецами. В этом отношении ни Шекспир, ни Данте, ни Рембрандт или Моцарт не подвергались риску быть канонизированными. Тем не менее я должен настоять на том, что эта полная «звезд» галактика гениальности изысканных искусств обеспечивает бесценную и важную услугу всем нам, и даже более того, делает это с величайшей преданностью, несмотря на высокую личную цену. В наших терминах, неведомо для самих себя, они сочатют путешествие по своему собственному Пути 4 с путешествием по Пулям 2 и 3. И я не сомневаюсь, что на-

иболее одаренные из них (включая Мейстера Эхарта, св. Хуана де ла Круса и Руми, которые были как литераторами, так и духовными учителями) путешествуют также по Пути 1, Пути Видящего. Шекспир по меньшей мере делал это с полным осознанием: посмотрите на его предупреждение в «Око за око» о существующей опасности, что мы будем вести себя словно злые приматы, пока упорно продолжаем игнорировать нашу «прозрачную сущность», — называя иначе, нашу Центральную Прозрачность.

В этом месте ты можешь мне напомнить, что мало кто из нас является мастером в каком-либо виде искусства, тем более великим. Верно, но это не означает, что Путь 4 закрыт для нас, простых смертных. Вовсе нет. Вот еще одна (правдивая) история, иллюстрирующая мою точку зрения.

В 1964 г. я проводил семинар Видения в Буддийской легкой школе возле Лондона. Среди прочих присутствующих, которые «видели», был джентльмен, который представился как Лт-Кол. Ролдер Гантер-Джонс. Прогуливаясь со мной на следующий день в саду, он был поражен красотой одного из сортов роз и спросил, из какой страны привезены эти кустарники. Однако, продолжаясь далее и смотря на другие цветы, он обнаружил, что они столь же изумительно прекрасны. Это было так, словно все цвета в мире Ролдера внезапно зазвучали как песни. И вот приятное продолжение этой истории. Вниз по дороге от легкой школы находилась плохо скрытая и дурно пахнущая обшественная мусорная свалка. И здесь, позже на неделе, я случайно наткнулся на Ролдера, пристально вглядывавшегося в хлам из старых консервных банок, поломанной мебели, битой посуды и комканых тряпчатых газет. Там он стоял, завороженный очевидной правильностью и неизбежностью цветов и компоновкой узора в том, что виделось (в куче мусора), — абсолютным совершенством всего этого. Отнюдь не то поведе-

ние и чувствительность, которые ты мог бы ожидать от отставного военного офицера и атташе посольства.

Правда такова, что, взрослея, мы делаем ужасную, но неизбежную ошибку наложения той головы-в-закладе на наши собственные плечи (вместо того чтобы оставить ее войне, там, где она очень хорошо подходит к другим плечам), и это затуманивает, притупляет и искажает все, что мы видим. И единственный способ заново раскрыть этот удивительно яркий и сияющий мир, который мы потеряли взрослея, — это повернуть наше внимание к Тому, Что мы получаем от всего этого именно в этот момент, и увидеть, что прямо здесь заметить эту славу мешает не более чем пылинка. Я допускаю, конечно, что это легкое наслаждение миром очень оглинчно от его превознесения в великих композициях из слов, красок и звуков. Но оно великое по-своему, и — о да! — глубоко творческое, и отнюдь не нечто пассивное, как ты мог бы подумать по ошибке. И, в конце концов, оно *неизбежно*, если ты поселишься в самом Дворце Прекрасного.

Итак, если тебе случится быть преданным приверженцем того или иного вида искусства — то есть путешественником по Пути 4, — позволь себе быть обращенным и на другие пути, и особенно на Путь 1, так часто, как это возможно. Тогда ты станешь даже еще лучшим художником, тем, кто видит, на что он или она способен. Или, если ты не считаешь себя художником, я говорю тебе: как Ролдер, включи Путь 1 в маршрут на твоей карте и обнаружишь, что ты *есть* художник, наслаждающийся единением с Художником, Который в Центре мира занят созданием несравненно прекрасных стен — кучи мусора, лепен на старых стенах, и листьев, усыпанных дорожки в саду, и так далее до бесконечности.

Ты, может быть, отметил то, что я не смог, до настоящего времени, найти каких-либо встречаемых примеров, сравнимых с теми, что присутствовали другим трем путям Дюмой. Наша оленка Пути 4 состоит из гораздо большего

числа «за», чем «против». Это значимо, если не сказать удивительно, и является одной из лучших причин, чтобы дать ему почетное место в нашем окружном пути, нашей приносящей удачу развязке «клеверный лист». Самое плохое, что я могу сказать о Пути 4, — это то, что путешественники, идущие по нему, склонны доставлять себе и иногда окружающим неприятности. Как Моцарт, например. Ну и что? Его музыка говорит мне что-то важное о Боге, о Вселенной и обо мне, то, что не может быть сказано никакими другими способами, никаким другим языком, никаким другим человеком.

Заключение: Развязка «клеверный лист»

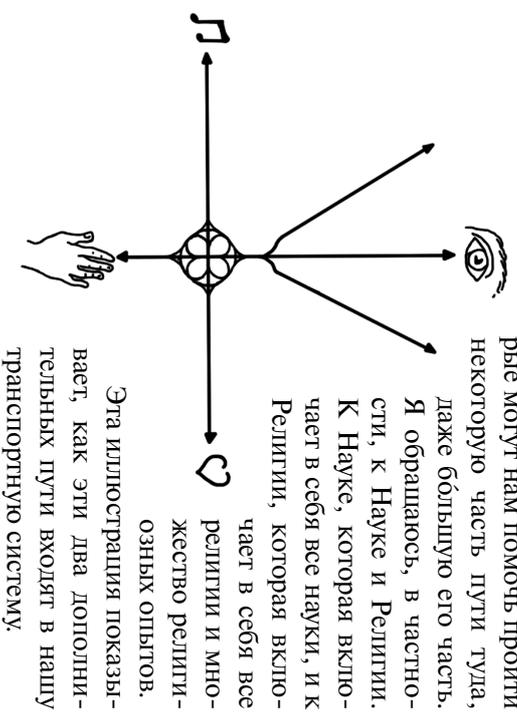
Наша задача — совершить полный круг и закончить там, где мы начали, позволить самим себе стать всесторонне одаренными людьми, каждому по-своему. Боже сохрани от того, чтобы брать индийского мудреца Рамакришну (1836—1886) за пример, но он предоставляет удивительный и показательный образец всесторонности. В возрасте шести лет (шести!) он был так поражен красотой белых птиц, парящих на фоне предпрозового неба, что вошел в состояние транса на долгие часы; и до конца его короткой жизни музыкальный отрывок или сочетание форм и цветов были способны проигрывать тот же эффект. Двадцать лет он стал священнослужителем в храме богини Кали, черной Матери Вселенной, которая творит одной рукой и разрушает другой. Преданность Рамакришны Богу в этой поразительной форме была абсолютна. Но через некоторое время в храм пришел на той садуху по имени Тота Пури. Для завершения трудной задачи отучения Рамакришны от богини Кали и приведения его к Бесформенному Богу Тота Пури воткнул осколок стекла в лоб молодого священнослужителя и сказал медитировать на это место. На этот раз он вошел в транс на долгие дни и перестал быть преданным Кали,

но стал преданным безымянному невыразимому Источнику всего. Преданный стал Видящим. Итак, в нашей терминологии он следовал по Пути 4, Пути 2, Пути 1. Что же о Пути 3, Пути Работы, Служения? Ну что ж, отличительная черта объединения монахов, которое основал Рамакришна, есть не что иное, как любящее служение во всех его практических проявлениях страдающему миру. Таким образом, мы завершили полный круг, колесо следало полный оборот, движущиеся спицы сошлись в неподвижный Центр.

Когда я был молод, популярной была песня «*Покажи мне путь Домой*». Я думаю, ее исполнил Стэнли Холловей, который в то время выступал пьяным. Я скажу за него — хотя и пропитанный алкоголем, он выдал верную идею. Большинство из нас так мертвецки пьяны, что не осознают, как далеко от Дома сейчас блуждают. В отличие от бездомных собак мы не понимаем, что бездомны. Мы так пьяны, что принимаем за Дом ту разрушающуюся коробку, в которую забирались на ночь. И многие из нас, кто движется к нашему истинному Дому, так «надрались», что воображают — туда есть только один путь, а именно, конечно, — *наш* путь! Давайте же протрезвимся и, полностью используя нашу приносящую удачу развязку «клеверный лист», соберемся вместе со всех сторон и доберемся до Дома, насладимся Домом и наконец поселимся во Дворце, который мы на самом деле никогда не покидали.

ГЛАВА 5 ТРЕЗУБЕЦ

В предыдущей главе описывались четыре пути Домой, к Месту, которое мы на самом деле никогда не покидали, — Путь Видящего, Преданного, Слуги, Художника. Но существуют также и другие важные маршруты, которые могут нам помочь пройти

Они соединены с Путем 1, Путем Видящего, и переходят в него. В этой главе мы будем исследовать, насколько далеко Наука и Религия могут нас, будущих видящих, провести к нашей цели и насколько легче они могут сделать наше продвижение.

Какой цели? — я могу услышать чей-то вопрос. Короткий и бесполезный ответ: к цели, которая не может быть четко представлена — и еще менее может быть по-

стигнута и использована для наслаждения — до тех пор, пока мы к ней не придем.

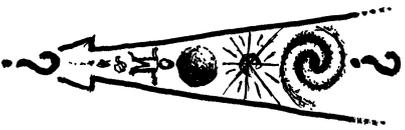
Более длинный и обнадеживающий ответ: к цели, которая предварительно может быть очерчена как открытие смысла нашей жизни и всей жизни, как ясное видение Того, чем мы на самом деле являемся, где мы на самом деле находимся, как свобода от страха, жадности, ненависти и заблуждений, как раскрытие и выявление наших внутренних ресурсов, как достижение покоя, как сознательное единение с нашим Источником, как Возвращение Домой. При необходимости таких умозрительных предварительных описаний Цели из целей难以 можно много, и они сложны, многословны и окутаны туманом. Они подобно связке вкусных морковок, свисающих перед носом осла и заставляющих его двигаться вперед. Реальность — более питательная пища, которая тем или иным образом включает в себя все витамины, какие я только что перечислил (это называют Хлебом Жизни и самим Вином Жизни), — она одна, проста и бесслесна, как мы увидим.

Я собираюсь показать, как пригодны, как хорошо применимы к нашей цели могут быть эти два дополнительных пути и как наш Путь Видения есть их необходимое изменение маршрута, примирение и взаимопоглощение, так что все три прибывают Домой с развешающимися знаменами. Давай же начнем, пожалуй, с

Пути Науки

Космос — это большая страна, в которой мы легко теряемся. И особый дар, который Наука нам дает, — это понятная и достаточно детальная карта Пути Домой.

Она указывает дорогу вниз от человеческого существования к тому, из чего он состоит, к его клеткам, молекулам, атомам, частицам — к его составляющим, к тому, что находится в нем. Также она указывает дорогу к тому,

частью чего он является — к планете Земля, к Солнечной системе, к Галактике — к окружающей его среде, к тому, в чем он находится. Здесь мы сталкиваемся с иерархией, в которой все является либо частью того, что выше его, либо целым для более мелких частей, которые ниже его. При движении вниз оно разделяет все на части, для того чтобы посмотреть, из чего оно сделано. При движении вверх оно собирает все воедино, для того чтобы увидеть, что оно образует.

Посмотрим теперь на карту немного иначе. Для беспристрастного наблюдателя, который издавна приближается ко мне, на расстоянии я каюсь сначала светящейся спиралью, которую мы называем нашей Галактикой, затем одной из ее звезд (нашим Солнцем, разбитой звездой, с Солнечной системой), затем одной из планет этой системы, затем одним из ее обитателей, и так далее до царства частиц и составляющих их кварков.

Для него я есть все эти региональные видимости или проявления непостижимой Реальности около Центра, который дает начало всему ошеломляющему виду. И как я счастлива и взволнован, голося на шоссе и затем разделяя с ним его знаками, чтобы поезде, путешествуя внутрь вместе с ним ко мне. Или, может быть, я должен сказать: путешествуя внутрь с ним через меня ко Мне.

Существует и другой способ чтения этой карты, которыми так щедро Наука меня обеспечивает. Он ставит и отвечает на такой вопрос, как: Что нужно человеку для того, чтобы быть человеком, для того чтобы вообще быть? Что он представляет собой без его клеточного наследения, без миллиардов тех живых существ, которыми он оказывается при ближайшем рассмотрении, которые

на самом деле делают то, на что он претендует, будто дает он? И что является собой каждая из этих скромных, но удивительно умелых слуг, без миллиардов молекул-слуг, которыми каждая клетка оказывается при еще более ближайшем рассмотрении? И так далее вниз, и так далее вниз. Далее вниз к Чему? — это половина вопроса. И вверх к Чему? — это другая половина вопроса. Что же из себя представляет этот конкретный человек без других людей Земли, без ее атмосферы, воды, почвы, флоры и фауны? Как долго он сможет выживать без своего Солнца или существовать без своего Космоса? Когда он говорит тебе, что он жив, а тем более когда говорит: «Спасибо, со мной все в порядке», — он говорит тебе, сам того не сознавая, что он есть Гот Единный, чья жизнь НЕДЕЛИМА.

Да, это хорошая карта, отвечающая интересам и нуждам ее пользвателей. Как благодарны мы, люди, должны быть этой карте во всех ее деталях и разнообразии, этому Путеводителю к нашей восхитительной Природе и Стреники! Пятьсот лет назад ее существование было немислимым, сто пятьдесят лет назад она была неполной и необязательной, теперь же она совершенно необходима.

Но, как и все карты, конечно, у нее есть пробелы и ограничения, и она может быть неверно прочитана и неверно использована. Конечно, она может быть и бывает игнорируема. Удивительная правда такова, что ее почти никто не воспринимает всерьез и близко к сердцу и не допускает, что она относится к нему самому лично. «Это имеет силу для других, без сомнения, но не для меня», — говорит этот Хомо сапиенс (так называемый) фактически, не произнося этого вслух. *Он верит в науку довно настолько, насколько она служит его ненаучным нуждам и желаниям.* Возьми хотя бы один маленький пример из многих, подтверждающих то, что он закрывает глаза на факты. Хотя он и имеет некоторые приблизительные

книжные знания о том, что происходит в матке, и о развитии эмбриона и плода из оплодотворенной яйцеклетки, доходило ли когда-нибудь до него то, что *в течение его собственной жизни он был почти невидимой одной единственной клеткой, и по биологическому статусу стоящий несравненно ниже, чем те кусочки сыра, которые он ест за обедом?* Осознавал ли он когда-нибудь, что даже сейчас он представляет собой ходячий зоопарк, состоящий из разросшейся большой семьи той изначальной клетки? Отдавал ли он себе отчет, что при ближайшем рассмотрении он не более плотный, чем облако? Возникало ли у него чувство, что это Земля и Солнце, *в отличие от его драгоценных рук и ног, являются абсолютно необходимыми органами его истинного Теа?* Ответ на эти и многие другие подобные вопросы — Нет! Ни в коем случае! Такой подход до-научный, существовавший по меньшей мере за пятьсот лет до эпохи науки. Чтобы доказать это, он скажет тебе, когда станет обвиняемым, что он, в конце концов, только лишь человек, — высказывание, которое в номинации на абсолютную глупость достойно олимпийского «золота».

Неудивительно, что движение по дороге Науки к нашей Цели, к Истине, что делает нас свободными, настолько не оживленное.

Есть еще два дополнительных резона для такого пре небрежения — основания, которые, для разнообразия, не глупы. Первое заключается в том, что дорота заканчивается так же, как и начинается, то есть вопрошаемым знаком, как и отмечено на нашей карте. Она уходит в сложную и туманную страну. Путешественник может фотографировать клетку во всех деталях и делать снимки прекрасных и сложных моделей молекул, но, когда он подходит к составляющим их атомам и частицам, он обнаруживает непредвидительную надпись: *Держись по-дальше! Дорога закрыта для всех, кроме физиков-математиков.* Такая новость, словно фильтр для этих и изолиро-

ванных областей, отнюдь не утешает. Ни у одного физика не хватает нахальства утверждать, что он наконец-то совершенно достоверно раскрыл Конечную Причину Космической смеси и ее Составляющую, суб-суб-кварк (или что бы то ни было), из которой сделано все. Открытия этих экспертов достойны уважения, но никогда не бывают единственными и всегда обуждаются.

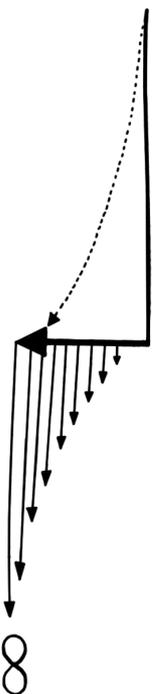
Второй резон, почему духовный путник (если я могу называть так тебя и себя) не склонен выбирать путь Науки по направлению к его долгожданному Дому, исторический. Наука имеет заслуженную репутацию врага Религии. Все ее основные успехи — это достижения побед в тяжелых боях с самыми заветными религиозными догмами Официальной церкви. Что касается их применения, то приблизительно добрая их половина применяется неверно, бесконечный их список простирается от Хиросимы до героина, от фастфуда и до рекламного мусора в наших почтовых ящиках, который говорит нам, что мы должны иметь, и продолжает быстро и безоглаательно иметь и поработать нас.

Неудивительно, что духовность подозрительна к науке. И все равно я спрашиваю: что есть чистая наука, отделяная от всех своих злоупотреблений и рассматриваемая такой, какая она есть, — как не смирение перед очевидным, уважение к истине, какой бы нелестной и шокирующей она ни была? О ее этической ценности наименее скудный из философов Вильям Джеймс писал: «Когда человек обращается к великолепному зданию физических наук и видит, как оно было возведено; что тысячи жизней бескорыстных людей похоронили у самого его основания; какое терпение и сколько оторок, какое подавление предпочтений, какое подчинение вложены в каждый его кирпичик и строительный раствор, как совершенно безлично оно стоит в своей грандиозной величественности, — после этого каким олуманенным и ничтожным кажется маленький сантимен-

талист, который приходит, выдвывая своевольно колыца дыма и претендуя на то, что он все устроит так, как предстается ему в его собственных мечтах. И стоит ли удивляться, что те, воспитанные в суровых школах науки, чувствуют себя изрыгающими такой субъективизм из своих ртов?»

К этому позволите добавить: духовность, которая выбрасывает, как мусор, общепризнанные открытия современной науки на всех ее уровнях или отказывается непредрвзято подойти к ним и радостно взять их на борт, есть жалкая и отживающая свой век пародия на духовность. И наоборот, духовность, которая находит в них богатое и ценное и на самом деле божественное открытие нашего времени и для нашего времени, и именно то, что нужно, чтобы помочь нашему жалкому положению, и есть живая и здоровая. Да, этот Путь стал неоходимым. Он приводит нас, можно сказать, к месту, откуда издавека иногда видно наш Дом в ясную и чистую погоду. Хотя он умалчивает о том, куда открывается эта дверь, он не может быть более красноречивым о ее важности, местоположении и особенно о ее могуществе.

Когда мы спускаемся по Космической Иерархии, потеря формы означает выпитыш могущества.

Клетки имеют много энергии на своем собственном уровне, молекулы — еще больше, но протиловая бомба отнюдь не так сильна, как атомная бомба. Которая, в свою очередь, не столь мощна, как ядерная бомба. Это разные способы, конечно, извращение настоящей науки. Но Ноль-бомба, которая есть наша истинная Цель, —

все-очинающая и все-могущая. Это Цель из Целей, которую и сама наука не достигла.

Этого отдаленного видения Дома, скрытого радужными туманами высшей математики, далеко не достаточно. Мы решительно направляемся к развязке. Вопрос, к которому мы должны сейчас обратиться, таков: может ли Религия быть успешной там, где наука потерпела поражение? Может она пройти сквозь туманы и прояснить путь к двери Дома? Имеет ли она ключ от этой двери?

Путь Религии

Если на этом Пути мы будем искать ответ в том, что обычно называется религией, в религии как социальном феномене, которая описывается и практикуются большинством своих последователей, которая подается ежедневно средствами массовой информации, то мы наверняка будем искать напрасно. Это скорее увлечит запряженные воздуха и ступит мрак, чем развеет туман. Если заглянуть в историю Религии: именно она несет ответственность за наибольшую жестокость, глупость, тупость, террор, обман, чем любое другое деяние человека.

Тем не менее вот пример того, как наилучшее скрывает наилучшее. В основе всех великих мировых религий лежит Метафизика — мудрость, духовность, тайна и зачастую жестоко подавленное учение, согласно которому, несмотря на все видимости обратного, ты и я и все наши собратья-создания в Центре вове и не создания, а Единое со своим Творцом. Так в ядре всего существа таится Само Бытие, Безымянный Единый, чьи имена включают в себя и Атман-Брахман, и Будда, и Дао, и Бог, и Вездущий Христос, и Святой Дух, и Аглах, и Реальность, и Сознание, и Ничто, которое является Всем.

Эта Метафизика дает нам два бесценных знания о Безымянном Едином. Нам говорят, *где* точно Он находится. И *что* точно Он собой представляет, как конкретно мы можем узнать Его, когда наконец-то разышем Его.

Согласно Мохаммеду, Он ближе ко мне, чем моя армянная вена. Согласно Теннисону, Он ближе ко мне, чем мое дыхание, ближе, чем руки и ноги. Гораздо, гораздо ближе, говорят все, кто знает, о чем говорит. То самое место, из которого я смотрю, место, из которого я прихожу, Центральная точка, которая более является Мной, чем Хардинг, — это Дом, королевский дворец Его Божественного Величества, говорят великие мировые духовные учителя. На самом деле все обстоит так, как будто Он имеет два двorca, зимний дворец высоко на небесах и летний — глубоко в наших сердцах. И именно здесь, внизу, и прямо сейчас, а не там, в вышине, и в один прекрасный день потом я должен искать разрешение находиться в Его августейшем присутствии.

Достаточно о Его местопребывании. Теперь о том, что Он представляет собой на самом деле, Его отличительные черты. Я должен знать, что они собой представляют, и вот почему. Предположим, я скажу тебе: «Я потерял в саду сокровище, но не могу припомнить, что оно собой представляет. Пожалуйста, помоги мне найти его». Ты наверняка будешь смеяться надо мной. Точно так же я улыбаюсь, глядя на людей, которые ищут Бога, не имея представления о том, что они ищут. К счастью, однако, Вечная Метафизика, тайная мудрость, что является основой для великих религий, приходит на помощь с удивительно сложным портретом, совершенным шестипанельным фотороботом Его Божественного Величества. Вот он.

1. Он безграничен.
2. Он пуст
3. и поэтому бессмертен,

4. но пуст для вмещения, включающего все.
5. Он широко пробужден.
6. Он недвижимый Движитель мира.

Наука дала нам прекрасную карту, в которой, однако, драгнящий вопросительный знак стоит с обеих сторон. Теперь Религия стерла эти вопросительные знаки. Она дала нам точное описание Чуда, которое находится под кварками и возвышается над галактиками. Она сказала нам, как именно узнать Обитателя этих летнего и зимнего двorcов. Более точным описание быть не может. Мы более не можем притворяться, что не знаем, как выглядит наше потерянное сокровище, которое мы ищем в саду мира. Это хорошая новость.

Но даже наилучшая из новостей о Нем не есть Он. Описание, каким бы точным и детальным оно ни было, не заменит само здание. Карта — не сама территория, и даже лучший полицейский фоторобот неспособен заковать в кандалы преступника. Ты можешь выучить все священные книги наизусть, ты можешь практиковать ментальный и физический аскетизм до тех пор, пока не превратишься в скелет, обтянутый кожей, ты можешь медитировать на наши шесть критериев до прихода Царства Небесного, ты можешь иметь полные ведра веры — но все это в миллионах милей от видения Его и бытия Им.

Правда в том, что Религия как таковая касается веры, надежды и милосердия, а не Блаженного Видения. Ее задача — это вера и доверие Невидимому. Мы должны иметь веру, говорит апостол иудеям, в то, что невидимо. «Те явления и вещи, которые видимы, — говорит второй апостол коринфянам, — суть временные. Но вещи, которые невидимы, — суть вечные». Это, конечно, не значит, что вера, надежда и милосердие ничего не значат. Конечно, значат, глобально значат, но, когда они исклочают видение, у меня появляются проблемы. Целый букет проблем.

Первой я уже касался. Вера в Реальное и упование на Него есть само Реальное — не более чем просматривание Меню обеда есть сам обед. Вторая заключается в том, что согласно моему опыту, тогда как видение есть верование, верование не есть видение. Верование — это простое верование, и оно подтверждено постоянно повторяющимися оплошностям, сомнениям и предупреждающим сигналам о том, чтобы мы не принимали желаемое за действительное. В том, в чем я могу сомневаться, я буду сомневаться рано или поздно. И якобы хорошие вещи религии имеют ценники с большими цифрами на них. Бесчисленные мифы, длинные истории, «завернутые» теологии и причудливые практики, которые встроены в великую веру, говорят, не могут быть восприняты как дополнительные бонусы: хочешь — принимай их, хочешь — не принимай. Я, доверяясь моему инстинкту, склонен не принимать их и причем мало сожалею об этом. Последняя проблема — наихудшая. Из всех защит от того, чтобы увидеть, Что есть и Где оно есть, Религия обычно самая внушительная. Конечно, это добавляет трудностей моей работе. Как правило, религиозные люди — искренние и преданные христиане, буддисты и мусульмане — наиболее болезненно реагируют на мое послание.

Вечная Метафизика, объявляя Божественность присутшим каждому из нас, освобождается от всех религиозных ловушек и препятствий, всех несчастных случаев и несоответствий, и остается чистой и строгой в своем простом великолепии. Скажем прямо: *Вечная Метафизика — это вообще не религия*. Или давай скажем так: она мета-религиозна и отлична от того понятия Религии, которое общеизвестно и общепрактикуемо. Другими словами, это не религиозный Путь к нашей Цели. Это Видящий Путь. Это видение того, что мы видим, и смелость идти, руководствуясь этим, в отличие от ситуации, когда Религия нам указывает, что можно видеть, и за-

прещает нам видеть то, что видеть нельзя. Это то же самое бескомпромиссное смирение перед очевидностью, давшее нам чистую науку.

Путь Видения

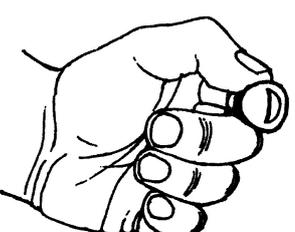
Пришло время для тебя и меня указать — в первый ли или же n-й раз — на то, Откуда мы смотрим, и *увидеть*, является ли оно:

1. безграничным
2. пустым
3. и поэтому бессмертным,
4. но пустым для вместимости, всеялпючения
5. широко пробужденным
6. Недвижимым Движителем того ландшафта, через который, как говорят другие, ты движешься.

При условии, что ты на самом деле выполнил указания и посмотрел на то, что движется (а не только прочитал об этом) и при условии, что ты принял всерьез — принял сердцем — то, что ты ясно увидел, тогда ты увидишь твой Путь Домой, ты проделал весь путь до той Цели, которую мы обозначили в начале главы. И я от всего сердца поздравляю тебя.

К чему я немедленно должен добавить еще три пре-достережения.

Первое — видение в сущности обрденно и не будоражит кровь. На резком контрасте со знаменитыми, но редкими и непредсказуемыми пиковыми переживаниями, испытываемыми некоторыми из последователей Пути Религии, это опыт долины, трезвый и глубоко уничижительный. И только потому, что это просто для видения и не для понимания и не для разжигания страсти, оно востребовано, какими бы ни были наше настроение и обстоятельства. Из-за того факта, что оно полная про-

тивоположность мистическому опыту, оно наиболее доступно, когда в нем есть наибольшая нужда.

И это подводит меня к моему второму предостережению. Ты и я, очень мимолетно, увидели Бога, шестистороннего Единого. Теперь мы должны стабилизировать видение. Оно было, пока длилось, настоящим и не лобительским или частичным видением Его. Который либо совершенно виден или не виден вовсе. Однако это начало, а не конец духовной жизни. Это видение необходимо практиковать, практиковать и практиковать. Но это такая практика, которая радостна, а не трудная работа, и у нас нет оправдания, если мы пренебрегаем ею. Мы знаем, куда смотреть (а именно: прямо сюда), и когда смотреть (а именно: прямо сейчас), и как смотреть (а именно: так словно в первый раз), и зачем смотреть (а именно: потому, что пропустить это видение будет серьезной ошибкой ложного опознания, а значит, жить и умереть напрасно).

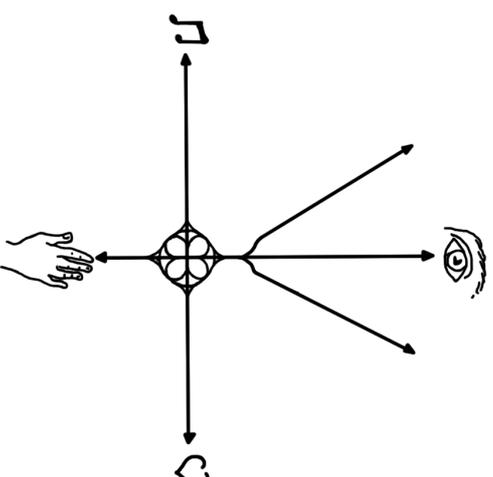
Это подводит меня, в свою очередь, к третьему предостережению. Если мы практикуем Блаженное Видение для того, чтобы однажды собрать его обещанные выгоды — покой, радость, любовь, свободу, творчество и т. д., — мы вряд ли соберем богатый урожай. В то время как если это делать ради него самого и не преследовать самокорыстных целей, потому что жизнь из восхитительной Истины более привлекательное предложение и несет больше здравого смысла, чем жизнь с грудой продиктованных обещанием лживых предписаний, — тогда у нас есть гораздо больший шанс получить добровольные и невообразимые дары, которые ждут нас. Всему свое время. На самом деле это сам Бог, а не Его разлучившийся от даров ранец-рюкзак, является настоящим Даром, отланнным с безграничной щедростью.

Остается мне только добавить кое-что о Видящем Пути как об уточнении, примирении и завершении Пути Науки и Пути Религии.

Я однажды написал маленькую книжку под названием «Наука Первого Лица» о семи или восьми аспектах, по которым Наука Первого Лица (иначе: Видящий Путь) проливает свет на темные пятна в общепринятой науке. Они вскоре выросли в количестве от семи-восьми до тридцати семи! Но, чем верить моим словам, почему бы тебе самому не прочесть ее?

И наука, и Религия в изоляции друг от друга несут, как мы уже видели, ответственность за многие людские страдания. Их отклонение в Путь Видения и взаимное уточнение и поправки могут принести только облегчение многим из этих страданий.

Это не может не подверждать и не реализовывать веру, надежду, милосердие и другие хорошие и прекрасные вещи, легемые традиционной Религией. Это не может не очипать Религию от гroud накопленного мусора, часть из которого весьма дурно пахнет.

ГЛАВА 6 ВНЕ ОБЫДЕННОСТИ

Если ты стал престолом Бога,

И Небесный Возничий возшел на твою колесницу,

И вся душа твоя стала духовным оком,

Совершенно светлым,

Если был ты питаем небесной пищей Духа

И напоен водой Жизни,

Если ты облачился в одежды Света,

И если, наконец, твой внутренний человек

испытал все это,

И был укоренен в изобилии веры —

Созерцай же! Ты уже живешь Вечной Жизнью,

И душа твоя покоится в Боге!

Псевдо-Макарий (IV век н.э.)

Само по себе каждое создание весьма уникально. В космическом распределении вещей ты был назначен единственным ответственным хранителем твоей собственной важности, твоей центральности, твоей уникальности. Это назначение, это необходимое условие существования создано для серьезного к нему отношения, не для отрицания или одностороннего толкования. Его нужно смело принять и справиться с ним.

Проблема, конечно, в том, что существуют и другие — много-много других, — чья роль, казалось бы, разгромить и огрицать твою важность, центральность и уникальность. И как они преданы своей задаче! Мы, люди, знаем слишком хорошо это болезненное противоре-

чие, эту фундаментальную проблему «я против остальных». И мы имеем сейчас четыре пути ее решения, которые я буду здесь называть: Путь Вверх, Путь Вниз, Путь Вверх-и-Вниз, Путь Через.

Давай рассмотрим их в этом порядке.

Путь Вверх

Победить, получить лучшее по сравнению с другими, делая лучше, чем делают они, быть успешным всеми правдами и неправдами там, где они терпят неудачу, — это те усилия, которых никто не может избежать. Достичь чего-нибудь — значит превзойти кого-то, если игрушка моя — то она не твоя, моя победа в гонках означает твой проигрыш в них, мои личные деньги, заработанные на жизнь, облегчают карман общественный. Только так могу я вырасти и стать членом этого хорошо развитого конкурентоспособного общества, в котором должно быть ясно, кто чем обладает.

Это непреодолимое стремление выиграть, блистать, взять верх над остальными, быть особой персоной среди персон меньших по значимости в обязательном порядке стелкивается с неудовлетворенностью и разочарованием по мере того, как мы становимся старше. Раньше или позже «*Выиграть что-то, проиграть что-то*» подспудно становится моим девизом. Ему на смену в конечном счете может прийти только еще более унылое: «*Увы! Я не могу взять это с собой!*» Даже еще до того, как Смерть-навелировщик отыграет назад все наши выигранные, она касается их своими холодными пальцами. Богатств в любом количестве и достигжений в любой сфере никогда не будет достаточно, чтобы наделить нас той важностью, которая, как мы чувствуем, нам причитается. Отнюдь не достаточно! Иметь и удерживать то, что мы выиграли, приносит мало удовольствия, забота об этом приносит много хлопот, в то время как потеря этого до-

ставляет сильную боль. В определенном смысле ничего так не провально, как успех.

Понятно, что некоторые люди из этого сделали вывод, что в определенном смысле ничто так не успешно, как провал. Они выбрали Путь Вниз.

Путь Вниз

Этот Путь основывается на следующих представлениях. «Зачем утруждать себя и включать себя в эту крысиную погоню за успехом, в котором мне все равно "ничего не светит"? На деле я в принципе отказываюсь от моих притязаний на роль крысы, не говоря уже о роли особой крысы. Я никто. Нет, это говорит не "Юрайа Хип" (чрезвычайно скромно), но любой человек, практикующий какую-либо этическую или духовную дисциплину, достойную этого "никто". Необходимо включить еще очень сложный процесс выращивания смиренности».

Не то чтобы этот Путь Вниз был только для будущих святых. До некоторой степени он также и для нас, не святых. Размахивание знаменем со странным девизом «*Все выше!*», упорный подъем навверх, постоянное отставание своей блестящей перспективности — это обречено на провал, болезненно и в конце фатально. На самом деле, так же как мы не можем совсем избежать Пути Вверх, мы не можем совсем избежать Пути Вниз. Частично каждый из них — плата за благоразумие. Жизнь заботится о том, чтобы мы болтались между ними.

Но в любом случае практиковать смирение преднамеренно — это довольно глупо. Почему я должен делать это? Есть только один честный ответ. А именно: для того, чтобы стать особенно смиренным, гораздо смиренней, чем ты сейчас. Конечно же я слишком смиренен, чтобы хвататься тебе об этом, но я с трудом могу избежать подобной похвальбы перед самим собой! Никким образом не могу я избежать чувства гордости за свое

смирение! Далекий от того, чтобы оставить мое притязание на свою уникальность и важность, я с неслабевашим пылом искал этого смирения в другом месте — внизу, а не вверху — и даже более того, делал это с меньшей искренностью и самокритичностью. И все предпринятое оказалось нелепым. На самом деле нет ни одного святого, практикующего смирение как отдельное упражнение, вдали от Единного, в чем присутствию все его притязания исчезают как дым в любом случае.

Но эта глава и эта книга о тебе и обо мне, не о святых. О тех людях, которых я называю «идущие вверх-и-вниз».

Путь Вверх-Вниз

Некоторое время, примерно половину, вещи происходят так, как я хочу, чтобы они происходили, и я чувствую, что выигрываю в игре жизни. А в другое время они происходят так, как я не хочу, чтобы они происходили, и я чувствую, что проигрываю в игре жизни. Это шаткое существование некомфортабельно, и как результат я испытываю сильную тревогу. Мое неудовлетворение происходит, конечно, из-за моего внутреннего убеждения в том, что я особенный и заслуживаю побед, в то время как информация, приходящая от других, говорит мне, что я вовсе не особенный и большую часть времени заслуживаю поражений.

Хотя ситуация некомфортабельная и шаткая, но она со скрипом следует моде. Каждый полезный член какой-либо социальной группы, некой организации или работы втайне убежден в своей исключительности, важности и незаменимости, независимо от того, насколько низок его общественный статус, и его уверенность вносит свой вклад в группу как в целое. Если моя работа — подметать полы, то сама работа и тот способ, которым я ее выполняю, и состояние полов — совершенно особые. Все это вращается около «Центра», который есть «Я». Но, ко-

нечто, эта ситуация «вверх-и-вниз». В некоторые дни я ненавижу работу и выполняю ее плохо, в другие дни — наоборот. Редко она свободна от тревоги, невротической тревожности.

В дополнение к невротической тревожности, как Гарри Стак Салливан указывал, мы страдаем от другого, более глубинного вида тревожности, который он назвал экзистенциальным. Насколько бы она ни была игнорируема и подавляема, но в нас таится знание о том, что мы самые недолговечные частички в этой огромной Вселенной, что если наша жизнь и имеет хоть какой-то смысл, то Смерть и Забвение все равно делают ее бессмысленной, что наши притязания на центральность и важность — просто неудачная шутка. И так мы действуем наобум, сначала вверх и затем вниз, всегда преследуемые уверенностью в неизбежном поражении и подверженные разной степени экзистенциальной тревожности.

Хорошая новость заключается в том, что существует, и как мы вскоре увидим, четвёртый путь совладания с этой человеческой ситуацией и присутствия ей аномалиями, противоречиями и результирующей из этого тревожностью. Хотя он является значительным улучшением других путей, мы не приходим к нему, игнорируя или отрицая наше человеческое состояние, но, наоборот, принимаем его в тонах громких и чистых.

Путь Через

Строго говоря, то, что будет описано ниже, это не столько *путь*, сколько *Путь Через*. Это одно из многочисленных решений, которые предлагаются, решений проблемы глубокого ощущения исключительности и центральности во Вселенной, которое, как кажется, создано специально для отношения к этому ощущению с насмешкой. Но я надеюсь, ты обнаружишь, что (в отличие от некоторых из альтернативных дорог-через) он

прямой, лишён прегрэд и хорошо оснащен указателями, что движение по нему приятно на всем протяжении и что движение по нему может привести нас прямо к нашей цели. Все зависит от твоей готовности провести следующую эксперимент. Не важно, сколько раз и насколько успешно ты уже делал это раньше, я должен просить тебя сделать это снова — на этот раз с кардинальным отличием.

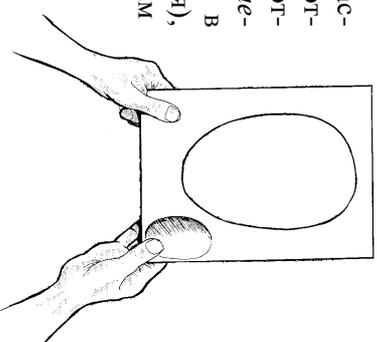
Тебе понадобится помощь, по крайней мере, четверых друзей, один из которых прочитает следующие инструкции и поможет другим выполнить их добросовестно.

Эксперимент: часть первая

Каждый из вас имеет картонку с вырезанным в ней отверстием для головы и зеркала приблизительно такого же размера, что и картонка.

Держи картонку на расстоянии вытянутой руки и отметь, насколько *пусто* это отверстие в ней, насколько *немно* это пространство в нем (там нечему разлагаться), насколько *безвременно* (там нечем измерять время).

Теперь посмотри, насколько совершенно *напалено* это пространство

всем тем, что выставлено на показ (противоположной стеной, окном и штормами плюс твоими ногами и ступнями, например), и как совершенно *едина* эта негнущая пустота со своим содержанием, каждая часть которого тленна.

Посмотри, как тем не менее эта наполненность-пустота имеет три жестких ограничения. Она ограничена

картонкой и довольно маленькой, она там, а не здесь, где ты, и она не наделена сознанием.

Теперь преодолей эти три ограничения медленным и очень внимательным одеванием картонки, как если бы это была маска.

И, когда ты делаешь это, наблюдай момент истины: когда 1) картонка исчезнет и пространство в ней взорвется в бесконечность, 2) пространство больше не является отдаленным, а находится прямо там, где ты есть, и 3) когда оно пробудится в тебе в качестве тебя: таким образом, что пространство, на которое ты смотришь, становится пространством, из которого ты смотришь, пустое, наполненное, безграничное и нетленное пространство, которое есть ты и которым ты являешься.

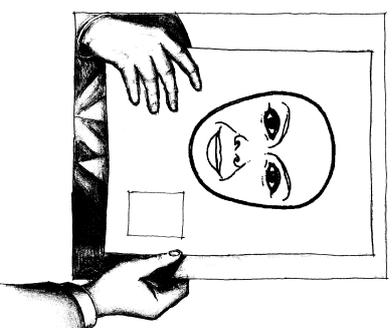
И теперь, держа твою картонку как можно дальше, посмотри вокруг на твоих друзей — твоих забавных друзей. Увидь, что на основании имеющихся в данный момент доказательств, только ты оставил свое человеческое состояние с его ограничениями и достиг безграничной, безвременной и нетленной наполненности-пустоты, которая пробуждена к самой себе как обладательнице всех этих сущностно божественных свойств. Увидь, как твои друзья вписаны в свои картонки, скованы своей человечностью, и только ты полностью чист насквозь до самой твоей божественности.

И если все воспринимающие существа во Вселенной были бы собраны в твоей гостиной, и каждый бы имел картонку с отверстием подходящего размера, и был убежден в необходимости провести наш эксперимент вместе с тобой, *ты все равно был бы единственныи, кто легко вырвался бы из этого маленького убежища в ОТКРЫТОСТЬ!* Каждое из этих суркообразных созданий совершенно явно будет задержано у входа в дыру, застрелит со всей своей особой тварностью. Да, ты — Один, Абсолютно Уникальный Один! И твоя преданность твоей особенности, центральности и важности,

длившаяся всю жизнь, была более чем провидческой. Это было превосходно доказано и вместе с тем хорошо обоснованно с самого начала!

Конец первой части эксперимента.

В начале, я полагаю, в твоём сознании было сильное сомнение. Я могу слышать, как ты говоришь: «Что истинно для меня в этом эксперименте, должно быть истинной и для других в их экспериментах. Ничто не препятствует каждому также пройти через картонку и объявить о своей уникальности, так же как я объявляю. Очевидно, что эта уникальность — вздор, субъективное заблуждение. Конечное заблуждение личности, если уж на то пошло!»

Часть вторая нашего эксперимента касается именно этого возращения.

Одной рукой держа твою картонку над головой на себя, другой держи зеркало на расстоянии вытянутой руки от себя.

Ты не будешь удивлен, увидев, насколько тот хорошо знакомый человек в зеркале, на расстоянии примерно метра от того места, где ты стоишь по эту сторону зеркала, застрял вместе с мириадами других сурков у входа в свою дыру. Он один из них — ничего уникального, ничтожного в нём нет!

Но подожди минутку!

Увидь, как по эту сторону зеркала ты все еще есть это безграничное и нетленное Пространство, в котором могут происходить различные вещи. Наблюдай за абсолютными контрастом между тем человеком, которым ты

являешься по ту сторону зеркала, и тем Божественным Собой по эту сторону, которая есть твоя сторона, сторона, где ты есть. Прямо здесь ты все еще есть совершенно вне обыденности, ты абсолютно уникален.

Как могут эти два дико несовместимых варианта тебя сосуществовать?

Суть в том, что *ни одно создание не проходит через к своей божественности в качестве ТОГО СОЗДАНИЯ*. Неспособное пережить невзгоды этого путешествия из путешествий, оно погибает по дороге. Только Особый Один (Единый) проходит через к Особому Одному. Только Единственный проделявает весь этот путь к Единственному. Его удивительная милость — заботиться о том, чтобы ты на самом деле прошел через к Нему не в качестве тебя, а в качестве Его.

То, что тебе *сейчас* надо слезать, — это принять Его приглашение и проложить видеть твой путь Домой к Нему до тех пор, пока твое видение не станет гораздо большим, чем видение. До тех пор, пока оно не вызреет в доверие всем сердцем только ему, Единственному, который абсолютно заслуживает доверия и не воплется всем сердцем в Единственного, в того, в кого на самом деле можно влиться. И затем ты обнаружишь, как Салливан полагает, что последние следы твоей невротической тревожности растворяются, потому что твои основная экзистенциальная тревожность — о твоей истинной Природе — растворяется окончательно.

Я не знаю, какие еще другие практические выходы ты мог извлечь из нашего эксперимента, но вот те, которые извлек я.

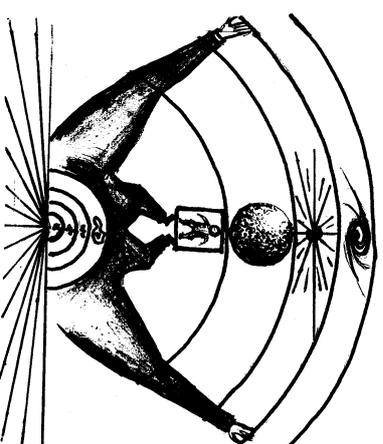
Хотя я так медленно следовал Части Первой нашего эксперимента (у меня это заняло 37 лет), я обнаружил, что Часть Вторая оказалась на самом деле очень важной. Видение Бога внутри и Хардинга снаружи — две неразделимые половинки единого процесса. Никаким способом я не могу иметь одну без другой. До тех пор, пока я

твердо не размещу мою человечность вовне вместе с остальными, до тех пор, пока я не буду держать ее там в своих пустых руках, всегда будет существовать риск того, что она незаметно подкрадется сюда и заразит мой Божественный Центр, низводя его до уровня устранившегося — на самом деле дьявольского — заблуждения личности. Далеко недостаточно того, что я оглично понимаю, глубоко чувствую и верю в эту бездну, над которой невозможно навести мосты, которая отделяет мою человечность от моей божественности. Мне нужно *видеть* ее, и я беру и вижу ее. Как я могу выразить мое облегчение при этом видении, этом очищении, этом избавлении от бремени, этом надежном спасении? Быть спланным — значит *быть Им*.

В ЦЕНТРЕ ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВНЕ ОБЫДЕННОСТИ

НО ВНУТРИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО

ГЛАВА 7 ЗЕМЛЯ, ЗАПОЛНЕННАЯ НЕБЕСАМИ

Земля заполнена Небесами,

И каждый кустинок охвачен пламенем Бога;

Но только тот, кто видит, снимает обувь свою,

Остальные сидят вокруг и собирают ежевику,

И накатом свои истинные лица, не зная об отливщи

Все больше и больше от самого первого подобья.

Элизабет Барретт Браунинг

Сейчас, сидя на террасе этого дома в полыхающем июльском солнечном свете, я смотрю на лобелию. Назвать голубой цвет лобелии небесным — значит недостоечно отдать ей должное. Она охвачена пламенем Бога. Горит не «духовным» огнем (что бы ни означал этот блуждающий огонек), но более пламенным огнем, тем, который превосходит обычный огонь, не тем, что является менее физическим, а тем, что является более физическим, сверхфизическим. Существует истинное ощущение того, что Небеса более материальны, более трезвы и воплощены, чем Земля — даже более земные, чем Земля! — и Бог более земной, чем человек. Вот почему пути к Нему тоже таковы — очень определенные, активные, действительно фактические, приземленные, конкретные и противоположные абстрактному. И более того, в высшей степени практические в нашей повседневной жизни, в жизни такой, какая она есть.

Я полагаю, что могу описать мою задачу как разыскивание, совместное использование и практикование путей назад к Богу, который есть Дом наш. Это, говоря

проше, означает, что я пребываю в духовной деятельности, которую ты можешь посчитать относящейся к другому миру и не от мира сего и берущей пример со св. Джеймса, который сказал, что истинная и не оскверненная религия — это «посещать сирых и вдовых в их бедствии и держать себя незапамятным ничем мирским».

На самом деле если мы будем следовать этому определению религии, то я столь же антирелигиозен, сколь и они, земные до предела и испытывающие неприязнь к неземному. За последние месяцы я все больше и больше удивлялся тому, насколько физически истинна духовность и насколько духовна истинная материальность. Как заполнена Земля Небесами во всех смыслах. Все пути, которые вели меня к Богу, оказывались реальными дорогами из одного реального места в другое, еще более реальное место, пересекаемое реальным транспортом, который двигался не спеша и имел свои ограничения и недостатки. И, что еще более удивительно, каждое путешествие Домой — это само по себе обязательное раскрытие Того, что обнаруживается в конце путешествия. Это то, что ты можешь назвать *РЕАЛИЗАЦИЕЙ, которая превращает праздные и туманные концепции в активное и точное восприятие*. Или, короче, конкретизацией. (Да, я нашел это омерзительное, но точное слово в моем *Словаре* «Chambers».)

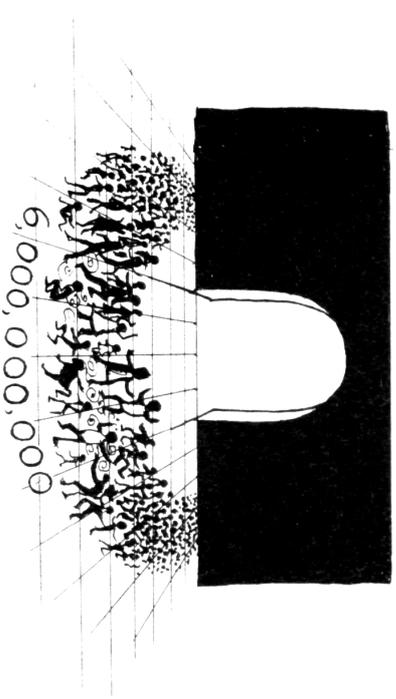
В этой главе я хочу пройти некоторыми из дорог Домой и показать, как то, что начинается как банальное, но туманное и сомнительное (если еще и не иллюзорное) понятие или явление, заканчивается несомненной, ясно видимой и дух захватывающей Реальностью. Не то чтобы духовное откровение — Блаженное Видение — сочтается со своими материальными дополнениями и условиями, оно просто не может обойтись без них. Небеса заполнены Землей так же, как и Земля заполнена Небесами. Покажи мне нечто духовное, которое умывает свои святые руки от всего обычного или нечистого, и

я покажу тебе мираж, праздную и, возможно, идиологическую мечту.

Дверь

Пожалуйста, повтори эксперимент, описанный в предыдущей главе.

Другое название Отверстия в Картонке — это Дверь в Стене — твоя Дверь к Богу. В Евангелии от Фомы мы читаем: «Многие стоят за дверью, но только Единственный проходит сквозь нее в покои невесты». Теперь при условии, что ты выполнил добросовестно и успешно обе части эксперимента, ты — да, ты один из 6 000 000 000 человек, живущих сейчас на Земле (не говоря уж обо всех других воспринимавших существах, которые есть, были и будут), и есть тот Единственный. Ты Единственный прошел чистым через Дверь к Единственному, как Единственный.

Как конкретно можно удостовериться, что ты один прошел через Отверстие, или Дверь? Думая об этом, разжигая свои чувства, имея веру? Конечно же нет! Ты следил нечто. Ты подошел прямо к Открытости и прошел через нее без магической сложности. И затем ты огляделся

ся вокруг и увидел, что каждый из всех остальных застрел и заблокировал Открытость. Все доказательства указывают на тот приволающий в трепет факт, что сколько бы мирял ни выполняли этот эксперимент вместе с тобой, но только ты прошел через к Единственному. Ты полагался на свои ощущения для того, чтобы они привели тебя к Единственному, и — О Боже! — они сделали это.

И как ты можешь быть уверен, что это не кто иной, как Единственный, к которому ты прошел через и с которыми соединился? Ибо здесь и только здесь ты находишь Ясность, которая в совершенстве видима, потому что она проста в своем совершенстве, неизменна, безгранична, пуста, наполнена и недвижима, но *резкому контрасту со всеми остальными, всеми более или менее невидимыми и неземными существами и странноватыми созданиями*. И снова это твои ощущения, которые прочувствовали и исследовали эту уникально божественную топографию.

Теперь скажи мне, что может быть более длинно-наглядно-материальным, чем весь этот процесс? Чем твоё перемещение с той стороны стены, которая причиняет беспокойство, на другую сторону, и от смотрения на Божественную Ясность к смотрению изнутри нее? Чем твоя неудача в попытке найти какие-либо ограничения твоей Вместительности? Чем разрушение дистанции между тобой и самой дальней из галактик? Чем твой стремительный взрыв в Беспредельность?

Архиепископ Вильям Тампл описывал христианство как наиболее материалистическую из всех великих религий. Я думаю, он был прав, но так или иначе мы можем с уверенностью сказать, что это была высокая похвала. Если вы и я будем уверены, что жизнь в стороне от нашего Источника не жизнь вовсе, если мы будем знать, что обретаем себя, теряя себя в Нем, и что отказать от Блаженного Видения — значит закрыть глаза

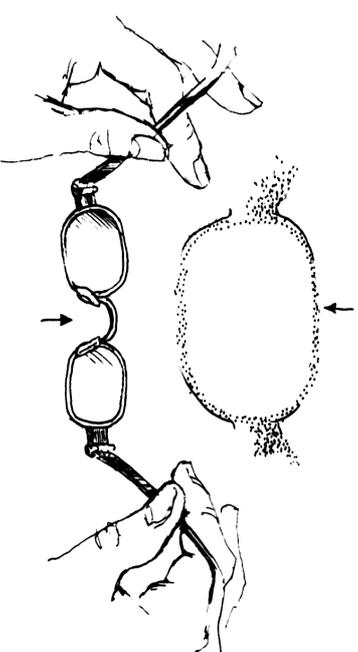
на все истинное видение, тогда мы с благодарностью пойдем низким, приземленным путем Домой к Нему, который Он установил, и перестанем играть с нашими напыщенными, туманными и выхолощенными Его заминителями — все из которых тупиковы. Презирать Его Землю — значит захлопнуть дверь в Его Небеса.

Открытие Твоего Третьего Глаза

Тебе скажут, конечно, что твой Третий Глаз не реальный факт, а вспомогательная метафора, и нет ничего физического ни в нем, ни в его открытии или пребывании закрытым. Метафора, которая предназначалась в восточных религиях для передачи идеи о так называемом состоянии просветленной души. И они добавляют, что свет в его или ее просветлении также метафоричен и вовсе не проливает свет в буквальном смысле этого выражения. Таким же образом и на Западе тебе скажут, что Иисус, говоря «если у тебя одно око, все твоё тело будет полно светом, и не будет там темных мест», имел в виду не физический глаз, но твоё сосредоточенное и внимательное психическое или духовное состояние или внимательность. И снова они же добавят, что упоминаемые на это символ, метафора или притча, указывающие на чисто духовное состояние. Иисус увлекался притчами.

Давай теперь разберемся в этом деле раз и навсегда, просто посмотрев и увидев, что происходит, когда ты медленно надеваешь очки.

Две линзы, которые ты держал в руках там, здесь, на твоём носу, совмещаются и становятся одной. Ты носишь монокуляр. Почему ты носишь монокуляр? Потому, что ты смотришь из Одного Глаза, Единственного Глаза, который гораздо больше, чем сам монокуляр. Почему ты смотришь из этого большого Единственного Глаза? Потому, что ты циклопичен.

Для того чтобы обнаружить, насколько он велик, снимми монокуляр (превращая его таким образом снова в пару очков) и постарайся обнаружить с помощью твоих исследующих вытянутых рук границы этого гигантского Единственного Глаза, из которого ты смотришь.

Если ты потеряешь неудачу, пытаясь обнаружить эти границы, если ты обнаружишь, что То, откуда ты смотришь, неизменно шире того, на что ты смотришь — даже если это море или небо, — как ты можешь претендовать на, приобрести и объяснить этот выходящий за границы мира Глаз, не приобретая и его выходящий за границы мира Обладателя? Как можешь ты владеть и действовать так уверенно и ловко этот несравненный Орган и при этом держаться в отдалении от его Оператора, от этого несравненного Циклопического Организма? (Я уверен, Он не будет против такого названия, так сказать.)

Я оставляю тебе эти вопросы жизни-и-смерти, чтобы ты сам на них ответил. Моя цель здесь — только напомнить тебе (и конечно, самому себе), как мы отвечаем на эти вопросы и делаем эти поразительные и потрясающие открытия о природе того Единственного здесь, который видит. Мы делаем это, надевая наши обычные

или солнцезащитные очки немного медленнее, чем обычно! Нельзя стать более земным, более практичным и обыкновенным; или прибыть в какое-либо более восхитительное место, чем дворцы небесные, куда тебя немелденно и направят. Земле не нужно много времени, чтобы перестать наполнять Небеса и освободить их.

Что же касается света, освещающего твой Единственный Глаз (это называлось восточной Церковью Несотворенным Светом), просто посмотри и увидь, какой он прямо сейчас. Некоторые суфии называют его Светом, который освещает свет, и св. Иоанн в своем Евангелии обращаясь к нему, говорит, что это Свет, освещающий каждого пришедшего в этот мир. Я полагаю, что из всего в мире это в высшей степени является собой, действительно фактическое, он менее всего что-либо символизирует и есть не что иное, как сущностный свет Небес.

От вождения твоего автомобиля к вождению твоей Земли

Эта книга о твоём потенциальном слиянии с Богом Небесным и Земным; эта глава об очень приземленных демонстрациях, доказательстввах и практиках, которые убедят тебя (если ты позволишь) в этом божественном объединении; эта часть главы касается наиболее потрясающих из этих демонстраций, доказательств и практик. Буквально потрясающих землю, сдвигающих мир, эффектно переворачивающих его, если он вообще был на самом деле.

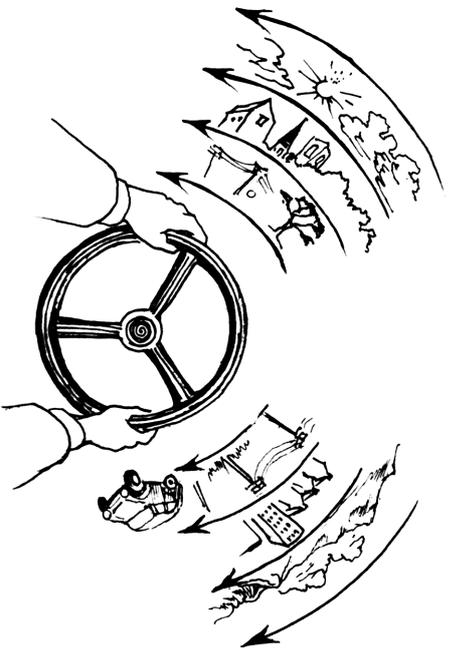
Как достоверно ты можешь узнать, что ты один с Ним? Проконсультировавшись со своими чувствами? Они расскажут тебе множество противоречивых и сбивающих с толку историй. Жесткой дисциплиной и не давая миру запятнать тебя? Это может увести тебя даже дальше, чем от его Создателя. Рассуждая подобно бого-

слову, ища понимания, например, того, что имел в виду Аристотель, когда описывал Бога как Недвижимого Движителя мира? Какая надежда! Ты уверен, что он по-нимал это?

Ты должен спуститься со своего изолированного ментально-духовного пьедестала, спуститься на землю и быть честным и достаточно простым, чтобы посмотреть и принять всерьез то, что происходит. Достаточно смиренным, например, чтобы наблюдать за странным поведением фонарных столбов, спешащих мимо твоей машины.

Каждый, конечно, скажет тебе, что это не фонарные столбы, а ты и твоя машина едут со скоростью 60 миль в час. И что весь пейзаж от заборов до холмов и вершин гор остается недвижимым, и любые движения, которые они, казалось бы, производят, совершенно иллюзорны. Ну да. Теперь я выражу это так: Бог говорит тебе одно о фонарных столбах, а Человек совсем другое, и от тебя зависит, какой выбор ты сделаешь. Очень многое зависит от этого выбора. Это так: Бог приглашает тебя разместиться в центральной Недвижимости, из которой Он двигает все вещи, включая фонарные столбы, разделить всецело эту яркую демонстрацию Его мощи и Его славы. Даже более того, Он идет на удивительно приближенное, не терпя отлагательства в своем желании дать этот роскошный подарок тебе. В то время как Человек говорит тебе: «Следуй тому, что я говорю тебе, а не тому, что ты видишь, и ты будешь одним из Нас, Членом Клуба. Подчиняйся правилам Клуба, а не то будет плохо», Бог говорит тебе: «Я не прошу тебя доверять и верить в то, что ты и Я Одно, но лишь следовать очевидному. Я даю тебе все, что могу, чтобы показать тебе это».

Далее, мне кажется, что разумный способ выбора между этими альтернативами — посмотреть и увидеть, Что ты есть, Где ты есть, Когда ты ведешь свою машину (как они говорят). Я думаю, ты увидишь нечто подобное —

Для *вещей* типично двигаться. Твои руки на руле и твои ноги на педалях — это, конечно же, вещи, которые движутся. Но Ты, который ближе к тебе, чем те движущиеся конечности, занят тем, что приводишь их в движение, Ты, из которого (на основании имеющихся доказательств) Ты согласишься — это очевидно Не-вещь, и невозможно сдвинуть с места Отсутствие-того-что-можно-было-бы-сдвинуть. Достоаточно о Тебе, теперь поговорим о твоём мире. Пожалуйста, сдвинь свое внимание на дорогу впереди. Я уверен, что ты обнаружишь, что это извивающаяся, расширяющаяся, быстро текущая река асфальта, на которой ты надежно «заякорен» в неподвижности. А что касается пейзажа во всех его деталях далеких и близких, *это ego*, а не твой автомобиль ты ведешь!

На самом деле я не понимаю, как Его приглашение участвовать в Его Божественной Природе, со всей ее Мошью и Славой, может быть изложено более выразительно и настоятельно убедительно. Или как основательно и живо, до самой последней физической детали,

Его Земля может быть еще более полна Его Небесами, чем она есть сейчас. Ни-что, которое есть Все, — настолько щедрое!

Не Важно Как

Не важно, насколько голоеисто я обнаруживал, что я происхожу и живу из человеческой сущности, которую ты видишь, на самом деле я происхожу и живу из Божественной Сущности, которую ты не видишь, на самом деле я в Центре. Я должен Быть Правым в Себе Самом здесь, до того как я могу ошибиться в себе самом там!

Не важно, насколько негативны мои чувства по отношению к тебе и насколько плохо мое поведение, факт в том, что я отдало мою жизнь, самое мое существование тебе. Каким образом для меня будет возможно приобрести тебя, не теряя при этом себя, или увидеть тебя, не утрачивая видения самого себя? Как могу я еще более радикально разрушить эти негативные чувства и это плохое поведение, как не видением того, что они не имеют реального основания?

Не важно, насколько далеки по моим представлениям звезды и все те остальные близкие и далекие объекты, единственный способ, которым я могу получить их, — уничтожить расстояние до них, совпасть с ними. Я должен получить их сюда до того, как смогу отпраздновать их в места, которые я называю подходящими для них.

Не важно, насколько я убежден в том, что я Бинокуларен, я никогда не был и никогда не буду каким-либо еще, кроме монокулярного. Я живу и смотрю из того, что есть я, в то, что не есть я. Я не могу галлюцинировать на своей периферии без отсутствия этой галлюцинации в центре.

Не важно, насколько, как я думаю, я мал, как я могу не взорваться во всех направлениях в бесконечность?

Не важно, насколько, как я думаю, я стар, как могу я исчислить возраст там, где нет ничего, что можно было бы измерить временем?

Не важно, насколько я болен, мое лекарство ближе ко мне, чем моя болезнь, и более могущественно.

Не важно, насколько я плох, будучи тем или иным или другим, я не могу лучше Существовать — и Не-Существовать.

Давай суммируем наши открытия в этой главе. Цветок красив, но всегда недолговечен и увядает, но при этом корень его остается жив. Как бы сладок ни был плод, но и он гниет и зачастую так же горек, как полынь. Но Корень всегда плодороден, вечен и абсолютно здоров. «Мир пронизан великолепием Бога», и там действительно живет «драгоценнейшая свежесть глубоко в сути вещей». Включи телевизор, почитай новости, прими свою дневную дозу Ада, увенчай все это списком тех вещей, которые идут в твоей собственной жизни не так, затем скажи мне, какие основания для надежды остаются. Несомненно, оптимист — это либо обманщик, либо глупец, ты ответишь. Не обязательно. Он может быть тобой, весьма смелым, наконец-то следующим более тому, что ты видишь, чем тому, чему тебя учили, или внушили или обманом заставили тебя притворяться, что ты видишь это. Тойбой, который прекратил подавлять тот факт, что Земля — это Земля, только потому, что она уютно сидит на коленях у Небес. Тойбой, который видит еще более ясно, как Бог счастлив, и удивительные правды о тебе раскрываются и берут верх над всеми теми ужасно несчастливыми и утомительными общественными выдумками.

ГЛАВА 8 МИСС ЧИППЕРФИЛД И АКВАРЕЛИСТ МИРА

Забавные вещи происходят в детстве, любопытные указания на наш настоящий характер, на нашу миссию или судьбу, которые, как кажется, определяют курс всей нашей жизни. Или по меньшей мере указывают направление, по которому она, возможно, будет развиваться дальше. Но сначала они, конечно же, ни в малейшей степени не кажутся провидческими. Только в размышлениях о прошлом мы случайно наталкиваемся на далеко идущую значимость тех ранних событий. Таким образом, получается, что наша жизнь, хоть и проживается «вперед», но осознается только взглядом «назад», и ребенок в действительности оказывается «отцом взрослому», как говорил Вордсворт.

Рассуждения задним числом говорят мне, что Вордсворт был прав по меньшей мере в отношении этого ребенка. Но я не только начал необычайно рано работу моей жизни, я начал с некоего самого лучшего в ней.

Мне было шесть лет в то время. Наш дом стоял на вершине скалы, с которой открывался вид на синеватосерое Северное море и поросшие сорняками останки рыболовецкого судна под названием «Спайдер». У меня была привычка прогуливаться по ветреному и пустынно-му берегу в одиночестве. И именно здесь я открыл мою драгоценную жилу — рубины, изумруды, бирюзу, аметисты, топазы, чего там только не было! Видите ли, это были постепенные открытия, раскопки требовали много

терпения. Некоторые из наиболее прекрасных камней — например, рубины — были редкими и потому более драгоценными. Но я был залым и трудолюбивым рудокопом. И как шедро мои усилия были вознаграждены!

То были не обычные разновидности драгоценных камней, которые ты можешь видеть на витринах ювелирных магазинов, не те, которые используются для украшения колес, ожерелий и корон. О нет! Это лишь баальные драгоценности, очень обычные и совсем не волшебные: яркие и прекрасные, как мои собственные самоцветы, конечно, но обычные, вовсе не заталочные и совершенно бессильные.

Мои же, с другой стороны, были совершенно особенными. На самом деле уникальными и настолько отличными, что заслужили других названий. Назвать их сверхрубинами и сверхизумрудами и так далее, или даже настоящими Королевскими Драгоценностями, — значит не отдавать должное их волшебному потенциалу. Или, может быть, мне следует сказать: их всемогущей волшебной силе, которую они даруют своему счастливому обладателю — даруют мне, такому на вид обычному и затюканному маленькому мальчику.

Эта волшебная сила давала возможность раскрасить весь мир, от самого высокопушистого облака на небе до моих собственных рук, от крохотного парохода на горизонте до пенящегося волнореза у моих ног, незамедлительно, в такой цвет, какой я выберу. И затем внезапно поменять цвет, например, из красного сделать синий и затем из синего — янтарный, по моей прихоти. И это волшебство было не только тайным (я был осторожен, избегая рассказывать о нем даже лучшим моим друзьям), но оно совершенно явно было тем, чего другие не имели вообще. Не важно, что они подносили к своему глазу, какой драгоценный камень они выбирали, чтобы посмотреть сквозь него, ничего не происходило с окружающим пейзажем. Он оставался такого же цвета, что и

прежде. Только у меня было право называть себя Акварелистом Мира!

Конечно, те слова, которые я использую сейчас для описания моих детских опытов, сильно отличаются от тех слов, которые я мог бы использовать тогда. Но тогда у меня не было ни способности, ни нужды описывать все эти вещи в деталях. Несомненно, именно поэтому тогда эти вещи были более завораживающими, более глубоко прочувствованными.

И неудивительно, что завершение, трагическая развязка моего приключения как разведчика горных пород была такой ужасной. Настолько, что я помню эту сцену вплоть до настоящего времени, живо и во всех деталях — гужкую классную комнату и вид из окна на мой пустынный берег и сердитое море.

Страшным «подарком» в той ситуации оказалась мисс Чипперфилд, старшая дочь торговца скобинным товаром. Она была одной из учителей — единственной противной учительницей — в начальной школе мисс Смит, которую я ежедневно посещал. Она заметила — еще бы! — что карманы моих не совсем белых шорт по-дозрительно выпячиваются, и заставила меня их вывернуть. И затем она имела наглость, злобу назвать мои драгоценности грязным мусором, кусочками немывтого стекла, которые уже испортили мои шорты и, несомненно, вскоре порежут меня самого.

Что ж, я плакал и рыдал. Я умолял оставить мне хотя бы мои рубины. Но тщетно. Все они исчезли навсегда в железном мусорном ведре. И что еще хуже, все было рассказано моим родителям, и дальнейшие раскопки запрещены. Как же я проклинал мисс Чипперфилд! С того момента я приложил старания к тому, чтобы она меня ничему не научила.

Но эта гадкая тетка не могла лишить меня всех моих волшебных сил, как бы она этого ни хотела. Существовала и другая сила, которая пришла ко мне даже еще

раньше, чем сила мирораскрашивания. Я тогда не дал ей никакого названия, но вот *мировидение* подойдет. Хотя менее эффектно, чем *мирораскрашивание*, но она давала то преимущество, что никто не мог догадаться, что я зашел, и тем более прекратить это.

В те далекие дни от маленьких детей забывались, от правяя их спать в семь часов вечера или даже раньше. На окне в моей спальне вместо занавесок были потертые светло-коричневые жалюзи с коричневыми арабесками, которые пропустили почти весь свет летнего вечера и почти весь блеск зимних уличных дуговых фонарей. И вот здесь, не имея возможности ни уснуть, ни встать, я лежал часами, созерцая эти коричневые арабески. Сами по себе они были чрезвычайно скучными, но я обнаружил, что могу, пристально вглядываясь, делать с ними нечто удивительное. Я мог приближать их к себе! И, после некоторой тренировки, другие предметы тоже, не важно, насколько далеко они находились от меня. Очарование этого волшебства было не только в том, что оно, несмотря на действия, затрагивающие весь мир, оставалось совершенно секретным, но также и в том, что разрушение состояний делало вещи моими. Когда таким образом это было истинно увидено, все, на что я обращал свой взгляд, становилось моей собственностью. Но опять же, конечно, тогда я не забывался подобными играми в слова. Было достаточно того, что каким-то образом я жил моей вездесущностью и всеприсутствием. Это все меняло. Например, когда уличный свет исчезал и я поднимал слегка жалюзи, я мог видеть звезды в моей спальне. Или, может быть, я видел себя в их спальне? Так или иначе, как это волшебно!

Есть еще два других вида столь же впечатляющих волшебств мира, о которых я должен здесь упомянуть более кратко, потому что они в достаточной степени известны. Настолько же хорошо известны, насколько и недооценены.

Первое мы называем *мироразрушение-и-мировоссоздание*. Или, если хочешь принизить его, *уловка стираса*. Ты причесываешь голову в одеяло, разрушая таким образом Вселенную, чтобы от нее ничего не осталось. И затем, после подходящего интервала, посвященного наслаждению своей могущественной разрушительной силой, неожиданно производишь все из ничего, облачаясь во всю свою прежнюю пышность и таковость!

Второе мы называем *мирореворачивание*. Когда я начинаю вращаться на месте — ух ты! — я не делаю ничего подобного. Я начинаю вращать все вокруг, и чем ближе оно находится, тем быстрее оно движется. Весь окружающий пейзаж вращается, словно сумасшедший, вокруг чего? Конечно же, вокруг своего истинного Центра.

Добавь это искусство к мирораскрашиванию, мировлаждению, мироразрушению и мировоссозданию, и ты получишь нечто большее! Весьма впечатляющий волшебный набор, далеко превосходящий всю взрослую умность и доволбно обнадеживающий для ребенка, которому взрослые постоянно напоминают, что он еще не стал взрослым.

Большинство из нас быстро вырастает из этого. Я же дорос до этого. Это сжимающее мир приключение в удивленной спальне и то раскрашивающее мир приключение на продуваемой всеми ветрами прибрежной полосе были первыми шагами на пути, по которому я тогда должен был пройти, мощный стартер для сильного толчка вперед к цели моей жизни. Далекий от того, чтобы поступать так, как мисс Чипперфилд, с моими детскими силами, я сделал своей задачей воспринимать их на полном серьезе.

Зачем? Есть много причин. Потому, что они основывались и основываются на том, что я вижу, а не на том, что мне сказали видеть. Потому, что они могут быть проверены кем угодно, где угодно и когда угодно. Потому, что они точно соответствуют той вечной философии,

которая, как я выяснил, обнаруживает здравый и прагматический смысл в существовании, которое иначе было бы хаотичным и бессмысленным. Потому, что я не могу поверить в то, что они были мне дарованы Всемогущим Обманщиком, одержимо желающим водить меня за нос. И (можно мне добавить до полноты?) потому, что они такие интригующие, такие интересные, такие плодотворные последующим волшебством; и как таковые более чем достаточные для того, чтобы я был занят ими все эти годы.

Вордсворт правильно понял это. Мы плетемся за облаками славы Бога, который есть Дом наш. Но при более глубоком рассуждении мы никогда не покидали Дом. Славе нет нужды гускнеть с возрастом, а тем более уходить навсегда. Она по-прежнему может сверкать из осколков разбитого стекла в кучаххлама около сердитых морей. Она все еще может и все еще забавляться, раскочивая вперед и назад ленивые старые арабески на светящихся жалюзи. Слава может и должна наполнить потопом всю нашу жизнь. Ставни дома-тюрьмы не должны закрывать навсегда растущего или выросшего мальчика или девочку. Любовью в любом возрасте, действительно желанной, может увидеть свой путь из тюрьмы в счастье и неисчерпаемую удивительную свободу.

Автор этой книги — девятистолетний ребенок, который страдал от жестоких приступов взрослости, но большей частью уже выздоровел. Заметь, что, когда он обнаруживает себя оформляющим заново ландшафт или небо, создающим, уничтожающим или крутящим все это, он настолько же сильно впечатлен, как и тогда, когда он делал все то же самое в возрасте шести лет. И он уверен как никогда, что все эти Чипперфильды во всем мире, поддерживаемые и поощряемые тем маленьким взрослым в его зеркале, не смогут помешать ему.

«Воистину, я говорю вам: пока не станете как малы дети, не войдете в Царство Небесное».

ГЛАВА 9 ВИЗИТЕРАПИЯ

*Десять уровней существ все находятся
в моем физическом теле.*

*Озаренный освобождает своих
внутренних живых существ*

*Даже до того, как они в нем примут
определенные очертания.*

Мастер дзэн Хуйхай

Хуйхай, с любовью называемый Великим Жемчугом, был знаменитым мастером дзэн времен династии Тан. Хотя он и жил более чем тысячу лет назад и был китаецем до мозга костей, он понимал такие вопросы, которые мы, современные западные люди, — позор на наши головы! — вряд ли даже задумались бы поднять. Вопросы огромной профилактической значимости, даже жизни и смерти. Даже более того, я думаю, мы обнаружим его, уверенно указующим на их ответы.

Беря пример с Хуйхая, в этой главе мы обратимся к следующему вопросу. Насколько целительна саморегуляция? Раскрытие нашей истинной Природы так же благоприятно для нас физически, как и умственно и духовно, или оно имеет мало значения? Наши «внутренние живые существа» (наши клетки, например, как мы сказали бы) как-то взаимодействуют с нами нашу саморегуляцию? Или есть ли нечто, что мы можем сделать, чтобы помочь им разделиться? Если так, то что? В свободном, или озаренном, состоянии (что бы это ни значило), вероятнее всего, они лучше будут выполнять свою работу

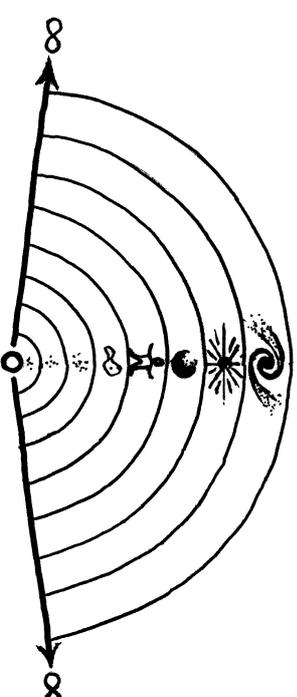
и причинять нам меньше неприятностей? Менее вероятно, что они, например, разделятся на воюющие фракции и «эгоистично» размножатся здесь и там за счет всего тела целиком, как при раке?

Мы попробуем, конечно же, прийти к определенным выводам, которые незамедлительно можно будет использовать на практике. Там, где мы потерпим неудачу, мы сможем предложить многообещающие темы для исследований экспертам — то есть видашним, которые также являются терапевтами или целителями того или иного рода. Есть ли место (мы будем спрашивать их) в их профессиональной практике тому, что я называю Визио-терапией, или в медицине вообще, или в профилактике? Должен ли саморегулированный целитель сам прописывать и, может быть, в определенных случаях даже проводить курс упражнений по открытию Глаза? Обезглавливание или вскрытие черепа (ампутирование стеатомолодобных наростов с плеч Первого Лица) достойны включения в целительское искусство? В конце концов, если принято считать, что подобные лекарства лечат разум и дух, не будет удивительным, если тело последует этому примеру путями, которые еще предстоит открыть. Принимая, может быть, не только временный и поверхностный тонус или накал, или выervoждающая непредвиденные энергии для выхода из непредвиденных кризисов, но еще и изысканная глубинный, более тайный, более устойчивый Ресурс, к которому каждый уровень человеческого организма имеет доступ.

Здесь стоит отметить как, в гиперболической манере махаяны, Хуйхай описывает физические последствия «освобождения своих внутренних живых существ». Среди тридцати двух телесных (*телесных*!) знаков буддоловности, которые демонстрирует видашний, (он говорит) есть такие, как золотистый цвет лица и сияние, пронизывающее всю Вселенную. И все это время, поддерживая это великолепие, существует Пустота, в которой видашний

сознательно укоренен, Пустота, которая выполняет «бесчисленные функции, всегда в точности соответствующие обстоятельствам». Это напоминает о светящемся лице Моисея, спустившегося с гор, о преображении Иисуса на других горах и о тех святых, чей внутренний свет светился так, что все могли его видеть. После того как все скилки на религиозную риторику и превеличия перковно-житийной литературы сделаны, остается множество свидетельств того, что духовное и физическое благосостояние часто идут рука об руку. По самой меньшей мере давай рассмотрим эти традиционные истории как красочное подтверждение того, что это неисследованное поле, исследовать которое крайне необходимо.

Для начала давай отметим, насколько далеко мы можем пройти в том, что не имеет никаких обособенных соменний. Я обращаюсь к тому факту, что наша центральная Пустота (называй её как хочешь — Пустота, Ясность, Дух, Пробужденная Способность, Осознающее Ни-что, или просто То-что-вмешает-в-себя-этот-текст) освобождена от всяческих следов и видов собственности, чисто омыта от каждого личного ярлыка, отличительного знака и указаний на звание и статус. Она принадлежит всем уровням иерархии и в равной степени дома на каждом из них. Очевидно То, что видит Себя здесь как Ясность, — не есть твоя или моя Ясность, не

есть его или ее Ясность, но *Ясность* нелепимая, вселенская. Как обозначено на нашем наброске карты Первого Лица Единственного Числа, это Центральное Не-Существование, которое находится в Ядре тех бесчисленных существ, которым оно же и дает начало.

Другими словами, когда тымотришь в Реальность в твоём Центре, в То, внешностями чего являешься те бесчисленные периферийные внешности тебя, ты делаешь это, как сама всеобъемлющая Реальность и никто иной. Ты делаешь это, как я и для меня, а так же как любой другой и для любого другого. На самом деле твоё просветление не отличается от просветления Будды и является не чем иным, как просветлением Будды, которое — согласно древней традиции — обязательно вылекает просветление всех чувствующих существ каждого вида и уровня. Эта традиция, которая идет вперед нашего времени, и она звучит как современное предупреждение. Хотя «мое» просветление так очевидно не является моим (ни одно по-настоящему просветленное существо не видит себя окруженным пребывающими во тьме существами), мое «это» говорит мне, что оно мое. Поэтому позволю мне ступать осторожно, когда я рискну пойти на поле просветления. Не дай мне забыть, что это минное поле в обоих смыслах и бдительность необходима, чтобы я не взлетел на воздух к небу эгоизма.

Ясность, которую я нахожу здесь, которой я являюсь в Центре, — это внутренняя история и корневой аспект моих «внутренних существ» каждого уровня. Она не менее клеточная, чем человеческая, например. Я должен воспринять этот факт очень серьезно, принять его к сердцу. Никуда не годится, если я буду порой поглядывать свысока и небрежно признавать мой долг и мою единственность в Центре перед этими скромными слугами. Я начал мою жизнь девьюностью три года назад так, как один из них (как почти невидимое яйцо), и я все еще первоначальная клетка в *семейном кругу*, так сказать. Иг-

норировать или отрицать эту уничтожительно горькую правду (и кто из нас не делает именно это?) рискованно. Это все равно, как если бы клетка некого человека, ненавидя то, что их не замечают и презирают, делала бы так, чтобы их раздражение становилось заметным. То, что происходит на социальном уровне, когда «верхи» теряют контакт с «низами», должно предостеречь нас от последствий подобной нечуткости на уровне человеко-клеточном. Восстания рабов в Древнем Риме, бунты крестьян в средневековой Англии, Жакерия и Великая революция во Франции, со всеми их ужасами, произошли потому, что верхние слои общества были слишком классово-одержимыми, слишком чванливыми, чтобы поставить себя на место низших слоев, сочувствовать их положению и действовать подобающим образом. Не приходится удивляться тому, что простой народ восстал. К тому же было бы удивительно, если бы мое клеточное население — презираемое как несравнимо низшее по уровню своим выскочкой-боссом, который начал свою жизнь как один из них, если не игнорируемое вовсе, — восстало бы? И наоборот, было бы удивительно, что когда я сознательно стану одним в Центре с каждой и со всеми клетками, что они и я будем вместе наслаждаться лучшим здоровьем и гораздо большей жизнеспособностью?

Я могу услыхать, как ты высказываешь пару возражений по этому поводу. Первое выглядит так. Рамана Махарши, который, как мы согласны, был великим мурдрецом и видящим, умер от рака, так же как и Нисаргата и другие высокоодаренные духовные учителя. Разве я говорю, что их просветление было неполным, недостаточно глубоким?

На это я отвечаю: Рамана был действительно глубоко самореализованной душой. Он также был индийским аскетом, который в свои юные годы выбрал жизнь в темной и воночей пещере под храмом. Его биограф Ар-

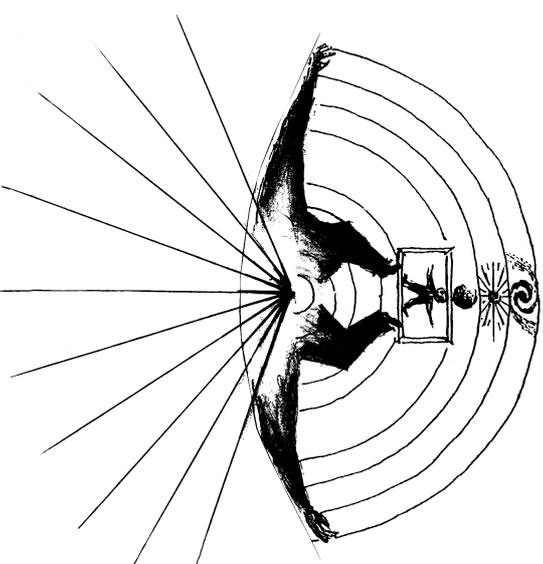
тур Осборн пишет: «Редко заходили туда люди; только муравьи, ядовитые твари и москиты обитали там. Они терзали его до тех пор, пока его бедра не покрылись язвами, из которых сочились гной и кровь. До конца его жизни остались эти отметины». Равнодушен он был к своему телу, его благосостоянию. Он описывал тело как «болезнь». Его внутренние существа отомстили ему, хотя он и был мудрецом.

Второе возражение не столько «Нет», сколько «Да, но». Вот как оно звучит. Допустим, что сознательное разделение твоего просветления с твоими клетками может быть благотворно и для тебя, и для них, и может сделать заблуждение раком чем-то гораздо менее вероятным, но это только один из многочисленных факторов, и, возможно, один из незначительных к тому же. Колоссальные исследовательские усилия, направленные на обнаружение видов, причин и лечение рака, до сих пор не дали важнейших, ясных и простых ответов. Наследственность, курение, фастфуд, загрязнение окружающей среды, стрессы, искусственный стиль жизни в целом — вот некоторые из этиологических причин, находящихся под исследованием, к которым также успешно может быть прибавлено негативное или враждебное отношение к твоим внутренним существам любви и всех уровней. Но делать преувеличенные и самонадеянные утверждения в пользу Визюотерапии будет совсем бессмысленно в этой борьбе против этого и других дегенеративных заблуждений.

Достаточно для второго возражения.

Все это я готов признать и действительно на этом настаивать — именно в этом объеме. Чего отнюдь не достаточно. Есть другая и очень отличная сторона моего воплощения. На самом деле у меня два тела. Как второе-третье лицо я имею маленькое, умирающее, подверженное болезням тело, и в то же время как первое лицо (или даже как Первое Лицо Единственного Числа) я имею

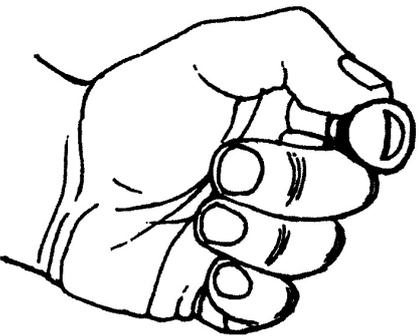
Тело Воскрешения, которое во всех важных аспектах противоположно тому телу, за которым присматривает мой доктор и которое я вижу в зеркале. Теперь вместо утомительной каталогизации различий между этими двумя телами позволь мне суммировать их различия на картинке.

Вопросы, которые я задаю себе, таковы. Когда я ясно вижу, примерно и привыкаю к моему Телу Воскрешения, когда я наслаждаюсь и живу в свете Того, чем я в действительности являюсь, слой за слоем, в отличие от того, чем я выгляжу для тебя, каковы периферийные эффекты? Когда я сознательно путешествую из моего человеческого уровня на расстояние метра или около того, через мой клеточный уровень, мой молекулярный, атомный и субатомный уровни к этому абсолютно пустынному Центру, жители этих иерархических уровней обновляются каким-либо образом или подвергаются какому-либо влиянию? До настоящего времени я находил, что по всем наиболее важным аспектам моя псевдо-

жизнь в том теле второго-третьего лица резко контрастирует с моей настоящей жизнью в Телe Первого Лица. И теперь я думаю, что будет несколько странным, если этот контраст исчезнет, когда речь идет о вопросах здоровья и нездоровья. На самом деле довольно странно, если «мое» просветление (которое, как мы уже увидели, происходит на всех уровнях) обнаружилось бы и полностью проявилось бы только на уровне человеческого. Конечно, это мне решать, буду ли я поддерживать и не пренебрегать путь полному его проявлению на всех уровнях.

Визитерация — это терапия на глубине или вообще не терапии. Как она работает? Если говорить конкретно, то как ее глубинное лечение рака можно сравнить с химиотерапией и радиотерапией?

Химиотерапия и радиотерапия предназначены для уничтожения как можно большего числа больших клеток и как можно меньшего числа здоровых. Визитерация работает примерно по тому же направлению, но более радикально. Она успешно убивает их всех и не менее успешно возрождает их вновь. В терминах христианства это

те самые Смерть и Возрождение, которые являютсЯ платой за вход в Царствие Небесное. На самом деле, как показано на нашем наброске карты, это принимает форму реального путешествия через реальное пространство к Ничто, которое есть общее Ядро всех вещей. К абсолютно свободному от болезней Ничто, которое, с помощью этого указующего внутрь пальца, я обнаруживаю прямо

здесь, стремительно взрывающеся во Все. Другими словами, в мое имеющее один глаз, широкие объятия и все уровни Телo Воскрешения.

Только оно одно и есть мое настоящее Телo, мое строго нераздельное космическое телосложение, для которого мое человеческое телo — синонимичное и временное — всего лишь один из фрагментов. Без моих собратьев людей я не человек, без моих микроорганизмов, атомных и субатомных составляющих? Или без моей Земли, Солнца и Галактики? Истина в том, что я целиком — это не что иное, как все Целое, вся космическая иерархия, начинающаяся со всеявключающего в себя Единого и до всеисключающего Ничто. Как целостность, как Первое Лицо, я не в мире — мир во мне — и все существа есть мои внутренние существа. В действительности как неделимо мое телo, так и неделимо его здоровье. И Визитерация практикует переход от псевдо-тела через не-телo к истинному тотальному Телу. Которое всегда в хорошем состоянии.

Достаточно о моем любительском наброске случая Визитерации. Перейдем к профессионалам, твоим врачам и терапевтам, которые также видят твою истинную природу. Здесь тебя ждет напряженная и долгосрочная программа исследований, обещающая быть настолько же увлекательной, насколько и необходимой.

В заключение снова обращусь к Хуйхану. Я думаю, он вполне заслужил титул Великого Жемчуга только даже за то, что учил: свободный человек освобождает своих внутренних существ даже до того, как они обретут форму в нем. И, когда он говорит мне, что все девять уровней существ находятся в моем физическом теле, он не-сомненно говорит правду. На тысячелетия опередив свое время, он даже назвал правильное число, хвала ему! От галактик до частиц я тоже насчитал девять! Bravo Мастеру!

ГЛАВА 10 Я ЖИВУ, ХОТЯ И НЕ Я

Я распахн вместе с Христом,

И всё же я живу:

Хотя и не я,

Но Христос живет во мне.

Св. Павел

Рассеянные понемногу по последним двум тысячелетиям существуют христиане — меня подмывает называть их настоящими христианами, — для которых эти слова святого Павла истинны в буквальном их значении и ни в коем случае не метафоричны и не образны. Это мужчины и женщины, которые принимают это его потрясающее, но приводящее в замешательство утверждение серьезно, которые применяют его лично к себе и практикуют то, что становится фундаментальным следствием от просто человеческого «я» к тому Я, которое изначально божественное. Одаренные и доверчивые души, которые могут вместе со святым Павлом сказать: «Угодно Богу, отделившему меня от чрева матери, найти Сына Своего во мне». Счастливые, благословленные великой верой те, которые продолжают доказывать в повседневной жизни реальность того, что, как они предположили, истинно.

Я человек малой веры, Фома Неверующий, который будто говорит Павлу: «Хотя я желаю открыть то, что Христос-Богочеловек есть во мне, как моя жизнь, что он есть гораздо более я, чем тот парень, не похожий на Христа, фотография которого в моем паспорте и который в моем зеркале, я просто не могу в это поверить».

Это утверждение слишком дико и слишком лестно, чтобы быть принятым на веру. Ибо оно равносильно утверждению, что я, имеющий все основания рассматривать себя как кратковременный, бесконечно малый и далекий от совершенства фрагмент мира, на самом деле наполнен (или даже в некотором смысле тождественен) своим безграничным и невыразимым Первоначалом. Поверить в эту историю потому, что мне было сказано поверить в нее, или потому, что мне бы хотелось в нее поверить, кажется мне жалким и нелепым и, конечно, не делаемим чести самому Первоисточнику.

Итак, я говорю святому Павлу: «Покажи мне. Говорить мне об этом бесполезно. Я поверю в Христа, который есть жизнь моя, когда я увижу и почувствую Его, живущего моей жизнью, когда он будет прямо здесь так явно очевидный, что я не смогу больше сомневаться в Его присутствии и смене моего "я" на Его».

Но я слишком поспешен. Для начала я должен разобратся с вопросом: Кто есть Христос для меня, что я подразумеваю под этим высоким, но сильно перегруженным и двусмысленным титулом? Позволь мне перечислить то, что я считаю Его существенными атрибутами, характеристиками, которые я бы приобрел, если — чудом из всех мыслимых чудес! — я бы перекличился с бытия Дугласом Эдисоном Хардингтом на бытие Им и стал жить Его жизнью, подобной житию святого Павла, если вообще подобной чему бы то ни было.

Что ж, вот мой список. Он не точно такой же, как твой, я предполагая, и не как тот, который мог бы предложить священник или теолог, но он вполне достаточен для нашей цели.

1. Самоотдавание

Сама природа Христа — это самоотверженная любовь, граничащая с готовностью умереть ради того, чтобы ты и я жили.

2. Распятие

То, что делает Его смерть особенной, — это ее способ. Он был Распят.

3. Новое тело

Будучи восставшим из мертвых, Он приобретает коренным образом трансформированное тело Воскрешения, которое трудно представить нам, находящимся по эту сторону Смерти.

4. Вездесущность

Но Он, несомненно, не заключен в Своем теле Воскрешения, не размещен только в Нем. Он везде, на свободе все это время.

5. Непленность

Как и все Пространство, так и все Время — в Нем, Вечном.

6. Центральность

Он не только наполняет Пространство и Время, но и они исходят от Него и возвращаются к Нему; находящиеся в их уникальном Центре.

7. Всеключаемость

Все и вся, не важно, насколько отдаленные и насколько несовершенные, насколько жалкие и насколько грешные, объята Им, содержатся в Его великом сердце.

8. Чистота

И все же Он остается абсолютно незагрязненным, безматерным, безупречным и во всех смыслах совершенным.

9. Недвижимость

Его совершенство включает в себя совершенную невозмутимость, покой и отдохновение, и это из Его недвижимости происходит движение всех вещей.

10. Всемогущество

Действительно, Он всемогущ, поскольку Его воля всегда выполняется в конечном счете.

11. Всеведение

И, будучи всезнающим, Он имеет совершенное понимание того, что каждое из существ есть на самом деле. Он знает их намного лучше, чем они знают себя сами.

12. Бог в Человеке, Человек в Боге

И тем не менее, несмотря на эту галактику трансцендентных атрибутов, Он Человек так же, как и Бог, человекский не менее, чем божественный.

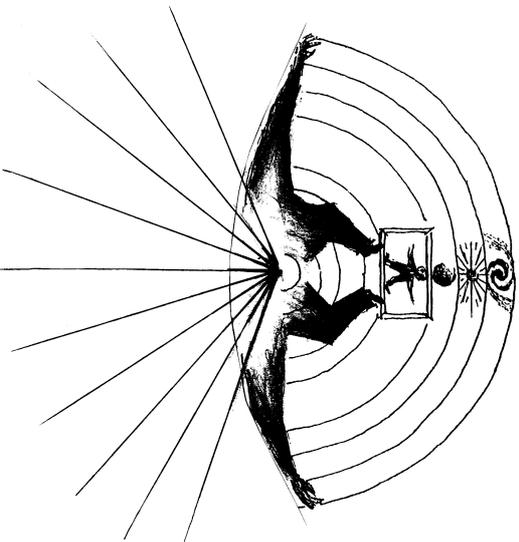
Что ж, это мой Первый Список. Он описывает то, каким я не являюсь, но каким бы я должен был быть, если бы Христос жил во мне и был моей жизнью. Говоря другими словами, вот целих двенадцать убедительных причин того, почему я не есть Он, целая дюжина аспектов, в которых, совершенно очевидно, мне неизмеримо не хватает Его божественного совершенства. Всех тех аспектов и несомненно еще других скрытых, тогда как только лишь одного из них было бы достаточно, чтобы преподать мне путь к христовости навсегда!

Как прав был я, категорично отказываясь *верить* апостолам и требуя *показать мне*, что Христос есть — или может стать когда-нибудь — моя жизнь и само мое бытие. Итак, то, что я предлагаю сделать сейчас, — это окинуть самого себя свежим взором, просто на тот случай, если я смогу поймать вспышку того, о чем говорил св. Павел, того, что может возвести мост через огром-

ную пропасть, разделяющую меня и Христа, который жил в нем. С этой целью позволю мне показать мой Второй Список.

Теперь это не список агрибутов Христа, как я понимаю Его, пребывающего там, это список качеств самого меня, как я сознаню себя прямо здесь. И под словами *самого себя* я подразумеваю не того парня, которого я вижу там, в моем зеркале, но совершенно другого, которого я вижу по эту сторону зеркала, того, который осуществляет процесс видения. Для удобства сравнения я комбинирую эти два списка: качества Христа — курсивом, мои собственные — обычным шрифтом. Это сопоставление должно по меньшей мере помочь осветить контраст между Им и мною.

Я думаю, эта приблизительная карта для проверки того, что выставлено напоказ, окажется столь же полезной для тебя, что и для меня. Потому что, конечно, я не прошу тебя поверить чему-либо, но раскрыть на каждой ступени: получится ли так, что ты обнаружишь себя совершенно тем же самым, чем я обнаружил себя.

1. Самоотдавание

Сама природа Христа — это самоотверженная любовь, граничащая с готовностью умереть ради того, чтобы ты и я жили.

Прямо здесь, посредине этой карты, я воспринимаю себя Пустым Пространством, Вместилищем, Местом для чего бы то ни было присутствующего. Если это ты оказываешься здесь, у меня нет ничего, чем держать тебя вовне, и я исчезаю в твою пользу. Если бы осталась всего одна пылинка, этого было бы достаточно, чтобы тебя полностью вытеснить. Но ничего не осталось. Я не вижу ничего по мою сторону от тебя. Цена твоего появления здесь, во всем изумительном богатстве и данности, это моя бедность и неданность, мое исчезновение. Правда такова, что я даю мою жизнь и само мое бытие тебе не потому, что я самоотреченный или святой (отнюдь нет!), просто у меня нет выбора.

2. Распятие

То, что делает Его смерть особенной, — это ее способ. Он был Распят.

Глядя прямо перед собой и поднимая мои руки на высоту плеч, я постепенно их расправляю, пока они почти не исчезнут. И я вижу, с некоторым изумлением, что эти огромные мои руки — по полному контрасту с руками других людей — охватывают обширный мир, все то, что выставлено напоказ. Моя левая рука дальше от моей правой руки, чем расцвет от заката, чем Восток от Запада. И не только этот всеохватывающий жест похож на распятие. Я обнаруживаю, что участвую в страдании, которое сопутствует распятию.

3. Новое Тело

Будучи воскресшим из мертвых, Он приобретает коренным образом трансформированное тело Воскрешения, которое трудно представить нам, находящимся по эту сторону Смерти.

Смотря сюда, чтобы увидеть, на фактически данную форму моего тела, я обнаруживаю, что она весьма отлична от всех тел, окружающих меня. (включая и то — в моем зеркале) по крайней мере в разительных четырех аспектах. а) На их плечах возвышается по одной голове на каждого, в то время как на моих находится место расположения всех голов, с которыми я встречаюсь. Суть в том, что я обезглавлен (нет смерти более верной и быстрой, чем обезглавливание) и уже живу многоголовой жизнью воскрешения. б) Как если бы созданный более низкого роста для существования, чем мои товарищи, я несравнимо более широкий, как мы уже увидели. с) Также я являюсь обратной стороной остальных: перевернутый ногами вверх и обращенный лицом в другую сторону. И d) Я наделен Единственным Глазом, который шире даже, чем тот мир, который он собирает, в то время как они шеголяют парой шлочек в маленькой костяной коробке. И, конечно, есть еще много других примеров тех отличий, которые есть между мной и ими: например, тот факт, что мои руки обычно много больше, чем мои ноги. Но я полагаю, что я сказал достаточно для того, чтобы показать, насколько велик контраст между этим посмертным телом и теми предсмертными телами.

4. Вездесущность

Но он, несомненно, не заключен в Своем теле Воскрешения, не размещен только в нем. Он везде, на свободе все это время.

Прямо здесь находится То, что протыгивает эти мои огромные руки. То, из чего я смотрю. Указывая внутрь сейчас на это широко пробужденное То, я обнаруживаю Ни-что, Пустоту, которая взорвалась в бесконечность. Центр этого космического круга поглотил все его радиусы. Итак, я не воспринимаю никакого расстояния между собой и тем предметом, на который смотрю. И линия между моим Глазом и твоим глазом, если смотреть с моего конца, сокращается до нуля. Кроме того, «самая дальняя» из галактик, звезд или планет находится ближе, чем близкое, и все, что я вижу, я вижу здесь. Одним словом, я вездесущ.

5. Непленность

Как и все Пространство, так и все Время — в Нем, Вечном.

Как осознающая Не-вещь, которая содержит все эти меняющиеся и тленные вещи, я неизменяем, безвременен, безначален, бесконечен. Если я вдруг усомнюсь в этом, мне достаточно просто обратиться к моим часам. Обычно они мне сообщают время, которое там, вонне. Но, когда я подношу их к моему Глазу, они показывают мне не-время прямо здесь. Разделяя судьбу всех вещей, мои часы сами распалаются, сообщая мне об этом.

6. Центральность

Он не только наполняет Пространство и Время, но и они исходят от Него и возвращаются к Нему, находящемуся в их уникальном Центре.

Я снова беру линейку и с ее помощью продлеваю вниз вертикальные линии вокруг меня — такие как углы комнат и дверные косяки — и обнаруживаю, что они все сходятся и расходятся в/из одной точки, из меня! А точнее, из области моего сердца. Когда я был ребенком, мне говорили, что параллельные линии пересе-

каются в бесконечности, а теперь я вижу, что Я и есть та Бесконечность. Даже более того, это самоосознающая Бесконечность. Здесь и нигде более обнаружил я Осознание, которое приводит всё к существованию, жизни и значимости. Если мне покажется, что я обнаружил ее где-то еще, это случится только потому, что я принес его с собой.

7. Всеяплочаемость

Все и вся, не важно, насколько отдаленные и насколько не совершенные, насколько жалкие и насколько грешные, обьяты Им, содержатся в Его великом сердце.

Эта великая и самоосознающая пустота, которую я здесь обнаруживаю, не просто пуста. Она пуста-для-наполнения. В конечном счете никто и ничто не оставлено вовне. На самом деле я не совсем элов, не совсем в здравом уме, немного «двинутый», не целостен до тех пор, пока не стану Целым. Говоря другими словами, Вселенная тоже не является целой, в то время как я делю ее на наблюдателя здесь и наблюдаемое там, на мою-часть и не-мою-часть. Чтобы насладиться Вселенной как *Вселенной* и не страдать более от ее Двойственности, я должен быть ничем в ней центральным и всем — периферийно. Это две стороны одной монеты.

8. Чистота

И все же Он остается абсолютно незадряженным, безмятежным, безупречным и во всех смыслах совершенным.

Поднимаю глаза от того, что я пишу, я указываю одновременно в двух направлениях. Моим правым указательным пальцем внутрь, на То, что смотрит. И моим левым указательным пальцем вовне, на то, на что смотрят — а именно, на диван, несколько стульев, окно. И я замечаю три вещи. Во-первых, насколько огромна кон-

траст между пустотой здесь и тем, что наполняет ее там. Во-вторых, насколько тем не менее абсолютно их единство. В-третьих, насколько пустота не загрознена этим ее наполнением. Ибо, когда я оборачиваюсь, чтобы оглядеть другую часть комнаты, я не беру с собой ничего из предыдущей ее части (ни диван, ни стулья, ни окно). Пустота, которая есть я, остается чистой, пустой для каждого нового вида, всегда девственной, непорочной.

9. Недвижимость

Его совершенство включает в себя совершенную невозмутимость, покой и отдохновение, и это из Его недвижимо-сти происходит движение всех вещей.

В то время как я могу найти оправдания для игнорирования того очевидного факта, что после-смерти я не занятан, я не могу найти никаких оправданий для игнорирования еще более очевидного факта, что после-смерти я недвижим. В поездке, за рулем моей машины или просто прогуливаясь я должен просто видеть то, что я вижу, вместо того чтобы видеть то, что мне говорят я должен видеть. Обращаясь к моим ощущениям, я предпочитаю отрицать то, что все от далеких холмов и до телеграфных столбов по обочинам есть движение во мне, являющимся всеохватывающей Недвижимостью, Недвижимым Движителем мира.

10. Всемогущество

Действительно, Он всемогущ, поскольку Его воля всегда выполняется в конечном счете.

Я обнаруживаю в себе две воли, одна из них принадлежит до-смертной жизни того, кто в моем зеркале, и другая — той после-смертной жизни по эту сторону моего зеркала. Первая готова быстро сказать **НЕТ!** доброй половине того, что происходит со мной, в то время как

вторая в конечном счете говорит Да! — ТАК ТОМУ И БЫТЬ! — всему этому. И делает это по вполне разумной причине: я вижу, что прямо здесь все мое сопротивление растворяется, и я взрываюсь в широкую открытость, чтобы принять все, что только мне уготовано. Говорить Да! этому часто мучительно трудно, конечно, но это оборачивается репетом получения того единственного покоя, который только и стоит иметь. И вот, наконец, в чем парадокс: это потому, что я не имею воли, чтобы моя воля исполнилась. Прямо здесь полное бессилие и полное всемогущество становятся одним и тем же.

11. Всеведение

И будучи всезнающим, Он имеет совершенное понимание того, что каждое из существ есть на самом деле. Он знает их намного лучше, чем они знают себя сами.

Ясно видя «мою» истинную, безграничную и вечную Природу, прямо здесь, в Центре, я ясно вижу «твоею», кем бы ты ни был, каким бы ты ни был и где бы ты ни был, так как здесь ты и я — одно и то же — или, точнее, ни-что. Другой вид всеведения, который включает слежение за поведением каждой частицы во Вселенной, — пустая мечта и отвратительный ночной кошмар к тому же.

12. Бог в человеке, человек в Боге

И тем не менее, несмотря на эту галактику трансцендентных атрибутов, Он человек так же, как и Бог, человекский не менее, чем божественный.

Каков статус того, чей портрет я только что описал, — мой статус? В нем много человеческого — форма этих рук, например, в них боль и страдание, и их постоянное замещение — но также много и сверхчеловеческого — их размеры, например, и их всеохватность. Здесь полностью находится захватывающий, но удивительно полез-

ный апофеоз. Есть ли другой его вид, столь же легко подтверждаемый проверке и имеющий смысл? Прямо здесь, поддерживаемый моей наиболее тщательной проверкой, находитесь настоящий и светлая готовый ответ на все те тома запутанных и зачастую горьких (и время от времени смертоносных) дискуссий о человеке, который есть Бог, и о Боге, который есть человек, и как эти две сущности могут сливаться, оставаясь при этом раздельными. Но то, что еще гораздо важнее, — здесь мой план жизни, все дни и каждый день, воскресенная жизнь, жизнь, которая истинно человеческая в конце концов потому, что она истинно божественная, и наоборот. Центрированная жизнь.

Что ж, вот они, все двенадцать качеств Христа, как я их понимаю, противопоставленные соответственно моим качествам, как я их воспринимаю. Мои центральные и после-смертные качества (спешу тебе напомнить) находятся в полном противоречии с до-смертными качествами того парня, называемого Хардингом, который вне Центра, на расстоянии метра или больше, и который совершенно иного склада.

Я не знаю, как ты, но я не могу не изумляться, видя, насколько крепка эта связь.

Я надеюсь, что ты нашел карту полезной. Я-то определенно нашел и до сих пор нахожу. Я рисовал то, что я видел, чем был информирован и очарован. Затем я увидел, что я нарисовал, и был потрясен! Я моллю Бога о том, чтобы никогда не прийти в себя от потрясения тем чудесным видением. Единственное, что действительно имеет значение для меня, так как я близок к концу этой вне-Центровой до-смертной жизни, это единение с моим безвременным Источником, слит от моей индивидуальности к Тому Единому, который в то же время отлучен от меня и более я, чем я сам. И я нахожу, что эта карта слитва прекрасно помогает ему совершиться. Так-

же она завершает слияние того знакомого образа распятого Спасителя, отдавшего свою жизнь за меня давно и далеко, с этим, таким незнакомым, образом Воскресшего Спасителя, живущего Своей жизнью прямо здесь и прямо сейчас во мне. Точно так, как говорил Павел.

Давай снова послушаем Павла, отмечая то, как наша карта помогает нам понять его. «Иная слава Солнца, иная слава Луны, иная слава звезд: и звезда от звезды различается в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в глениности, восстает в нетленности; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется в теле физическом, восстает в теле духовном».

Наконец, для ровного счета вот еще несколько вариаций на нашу тему, на то, что Джордж Герберт назвал своей «единственной музыкой».

Св. Симеон Новый Богослов: «Мы пробуждаемся в теле Христовом так же, как Он пробуждается в нашем теле, и моя бедная рука — это Христос. Он входит в ступни мои и является мной безгранично. Я двигаю моей рукой и, изумительно, это есть Христос».

Мейстер Экхарт: «То, что действительно имеет значение, — Христово рождение должно произойти во мне. Открой в себе это рождение, и ты откроешь все добро и весь покой, все счастье, все существование и всю истину... Бог освещает все внутри Своим Светом и привносит внутрь все, что ты покинул, и даже в тысячу раз больше, вместе с новой формой, где можно разместить все это».

Генри Сюзо: «Он (Сюзо) спросил одного из великодушных Царей Небесных о том, как выглядит в душе тайное место пребывания Бога... Затем он посмотрел внутрь и увидел, что его тело над его сердцем было прозрачным словно кристалл... Блаженные освобождены от своей личной инциптивы и изменены в другую форму, другую славу, другую мощь».

Ян ван Рейсбрук: «Бог, Отец Небесный, создал всех людей по образу и подобию своему. Его образ — Его Сын, Его собственная Вечная Мудрость, и св. Иоанн говорит, что в ней все существа имеют жизнь».

Джордж Герберт: «Христос — это моя единственная голова, мое единственное сердце и труд, моя единственная музыка».

Джеффри Мэлли Хопкинс: «Одновременно я есть то, что есть Христос, с тех пор, как Он был тем, что есть я, и этот парень, прикол, жалкий глиняный черепок, лоскуток, спичечная соломка, — бессмертный алмаз».

ГЛАВА 11 У ВООБРАЖЕНИЯ ЕСТЬ БЕЛЫЙ ХВОСТ

Вот реальная история.

Однажды я упомянул в разговоре с родителями, что видел кролика, разгуливавшего по Главной улице нашего города.

— Воображение! — сказали они.

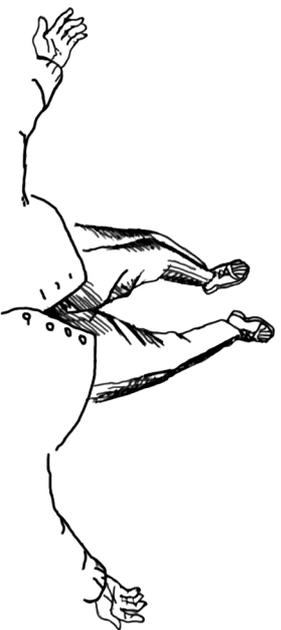
— А разве у воображения есть белый хвост? — спросил я простодушно. Видишь ли, мне было тогда около четырех лет от роду.

Продолжение, такая же реальная история, произошло восемьдесят восемь лет спустя.

— Я только что видел болтающуюся раскоряку, прогуливающуюся по Главной улице, — я сказал.

— Воображение! — сказали они.

— Разве воображение разгуливает вверх ногами, — спросил я, — и заставляет Главную улицу разгуливать вместе с ним, и простирает свои руки на широту всего мира, и носит белый жилет без верха, вот такой?

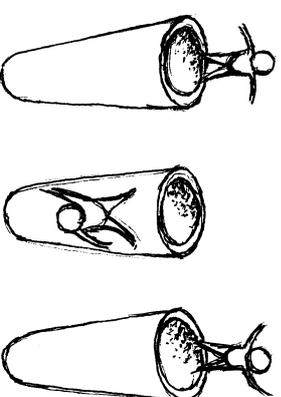
ГЛАВА 12 ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Падение человека наряду со своей неотъемлемой частью — Спасением человека — это одна из тех религиозных догм, без которой мы очень хорошо можем обходиться в наше время. Каждый, кто обращается к незнакомцам и задерживает их утомительными расспросами, интересуясь, спасены ли они, направляется на неприятности.

Тем не менее Падение — это факт. Это не только психологическое, но также и физическое падение через физическое пространство, от вершины до дна. Это так, как будто каждый из нас, довольно рано в своей жизни, скачивается в очень глубокий колодец и находится под острой утрозой остаться пойманным в ловушку внизу до конца этой жизни.

Очевидно, когда кто-либо падает в колодец, хорошее пространство, простирание безобидно или полезно ниже его, под ногами, становится внезапно плохим пространством, распостершимся над ним, над головой, отрезая его от его мира.

Ему больно, он одинок, голоден и обречен умереть скорой смертью, если кто-либо из друзей не услышит его крики и не вытащит его в безопасное место и на благословенный солнечный свет.

То, что случается, конечно, если он по большой удаче спасен, — это падение наоборот. Пространство, простираясь так безжалостно над его головой в колдоще, брошено снова под его ноги и обращено в безопасное.

Теперь я еще раз расскажу эту историю, состоящую из трех частей, так, как я полагаю, она разрабатана в моей собственной жизни. Первоначальные детали гипотетические, но я ругаюсь за общую картину.

До Падения

Когда я впервые увидел звезды, они были любопытными маленькими штучковинами, к которым я мог прикасаться без опасения уколоться или обжечься. Луна была так же близко, как и рука, в которой я ее держал, и гораздо меньше. Холмы, деревья и дома были около меня, и они были разных размеров (некоторые меньше, чем ноготь моего большого пальца, другие больше, чем все мое тело), и эти размеры постоянно менялись. Насколько большими были самолеты на земле и насколько крошечными в небе! И какие крошечные в них, должно быть, были люди! Дети вдалеке (по недоразумению так называемые) не были детьми полноценного размера там, они были детьми-карликами, уютливо тихими и ведущими себя хорошо, здесь. Свиристые собаки, до тех пор, пока они оставались не больше, чем мыши, и гавкали шепотом, ничуть не были страшными. Все говорило о том, что не столько я жил в мире удивительно гибких вещей, сколько они жили во мне наравне со мной самим. У меня не было ничего, чем бы я мог их изгнать. Видеть цветок — значило быть цветком. Вдыхать его аромат — значило благоухать так же, как и он. Голубой цвет ясного неба был голубым цветом моего сияющего лица. Только этот злобный вор под названием Расстояние был пока еще отдален от меня.

Ты можешь сказать, что я был вездесущим. Или, менее льстиво, что мой мир в то время был поверхностным, тонким, как бумага, двухмерным. Но ты не можешь отрицать, что эта тонкость была полнотно-фактиче-ской, твердо основанной на очевидности. (В конце концов, то, что видит некто — даже взрослый, — он видит там, где он есть, а не там, где расположен объект.) Это было так, как если бы я посадил мои звезды, как небесных борзых, на поводки, которые натянул так сильно, что длина каждого поводка, видимая с конца, сжималась бы до точки.

Но я был настолько же глубок, насколько мой мир был мелок. Основанный на и приходящий из неизмеримой Основы моего Бытия, я задействовал необъятные внутренние ресурсы. Неудивительно, что я достиг больших результатов за один из тех ранних дней, чем за более поздние месяцы и годы. И секрет моего успеха был в том, что я ни в коей мере не был тем, кем я выглядел. Я был беспредельным ясным пространством для моего мира, который имел место в нем. Тот факт, что у меня не было способа передать эту хорошую новость, не делал ее менее хорошей или менее истинной. Все совсем наоборот. Люди называли меня маленьким и сами себя — большими. Как мало они знали!

Но какой долгой была моя беспредельность!

Падение

Внезапно я рухнул, отделился от вещей, потерял контакт с ними. Расстояние, образовавшееся между мной и моими драгоценностями, отняло их у меня. Теперь, впервые, я узнал о глубине. Но, увы, она не была больше моей, внутри меня и поддерживающей, а стала их, вне меня и тнегушей. Я был настолько глубок ранее, и мой мир был настолько мелок, а теперь все перевернулось. Почти за ночь тот, кто был вездесущим, стал все-

отсутствуящим. Мир, который был потерян во мне, стал вдруг миром, в котором потерялся я. И я не могу преувеличивать ту перемену, которую это падение произвело в моем мире и во мне самом.

Перемены во мне и моем мире были переплетены. Мои дорожки маленькие сверкающие звезды стремительно стали обширными адами из сверхгорячих газов, находящимися на расстоянии многих световых лет, и, конечно, вряд ли можно было ожидать, чтобы я обладал ими или хотел ими обладать. Теперь я не имел способа уменьшить злых собак, упрямых детей и командующих взрослых до легкоуправляемых размеров и увеличить хороших. Они все оставались того же размера, несмотря на расстояние. Есть роза и есть я, и я не знаю того механизма, который может сделать нас одним целым. И так все происходит. Я одинокий и я маленький, странник на неизвестной земле. Раньше я заполнял до стропиц самые большие церкви, железнодорожные вокзалы или аэропорты, комфортно вмещая всех тех забывных людей. Я был их веселым ненаблюдаемым наблюдателем. Теперь я сам под наблюдением всех и каждого, затюканный, скукоженный, тревожно бродящий среди них. Какое падение!

Невозможно оценить должным образом этот контраст между моим изначальным состоянием и моим падшим состоянием, между непринужденностью и свободой первого и тревогой (или болезнью) и скованностью последнего. И, пожалуй, наихудшее в моем состоянии после падения — это то, что очень скоро оно замаскируется под мое естественное и нормальное состояние и под великое улучшение по сравнению с тем, что я смутно помню о моей детской всевключаемости и openness. Мало кто из нас имеет представление о том, насколько низко мы пали.

Если рассказывать грустную историю по-старому, то Люцифер был самым светлым и самым важным ангелом

на Небесах, но он пал. Его не вытолкали, он прыгнул сам. Отдавая себя от небесного и завлекая нас, людей, в свой безрассудный спуск, он приземлился в Аду. В лучшаяйшей яме, где каждый сам по себе и сам за себя, отдаленный ото всех остальных непроходимой пропастью. Там, вверху, на Небесах, я один с тобой. Здесь, внизу, в Аду, я один без тебя и нас навсегда двое. Наше падение было нашим взаимным отдалением и разномыслием. Наше спасение — это наше воссоединение вновь в одно с Единным.

Спасение

Я, который был столь естественно глубок и чей мир был так естественно мелок, стал одиноким, который теперь так естественно мелок и чей мир стал столь неестественно глубоким. Я доведен до отчаяния. Я прикоснулся ко дну.

И тогда (и только тогда) голос сказал мне: «Ты действительно нуждаешься в спасении, и ты действительно спасен. Великая и возвышающая работа завершена. Ты только должен довериться твоим ощущениям, посмотреть и увидеть, что ты уже в Раю».

Итак, я посмотрел и увидел, придавая огромное значение начинаниям заново с детски непосредственных, забывных и беззаботных вещей, до того, как двинуться к возвышенности Небес. Почему? Потому, что Небеса — это не только забава, но еще и забавная серьезность, в то время как Ад скучен, тугостен и смертельно серьезен.

Мне не нужно взбираться на вершину Empire State Building, заниматься дельтапланеризмом или подниматься на вертолете, чтобы вернуться к моим игрушечным машинкам или толпам липипутов на тротуарах. Все, что мне нужно сделать, — это, находясь внизу на улице, осознать тот факт, что машины и люди все это время волшебным образом расширяются и сжимаются, машины —

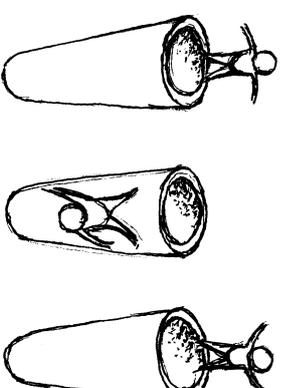
Быстро, люди — медленно. Что касается эдакий, то они так же скручиваются и поворачиваются, как и раздуваются и уменьшаются! Я крайне удивлен, что, должно быть, галлюцинировал по-другому, мечтаю, что я жил в мире, который стерт в порошок и прекратил радостно танцевать, в жестко *стандартизированном* мире огромных гор, больших холмов, довольно больших деревьев и домов, мелковатых людей и крохотных ползучих тварей. Что за ограниченная, отравляющая радость, называемая полицией страна этот Ад! Я изумлен, что описывал мое состояние до падения как глупое и дефектное, а после падения — как разумное и практичное. Почему я не осознал гораздо раньше, что причиной моего страха, одиночества, потерянности и неловкости была моя слепота, мое неприятие в Аду того, что я видел в угоду Дьяволу, который есть Отец Лжи, то, что он говорил, мне надо видеть?

Факты — благоприятны, ложь — нет. Воскрешенная или спасенная жизнь не просто отгибается от старой жизни после падения, но по всем важным аспектам диаметрально ей противоположна. У отверстия колодца, повтори, ты действительно глубок, обладаешь неограниченными внутренними ресурсами, кроме того, здесь, вверху, ты в восхитительном Центре восхитительного Космоса, Центре, который поглотил все свои радиусы! Это та самая отмена радикального расстояния на Небесах, которая и составляет все огнище и гарантирует, что преграды разрушены, и ты даешь место для других, по правде говоря, даешь твою жизнь другому — потому, что в твоей Природе делать так.

В начале была Глубина. Она была не только надежно припрятана в тебе и восхитительно изобретательна, но и подобно глубокому синему морю поддерживала тебя вместе с твоим флотом с драгоценностями. Затем ты упал за борт и пошел ко дну, так что вся глубина моря оказалась над тобой, и твой флот с сокровищами был

разграблен пиратами. И затем, очень вовремя, ты был спасен и поднят на поверхность, и вдруг снова стал капитаном твоего флота.

Хорошая Глубина, которая стала плохой Глубиной, вновь стала хорошей. Ты спасен, и спасен абсолютно.

ГЛАВА 13 ПРИКЛЮЧЕНИЯ В РЕАЛЬНОЙ СТРАНЕ ЧУДЕС

Понимаешь ли ты глубину этой тайны?

*Человек, который столь мал среди видимых созданий,
Тень и нечинка, имеет в центре существования
Бога во всей его всецелостности.*

Св. Симеон, Новый Теолог (949–1020)

Время от времени мы делаем перерыв, берем отдых от наших дел или профессиональных забот и статуса, и как же необходим этот отдых! Может ли быть что-либо более необходимое, чем частые отпуска от наших *человеческих* забот и статусов? Мыслимы ли подобные бегства, не говоря уже об их осуществимости? Или мы на самом деле в такой же степени узники нашей человечности, как и улитки — узники своих ракушек, или навозные жуки — узники своей навозножужковости? И, несмотря на весь наш ум, мы не способны достичь объективного и непредвзятого взгляда на наше состояние, не говоря уже о нашей способности сделать перерыв в этом состоянии?

Это тот самый вопрос, о котором пойдет сейчас речь. Как мне представляется, это действительно *вопрос*. Переместить чью-либо точку зрения с всецело-человеческого положения к сверхчеловеческому (и, вероятно, к внеземному) расположению — перемещение, подлинно гарантированное огромными *физическими* изменениями в наблюдателе, которые оно неизбежно вызовет за со-

бой, — теперь будет о чем написать домой! Но в этот раз это не приключения Алисы в воображаемой стране Чудес, но наши собственные приключения в Реальной Стране Чудес! В Стране Чудес Бога, ты мог бы сказать.

Но я сомневаюсь, что мы сможем приблизиться хоть сколько-нибудь близко к этой обширной цели, скорее и вовсе можем оказаться гораздо дальше от нее, до тех пор, пока не проясним вопрос о том, где мы стоим сейчас. Для того чтобы вырваться из тюрмы, необходимо знать свою тюрму. Мы начинаем, соответственно, с изучения, с той честностью и беспристрастностью, которую только можем собрать на этом раннем этапе нашего человеческого состояния. Только тогда есть небольшой шанс (давай не будем увеличивать его вероятности) получения отпуска от этого состояния.

Я подобрал следующие пять характеристик. Если они кажутся тебе неприемлемо противными, то почему же — они ведь точно такие, какие есть. И чем скорее мы припомним это, тем радужней наши шансы прорваться в более здоровую и счастливую страну, или страну Чудес.

Одиночество

Ты и я заперты в маленьких коробочках с плотно зашторенными занавесками и закрыты на замок. Или давай скажем так: вот мы, я в моей маленькой тюрме и ты — в твоей, осторожно подглядываем друг за другом сквозь два крошечных и часто закупоренных глазка в стене нашей тюремной камеры. Каждый приговорен к пожизненно-одиночному заключению на условиях, которые не могут быть более строгими и навядящими тоску. Например, у меня нет способа, чтобы узнать, похож ли тот опят, который ты или другой узник (а нас, узников, бесчисленные миллиарды) получаешь от осязания, вкуса, обоняния или зрения, на тот опят, который получаю я. И, конечно же, есть еще более огорчающее свойство

этих тюремных стен — они столь же защищены от мыслей и чувств, сколь и от ощущений. Мы все посторонние по природе своей. А что же есть Ал, как не повсеместная отчужденность и отдаление?

Противостояние

Мы, люди, выставлены друг против друга. Наши тюремные камеры расположены таким образом, что каждая противопоставлена и противоположна соседним. И чувство неотделимо от этого физического факта — а поведение неотделимо от этого чувства. Противостояние — правило во всех областях: не только ты и я противопоставлены ему и ей, но и родители противопоставлены детям и наоборот, мужчины — женщинам и наоборот, старые — молодым и наоборот, религия против религии, идеология против идеологии, нация против нации, и так далее и так далее. Какой выбор мы имеем? Это наша жизнь.

Смерть

Эта жизнь проходит в одно мгновение. Я не только приземленная и бескрылая муха-однодневка, которая хорошо знает о том, как эфемерна она и насколько далеко продвинулась в процессе своего умирания, но и напуганная до смерти. И, появляясь из моего страха перед смертью и вечным забвением, множатся бесчисленные страхи из этого мрачного корня.

Неуспокоенность

Сказать, что мы, люди, суетливые, обеспокоенные и тревожные, — это протексное приуменьшение. Мучаясь от наказания, словно винювные любовники Паоло и Франческа из «Ада» Данте, мы гонимы туда и сюда немоллимыми и жестокими ветрами. Желая покоя и неподвижности, мы вечно в движении, гонимые.

Потерянность

Моя фантазия в том, что тот парень, которым я являюсь, существует ради чего-то во Вселенной, что он восходит к чему-то в Схеме Вещей. Мой рок в том, что он существует не ради чего-то и восходит к ничему. Я всецело потерян в невообразимо обширных просторах космического времени и пространства. Что может быть более незначительно, чья жизнь, борьба, агония и смерть более бессмысленны, более тщетны, чем твоя и моя жизнь, борьба, агония и смерть, ввергнутых против нашего желания в эту пустынную дикую местность?

Итак, подводя итоги, быть человеческим существом — значит быть одиноким, противопоставленным другим людям, умирающим, гонимым и потерянными.

Эта неотвратимая правда такая болезненная, что мы подавляем ее всеми возможными способами. И в тех случаях, когда мы больше не можем заметить ее под ковер сознания, мы относим ее к другим, но не к себе. Большинство из нас преуспели в доведении себя до состояния непрерывающего оцепенения. Наша хорошо укомплектованная аптека из анестетиков и опатов включает в себя также и некоторые формы религии, трехсотстраничный роман в неделю (который показывает воображаемую жизнь для бегства из настоящей), пиво, гиперактивность, мыльную телеоперу каждый вечер, обязательный ежедневный поход по магазинам, путешествия, сужающие мышление, наслаждение плохим здоровьем, дряхлея всю жизнь, и так далее и так далее. Все близорукое подойдет. Но, разумеется, подавлять страдания от всех наиболее тяжелых человеческих дефектов — всех пяти первичных, которые я перечислил, плюс от бесчисленных вторичных — это так обустроить каждый наш момент бодрствования, что осо-

знание этих дефектов будет выгеснено. Погружено в мрачный мир подсознания, где они составляют то, из чего строятся наши ночные кошмары.

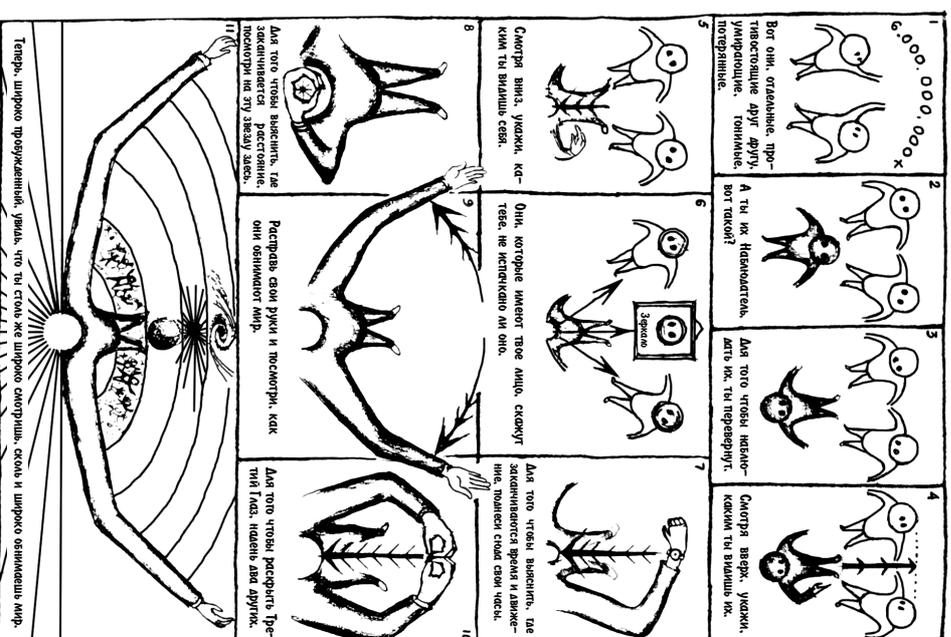
На самом деле, конечно же, выхода нет. Мы — люди, и наша человечность не просто такова. Она такая. Что не означает, что мы ничего не можем поделать с этим.

То, что мы можем, и то, что мы собираемся делать сейчас, таково. Направив наконец-то прожектор нашего сознания на наше человеческое состояние, мы включили силу света. Другими словами, мы сможем более внимательно и честно в того, который смеет, и для разнообразия мы видим то, что мы видим, вместо того чтобы видеть желаемое или то, о чем страшно подумать и проинести или Большой Брат приказывает нам видеть. В результате мы совершаем несколько удивительных открытий.

Для некоторых из нас это наиболее вызывающее и ключевое начинание имеет обшннну и общественную сторону так же, как и персональную и частную. Мои друзья и я встречаемся на неофициальных встречах (я ненавижу термин семинары), где мы пробуем и практикуем новый способ жизни и новый вид личных взаимоотношений, которые вытекают из наших открытий. Но здесь, на бумаге, конечно же, ты и я должны найти другой способ совместного осуществления того же самого.

Это оборачивается (я столь же удивлен, как и ты) методом расказа в картинках. С той разницей, что в следующих 11 картинках я не стараюсь, как Астерикс или Тинтин, позабавить или проинструктировать тебя, но пытаюсь убедить посвятить хотя бы полчаса твоего драгоценного времени исследованию, наиболее фундаментальному и жизненно важному из всех. Если точнее, то половина картиннок требует твоего тщательного внимания, другая половина — твоего тщательного внимания и твоих действий. Тринадцать минут, пожалуйста!

Небольшое предостережение. Если ты думаешь, что знаешь, что произойдет, если сделаешь то, что я тебя прошу сделать, и в силу этого не утрудишь себя выполнением этого, я обещаю тебе вовсе не приключения и не страну чудес, но только замешательство, раздражение и скуку.

Теперь, широко перевернешься, увидишь, что ты столь же широко смотришь, сколь и широко охватываешь мир.

Ну вот, что произошло? Почувствовал ли ты, что ходишь некую трансформацию, стадии за определенной стадией, от того крошечного человеческого субъекта на второй картинке в неотраниченном Бессмертного на картинке 11? Другими словами, переключился ли ты от того, каким ты выглядишь для других там, на того, кто ты есть для самого себя в Центре? И был ли должным образом впечатлен разницей между этими двумя вариантами тебя самого? Если так, то мои сердечные поздравления! Пожалуйста, продолжай читать, пропустив следующий абзац.

Если некая часть или все 11-картиночное исследование не имели смысла для тебя, пожалуйста, попробуй еще раз, в этот раз более медленно. И если это не работает, пожалуйста, посмотри примечания в конце этой главы. Я думаю, они помогут.

Пришло время для тебя, успешно выполнившего наш исследовательский проект, вместе со мной, предло- жившим его, провести инвентаризацию.

Ты помнишь, как мы начинали, спрашивая, возможно ли взять отпуск от нашего человеческого состояния. И как мы продолжили, признавая, насколько безнадежно наше положение и как сильно необходимо этот отпуск. И у нас была очень серьезная попытка перемещения нашего Центра и Точки Зрения к сверхчеловеческому и действительно внеземному положению — смещение столь значительное, что мы могли быть уверены, что оно настоящее, только если бы оно влекло за собой *физические* изменения (вместе с любым другим видом изменений) в наблюдателе. Повсеместно подлапшился проверке изменения, позволь добавить.

Что ж, эти физические изменения действительно случились, и они действительно радикальные, и каждый непредубежденный вопрошающий может проверить их в любом месте и в любое время. Просто сравни того ма- ленького некто, с которого мы начали на картинке 2 с

огромным Одним, к которому пришли на картинке 11! Контраст глобален. И это именно у того, последнего, а не у первого, которого ты и я видим, когда смотрим прямо сейчас и всегда, Центр совпадает с твоим и моим. Мы *имеем* маленького человека, но мы *есть* этот самый огромный Сверхчеловек. Этот маленький человек не для подавления и отрицания, но для размещения и обретения — вовне, в царстве вещей, которые рождены, изменяются и умирают. Это мы делаем посредством нашего единения с Ничто, из которого они рождаются и в которое умирают, прямо Здесь.

Мы подошли к этим революционным заключениям, пожалуйста, отметь, с помощью всецело приземленных способов, с помощью взгляда и видения того, что действительно выставлено напоказ вместо того, что, по словам общества, выставлено напоказ, низко кланяясь Данности, а не авторитетам. Ни одна священная книга, ни один святой гуру или духовное лицо не прокрадется в наш рас- сказ в картинках. Тем не менее, я думаю, ты согласишься, что наша строго мирская и современная комедия славно сливаются с Божественной Комедией мировых великих духовных традиций. Например, я могу слышать, как ты говоришь, если ты вдруг оказался алвайтистом: «Да, мой Третий Глаз широко открыт, и это Глаз Одного, без второго, Одного, который есть я». Или, если ты оказался буд- дистом: «Подобно Будде я не иду внешнего прибежища. Я не могу *передвижением* достичь Места, где нет рождения, нет старения, нет смерти, нет перерождения». Или если ты оказался мусульманином: «Как Пророк сказал, Аллах ближе ко мне, чем моя собственная яремная вена». Или если ты оказался христианином: «Подобно Павлу, это не я живу, но Христос, Который живет во мне. Эти руки, обнимающие мир, — чьи они, как не Его? Этот Свет и Любовь в самом моем Центре — не принадлежат ли они единственно мне посредством счастливого моего единения с Одним, Который Есть Свет и Любовь?»

И когда наши собственные наиболее личные недвигательные мирские открытия согласуются с наиболее универсальными, древними и священными открытиями нашей расы, мы наверняка на пути к Хорошему. Если их объединенное сообщение не для запечатления в наших сердцах, чтобы мы им жили, скажи мне, для чего же оно.

Что ж, как бы ни тяжело было твое религиозное ощущение (хотя многое из него ты мог выбросить за борт), ты, запроваженный милостью Единного (как некоторые из нас выразились бы), запущен ракетой с земной и банальной стартовой площадкой к тому, что несомненно является наиболее чудесной из всех Стран Чудес.

Как можешь ты быть в достаточной степени уверен в твоём прибытии туда и наслаждаться им в полной мере?

Я знаю об одном-единственном способе. Это обнаруживать, как, день за днем и минута за минутой, эта ракета, которая в полете теряет часть себя и передельывает все оставшееся — этот прыжок, который преобразовывает прыгающего, — имеет дело с пятью основными проблемами, от которых он страдает на земле. Давай же возьмем эти присутствующие человеку болезнью одну за другой и посмотрим, как они отступают перед этим наиболее активным из всех лекарств.

Одиночество

В той мере, в какой я есть нечто, что имеет цвет, текстуру и непрозрачность, тот маленький, закрытый парень с картинки 2, который явно не обладает пространством для кого-то или чего-то еще, я, конечно же, являюсь всего лишь этим самым нечто, и как все-исключающий, очень одинок. Но, с другой стороны, поскольку я являюсь этим лишенным цвета, формы, прозрачным Ничто, этим открытым парнем с картинки 11, который, очевидно, имеет неограниченное пространство для кого и чего бы то ни было еще, конечно же я и есть они, и, как все-

включающий, я снова очень одинок. В любом из этих двух случаев — в качестве этого маленького с картинкой 2, 3 и 4, или в качестве того большого с картинкой 11 — я одинок. Но есть разница. В моей человеческой (недостаточно) емкости я одинок из-за исключения, в то время как в моей сверхчеловеческой емкости я одинок из-за всеключения. Действительно, никто иной, как Единственный. И совершенное противоядие от моего человеческого одиночества — моя божественная Единственность.

На практике для меня это проявляется так. Я привык размещать то, что я называю *моим созданием* в Дуэласе Хардинге, провозглашать его частной собственностью того парня с картинкой 2. Другими словами, его ужасное одиночество было делом его собственных рук. Но теперь, обращаясь к моим чувствам, я перемещаю Центр к парню на картинке 11, к Сознанию Одного, Который и есть Одно Сознание. И я обнаруживаю, что в той мере, в какой я стою, в Центре здесь, вся та суматоха вокруг одиночества уэника, заключенного на длительный срок, таит, и я имею весь «телепатический и ясновидческий» доступ к переживаниям других, в котором нуждаюсь. Я могу делать с ним все, в чем нуждаюсь, от момента к моменту, не больше и не меньше. А тебе я говорю: продолжай делать этот однометровый (но астрономически) прыжок от одиночества к Одному и сам убедись в том, как это приземлит тебя в сердце всех созданий, через Сердце их Создателя.

Противостояние

Нет способа для нас, людей — крошечных людей, — избежать противостояния. Ты видишь, мы поставлены лицом к лицу, ты слышишь, как мы утверждаем это (кто же слышал разговор лицом к пространству?), ты наблюдаешь и претерпеваешь разнообразные последствия этого.

Вот доказательства для тебя в трех экземплярах! За кулисами тебя ожидает другой свидетель, страстно желавший дать показания. В качестве этого свидетеля ты слышишь, что ты лично, в полную противоположность другим неисчислимым человеческим свидетелям, принадлежишь иному биологическому виду, иному роду, иному порядку пребывания в целостности. Смотри прямо сейчас на то, Что есть ты, Где есть ты, ты видишь, что никогда, даже на долю секунды, ты не противостоял или не мог противостоять кому- или чему-либо, ни твоему злейшему врагу или лучшему другу, ни собаке или кошке, ни любому другому созданию. Не важно, насколько любящие или любезные люди как таковые не могут исчезнуть в пользу кого-либо, в то время как Один, которым они на самом деле и являются, не может поступать иначе. В христианском изложении приводящая в трепет истина — это то, что в твоём сердце есть самоотреченная Любовь, которая умирает ради мира и ради тебя.

Смерть

Рано или поздно каждая вещь теряет свою вещьественность. Во всех областях, где ты добивался того или иного, ты тленен, так или иначе. Но в Центре, где То, что видит, сознательно исчезает в пользу Того, что оно видит, ты есть полное Ни-что. И там, где Ни-что, там нечего менять, и там, где нечего менять, нет изменений и нет способа измерения времени, и нет того времени, которое можно было бы измерять (картинка 7). Только оставаясь живым в твоём безвременном и нетленном Ядре, и вместе с твоим страхом Смерти умрут все его пугающие отродья. Или позволь мне сказать так: если ты предпочел бы не умирать, помни, что тебе предлагается единение с тем единственным Одним, который не умрет.

Неуспокоенность

Каждая вещь беспокойна, изменчива, в движении, прикована к спицам колеса рождения, взросления, старения и смерти. Навсегда припиленный к Оси этого колеса, ты Не-вещь, которая никогда не выступала ни на одну миллионную долю миллиметра. Итак, ты видел (картинка 7), как движение стрелок твоих часов, так же как и время, которое они показывают, и сами часы, исчезают при действительно близком рассмотрении. И с этих пор, за рулем твоей машины, в поезде или самолете, тебе достаточно просто взглянуть и увидеть, что здесь ты действительно являешься Недвижимым Движителем мира, который есть другая сторона зеркала. Все там, от звезд внизу, явно находится в движении в твоей Неподвижности, и чем ближе, тем быстрее все движется. Можешь ты думать о более приключенческом приключении, чем это?

Потерянность

Мы увидели, как в качестве человека ты являешься меньшим, чем песчинка в Космосе, как безнадежно ты потерян в его обширности. Да, но мы также и видели, как в качестве того Одного, который есть ты на самом деле, Космос потерян и найден в тебе. Твои Широко распахнутые Руки обнимают все создания, от великих до малых. И твой Единственный Глаз выбирает в себя сотни созвездий так же беспрепятственно, как и пламя свечи. Нет сомнений в том, что жизнь с широко распахнутыми, широко раскинувшимися руками, широко распахнувшимися глазами — это способ, который потребует много практики. Но он помогает помнить, что это естественный путь жизни, стремящейся к отдыху в сейчас, а не идеальный способ жизни для достижения чего-либо в неком отдаленном будущем.

Что ж, я надеюсь, мы представили достаточно, и в словах, и в картинках, и в действиях — чтобы показать, насколько хорошо твоя сверхчеловечность может справиться и заботиться о твоей человечности, если ты позволишь ей сделать это. До какой степени То, чем ты являешься в Центре, становится необходимым лекарством и совершенностью того, чем ты являешься периферийно, насколько ты спасен от твоих многочисленных страданий и проступков этой безграничной Силой Великодушия, которая во всей своей полноте живет в самом твоём сердце, и насколько это непрерывно обновляющееся раскрытие самого себя не некий торжественный воскресный обряд, ослепленный лицемерной пылью и обезбоживающей болтовней, но твое волнующее и нескончаемое Приключение в Настоящей Стране Чудес.

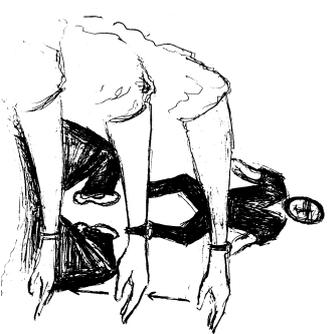
Я не говорю, заметь, что жизнь, прожитая сознательно из ее истинного Центра, будет безопасной или безболезненной, легкой или последовательной радостной. Настоящее приключение сделано из более сурового состава. Эти огромные руки обнимают страдания мира наравне с его великолепием и его увлекательностью. Эти руки знают муки распятия. Только так ужасная боль мира может быть преодолена. Настоящая радость — радость, не отбрасывающая тени и не знающая вариаций, прошла через огонь. В наших глубинах обитает великий Искатель Приключения, самый храбрый, самый отважный, самый стойкий, самый безудержный и самый потрясающий и, кроме того, самый победоносный из всех искателей приключений. Что есть наш рассказ в картинках, что есть Божественная Комедия сама по себе, без Божественного Комедианта, без ее поразительной Звезды и Импресарио? Я вижу эту главу как одно из его бесчисленных любовных писем тебе и мне, приплетающих нас освободиться и попытаться счастья вместе с Ним. Или даже — чудо из чудес и милость из милостей — *в качестве Его!*

Примечания

Если послание нашего рассказа в картинках так чуждо тебе, что местами кажется бессмысленным, или же если его послание настолько хорошо знакомо мне, что я не смог его доступно разъяснить, тогда я думаю, что эти примечания помогут.

Давай проработаем эти 11 картинок одну за другой.

1. Я выбираю эти несчастные пять аспектов нашего человеческого состояния вовсе не потому, что они такие ничтожные. У меня другая причина. Они есть именно то, на что мы закрываем глаза, не смотря на тот факт, что когда наконец-то мы осмеливаемся посмотреть прямо на них, мы обнаруживаем, что они на самом-то деле к нам вовсе и не относятся!
2. Основная человеческая иллюзия — что нечто остается одним и тем же независимо от того, смотрят ли на него откуда другие (и он сам «их глазами») или он откуда смотрит на себя сам.
3. Если тебе покажется сложным увидеть, что ты находишься вверх ногами по отношению к тому человеку, напротив которого ты стоишь, попробуй следующее. Вытяни руку перед собой и, медленно опуская ее, наблюдай над ней («ос-таваясь» на ней) его или ее голову, шею, торс, ноги, ступни в этом порядке. Затем твои ступни, ноги, торс, в обратном порядке.
4. Теперь я прошу тебя показать, какую часть его или ее ты видишь, показать то, что окрашено, имеет текстуру и непрозрачно, медленно прорабатывая на этот раз все от обуви до прически.

5. Теперь повтори операцию на себе, снова начиная с твоих ступней. Когда ты подойдешь к месту, где твоя рубашка/блузка/свитер исчезает из вида, *очерти своим прикасающимся указательным пальцем полукруглую Границу от-левого-пальца-до-правого-пальца, где цвет, текстура и непрозрачность этого элемента одежды (вместе с твоими ногами) исчезает*. И, прелупрежденный мастером дээн Хуанбо о том, что мудрые следуют тому, что видят, а глушцы — тому, что они думают, что видят, уважай эту Границу с этого момента и впредь. В следующих рисунках мы изучаем экстраординарные функции бесцветного, бесструктурного, прозрачного Пространства за Границей, Пространство, из которого ты смотришь.
6. Что случилось с его «обитателем», с этой наиболее подверженной заботе и опеке твоей собственности — с этим имеющим цвет и текстуру непрозрачным объектом, который ты называешь своим лицом? Оно освободилось и установилось там само по себе, на расстоянии около метра от Границы. Но это не просто видение, появляющееся в воздухе около тебя. Оно нашло дом, много домов от дома. Твое зеркало — это лишь один из них, и те два парня столь же гостеприимны. Не в пример тебе они могут сказать, есть ли у тебя грязь на лице или кусочки яйца в бороде.
7. Различные места имеют разное время, и когда ты идешь туда, узнаешь, который сейчас час по настенным и наручным часам. Для того чтобы узнать, сколько времени в Доме, когда ты посещаешь себя, ты носишь свои наручные часы прямо к Глазу — только для того, чтобы понять, — *здесь времени нет!* По сути ты безвременный.
8. То, что ты видишь, ты видишь. Где и Когда ты есть. Это только когда его свет проделает весь путь до тебя, ты замечаешь тот объект. Каждая звезда видима на расстоянии от других звезд, но ни одна из них не нахо-

- дится на расстоянии от тебя! На самом деле ты везде-сущий!
9. Попробуй обнять то, что тебя окружает, не важно, насколько это широко, этими твоими руками. Ты поймешь, что они ничто не отпускают. Теперь попробуй найти кого-то, кто хоть сколько-нибудь подобен тебе, обладающему столь широкими объятиями.
10. Ты носишь очки? Я спорю на цену этой книги, что отнюдь нет — ты носишь монокль! Такой, чтобы подходить твоему Единственному Глазу.
11. Наконец, снимите свой монокль, превращая его тем самым снова в очки. Но удостоверься, что ты остаешься Циклопом. Своими руками попробуй найти Границы Единственного Глаза, из которого ты смотришь. Если ты не можешь, это потому, что его Владелец безграничен.

ГЛАВА 14 ВЕРА В БОГА

Я нахожу, что верить в Бога трудно. Особенно в Бога ортодоксального, в Бога такого, каким его рекламируют, в официального Бога или, давай скажем, в Бога такого, каким он представляется большинством благообразных людей.

Вот мои обоснования.

1. Похоже на то, что подобно Гравитации или некому виду Священного Газа Он присутствует во всех местах, везде в общем и нигде в частности. Что делает его труднонаходимым, его трудно припереть к стене.
2. Кажется, что он в той же степени безвременен, распределен по всей истории и не находится ни в каком времени конкретно. Что делает затруднительным Его датирование, или определение времени встречи с Ним.
3. И, конечно же, Он совершенно невидим. Что затрудняет Его серьезное восприятие, делает его гораздо труднее, чем восприятие окружающих меня людей и вещей, его трудно вообще воспринять всерьез.
4. Все это подчеркивает веру — настолько присутую нам, что она само собой разумеется, — что Он есть чистый Дух и, следовательно, бестелесный. И как же гладко «Он — не тело» соскальзывает в «Он — никто!»
5. «Бестелесный» — конечно значит «безмозглый», а «безмозглый» обычно используется для определения «бестолковый». Вывод, который такие современные мудрецы, как Рамана, Нисаргатагга и Д. Т. Сулуки (не говоря уже о психологах-бихевиористах Дж. Б. Уотсо-

не и Б. Ф. Скиннере), подтверждают, когда говорят мне, что проблема с моим разумом состоит в том, что я думаю, что я имею разум, или что я есть разум. К чему я добавил бы, что Бог вряд ли обременен ношей, от которой я могу освободиться. Как же тогда могу я избежать того вывода, что Он столь же лишен разума, сколь и тела? Или, может быть, будет безопаснее сказать, что его разум — если вообще есть — должен быть настолько отличен от моего, что и назвать его надо как-то по-другому. И этого на практике — в моем опыте, по крайней мере — наверняка достаточно, чтобы наложить запрет на Его нерасальность.

6. Я нахожу, что верить в безличностного Бога, который до такой степени непохож на меня, что становится невозможным, так же трудно, как и верить в личностного Бога, который так похож на меня, что становится полностью представляемым, а также весьма очевидно, моей проекцией, человекоподобным. В любом случае я — агностик.

7. И я нахожу, что верить в нелюбящего и бессердечного Бога, который в этом отношении по меньшей мере ниже меня, так же трудно, как и верить в Бога любящего, который, по-видимому, делает так мало, чтобы облегчить незаслуженные страдания. В любом случае я снова агностик.

Что ж, я не знаю про тебя, но таковы мои обоснования сомнений в существовании Бога. Все вместе они весьма внушительны. Неудивительно ли, что современный мир не имеет времени на Него?

И являюсь ли я тогда богоищущим и богозабытым скептиком, атеистом, хотя и вынужденным атеистом? Действительно ли избавился я от Него? Будет ли Он откровенно скрывать мой список пропавших без вести?

Сомнение не уходит: может быть, Он насколько не является таковым и мой предвзятый фоторобот

неправильный по всем семи пунктам, даже, может быть, самый верный путешователь к тому, чем он точно не является!

Давай посмотрим. Давай примем эти семь оснований для агностицизма и посмотрим, как они выдержат критическое рассмотрение.

(1) Где Он?

Я начинаю с того вызывающего факта, что, негусто рассеянные по истории великих религий, были мужчины и женщины (и они включают в себя группу удивительно одаренных поэтов, так же как и святых и мудрецов), которые требовали определить точное местонахождение Бога. Приколоть Его, как если бы Он был наиболее трудноуловимой и великолетной из бабочек. Во всей этой огромной Вселенной, говорят, есть только одно Место, только одна Точка, одна бесконечно малая Дверь, открывающаяся на отроменнейший дворец, где Он ожидает тебя и меня.

Так говорят. Давай придадим точность и силу этому сообщению, относя его к нашей нынешней ситуации. То место, о котором выражаются так возвышенно, есть не что иное, как место, где ты более не можешь видеть ворот своей рубашки, блузки, свитера, чего угодно — где это пропадает из виду, Место, обозначенное У (У для те-

бя, мой Читатель) на нашей картинке. Здесь и только здесь, уверяют нас, Его можно найти.

Тогда, согласно этим авторитетам, это Его излюбленное Место, отнюдь не труднодоступное и труднодоступное, но, напротив, са-

мое легкое для обнаружения и самое доступное. Но для того, чтобы убедиться, что это действительно Место, мы должны знать, в какое Время, в какой подходящий момент позвать Его и выяснить, верно ли то, что эти авторитеты знают, о чем говорят.

(2) Когда Он Дома?

Те же самые люди, которые сказали нам точно, где Его найти, говорят нам точно, когда Его можно найти. Фактически они говорят: во всем обширном периоде времени Вселенной есть только один момент, когда ты застаешь Его дома, ожидающим тебя.

И когда же это?

Просто брось взгляд на твои наручные часы. Они сообщат тебе точное время твоей встречи с Ним. В любое другое время Он занят делами и Его нет дома. И, что еще более примечательно, только Он находится прямо здесь и сейчас в У, только Он пребывает с тобой и является настоящим в обоих смыслах слова. Все другие и все другие, включая изображение на нашей картинке, отсутствуют, являются столь многими Х, висящими там вонне. И, следовательно, находящимися там хотя бы потому, что свету, при котором ты их видишь, требуется время, чтобы добраться к тебе в У.

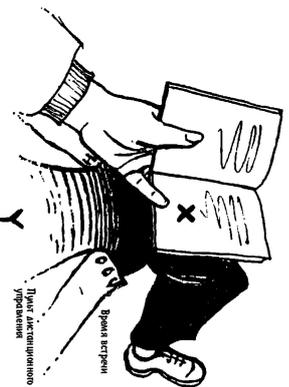
Здесь снова, отметить, как радикально наш исходный фоторобот перевернут. Тот Один, которого приняли за великого Беглеца, которого невозможно догнать, оказывается самым близким, единственным Одним, который не убежит!

Или так нам говорят. Мы должны сейчас проверить это сами с помощью наблюдения и видения того, что выставлено напоказ в точке У.

(3) Он Видимый?

Вот снова картинка, с дополнениями.

Ты можешь назвать это своей картой, картой твоего 30-сантиметрового путешествия из X в Y, прогулки, похожей не на экскурсию, но на инкурсию. Ты преодолева-

ешь это путешествие ради заветной жизни (это самое реальное и решающее из путешествий, которое ты когда-либо совершал), перемещая вес твоего внимания с того, на что ты смотришь, на то, откуда ты смотришь, с этих напеча-

танных слов и этой буквы X к тому, что принимает их в Y — тот не печатный Y на прозрачности, которым, как ты видишь, ты являешься, а, конечно, не напечатанный Y на моей непрозрачной картинке, в попытке изобразить то, что ты видишь.

Пожалуйста, укажи на первый Y и продолжай делать это.

Ты указываешь на Дверь, которая (подобно гаражной двери у твоего дома) удобно открывается пультам дистанционного управления, а именно твоим указывающим внутрь пальцем, как показано на иллюстрации.

Наблюдай за тем, на что со всей очевидностью указывается, за тем, что является наиболее центральным для тебя, за твоим полем, за тем местом, из которого ты приходишь. Вовсе не за тем, что ты думаешь или во что веришь, или за тем, что тебе говорят, или тем, откуда, как ты чувствуешь, ты смотришь, но за тем, что ты действительно видишь. (Потрать столько времени, сколько потребуется, и медленно, медленно, медленно,

с полным вниманием проверь, открывается ли автоматически Дверь Y в то, что представляет собой следующее:

- безграничное, простирающееся по всем направлениям в Бесконечность,
- прозрачное, незапятнанное, пустое,
- пустое не ради самой пустоты, но пустое для заполнения тем, что в настоящий момент предлагается, как грубо нарисовано на моей картинке,
- неизменяемое и тем самым безвременное и нерушимое Вместилеше всех глennных вещей, вечная Игровая площадка для детей Всех Времен,
- впоследствии пейзажа для детей Недвижимый Движитель пейзажа и небосвода.

Пожалуйста, продолжай указывать внутрь себя.

Теперь, если, входя через самую ближайшую и самую маленькую, но самую лучшую из дверей, ты ясно видишь Одного, который (суммируя) есть Безграничный, Пустой, Наполненный и Бессмертный и Который в тебе широко-широко-широко пробужден к Самому Себе, как все это, что ж, теперь ты знаешь, что нашел Его, Одного, и только Его Одного, в самом твоём сердце.

«У тебя есть право говорить о Боге, — говорит Рамакришна, — только после того, как ты увидел Его». При условии, что ты выполнил все вышеупомянутое исследование с достаточной пытливостью и вниманием и обнаружил наверняка те характеристики, которые я просил тебя найти, ты заработал это право. И даже более того, зная точно, где Его искать, и точно когда, и точно как, и точно зная, что именно искать, теперь ты можешь по желанию видеть Его в самом твоём Центре и Источнике. И, даже более того, ты можешь по желанию видеть, что *только Он* всегда помогает, *только Он* придит именно тогда, когда нужен тебе более всего, а другие менее всего. Только Он!

Теперь я говорю тебе, что видение Совершенного Одного в твоей сердцеvine — мгновенное и совершен-

ное видение. Что видеть Его — означает видеть Его сразу всего и таким, какой Он есть, и что нет расплывчатых или частичных видений твоего Происхождения. Как поиному складывается видение, когда ты смотришь на Его творения! Возьмем для примера хотя бы твои руки, одна из которых держит книгу, а другая указывает на Читателя. Как бы долго и внимательно ты ни изучал эту сцену — огромное количество сложных текстур, цветов и узоров этих знакомых объектов, — ты пропускаешь большую их часть и быстро забываешь то, что узнал. Более того, ты упускаешь из внимания другую, внутреннюю, сторону этих вещей, иерархию мелких, составляющих их, и больших, от которых они зависят, и без которых они даже не являются поверхностями, не являются вообще ничем. Поэтому я говорю: вещи слишком сложные и слишком отсутствующие, слишком расценные во времени и пространстве, чтобы быть виденными. В лучшем случае на них мельком бросают взгляд. Только Пробужденная Не-вещь, которая есть Бог, совершенно простой и вместе с тем настоящей (настоящий в двух — нет, трех — смыслах этого слова-гибрида) может быть совершенно виден, вообще может быть виден, строго говоря. И кто же, кроме Него, может видеть Его Самого?

Да, видеть Его — значит быть Им. Такова шедрость, любезное гостеприимство Короля из Королей, с которыми Он привлекает всех гостей и которое изливается из Его Единственного Глаза, — Глаза, который видит Его и все вещи в Нем. Посмотри же сейчас, ты, продолжавший прыжок, сложнее, чем Олимпийский, из X в Y, посмотри снова на то, откуда ты смотришь, на то, что принимает в себя эти напечатанные слова. В Y ты открывал Глаз, который видит себя уникальным и единственным, шире, чем широкий мир, и одаренным божественной силой разрушения и воссоздания мира. (Люди скажут тебе: все, что ты делаешь, — это закрываешь и открываешь пару маленьких отверстий в весьма человеческой репе.

Но ты знаешь лучше. Люди слишком далеко отсюда, чтобы видеть то, что здесь происходит.)

Вкратце, тогда, будучи огонь не видимым, Он единственный всецело видим благодаря прекраснейшему дару и подарку на день рождения Его собственному Глазу. Какова же теперь цена нашему дороговому фотоботу?

Однако неожиданно появляется вопрос: это ясное видение Его как Ничто не означает ли также, что Он всецело развоплощен, эфемерен, унесен ветром? При-знаю, я не спешу принимать его на борт, не говоря уже о том, чтобы взять на борт в качестве Пилота, Бриза, не важно, насколько освежающим и наполняющим паруса он может быть.

(4) Есть ли у Него тело?

Возможно ли, что здесь наконец-то наш фоторобот правильно это отразил? Кто, как не дикарь (я спрашиваю себя) или психически больной, или прискорбно суверенный преданный, мог бы взять на себя смелость высалить Его, который есть 100% чистый Дух на какой-либо вид судна, хранилища или земли?

Опять, давай посмотрим.

Это может быть хорошей идеей начать с тобой, мой Читатель, который, как я имею все основания полагать, создан по образу Бога и вследствие этого способен по-добирать ключи к Его олицетворению или его нехватке. Для начала давай рассмотрим тот факт, что без других людей твоё тело не является человеческим: дикие дети, выращенные животными, не люди. Что без живущих тел, за счет которых живет твоё тело, оно не живо. Что без астрономических тел, в которых оно спит, оно спит со счетов: ты смог бы прожить десятки лет с ампутированными четырьмя конечностями и даже более того, но как долго ты смог бы прожить с ампутированными

Солнцем? Спроси себя, что тебя составляет, и затем скажи мне, какими из астрономического, земного, человеческого, подчеловеческого уровнями, со всеми их обитателями, ты можешь пренебречь. Что есть Истинное Тело всех этих тел, которое включает в себя эту изощренно связанную тесными узлами Вселенную, в которой мы все выживаем, беря на дом стирку друг друга, в которой (говоря откровенно) все зависимо и обусловлено всем остальным? Что же это еще, как не Вселенная? Ничто меньшее не подойдет. Ты не можешь быть всем лето там (как мы говорим) до тех пор, пока ты не станешь Всем Здесь, Целым вещей, одним строго Неделимым Телом, которое есть твое собственное Телосложение. Никким образом не твое в твоей человеческой возможности, конечно, но в единении с Одним, которым ты действительно и являешься в Центре и Периферии. Говоря другими словами, есть только Одно Тело, в котором все остальные тела — разрозненные части, или органы и органы. И (справедливо и внешним образом), претендуя на воплощение, ты (справедливо и внутренним образом) претендуешь на бытие Им. Просто подумай о том, как непрерывное удольствие от того факта (лежащего спрятанным в самом основании науки) могло бы изменить твою жизнь в мире! И сделать ее жизнью в качестве мира!

Да, в четвертый раз в наш фоторобот были внесены кардинальные изменения. Мы спрашивали, имеет ли Он тело или есть ли Он некое тело. Ответ — Нет! Отнюдь нет! Он Есть Тело, как Единственность. Не-вещь, являющаяся всеми вещами. И, если ты скажешь мне, что это Тело слишком умирающее и слишком празное, чтобы быть Его, я напомню тебе о знаменитой мухе, ползущей по картине Рембрандта, которая была в ужасе от вида тех огромных грязно-окрашенных пятен: до тех пор, пока, взлетев, не увидела всей картины.

Но вопрос остается: что хорошего, в чем смысл этого колоссального шедевра — Тела, если оно не имеет ни подходящего ему разума, ни Своего Собственного Разума?

(5) Есть ли у Него Разум?

Давай начнем, бросив быстрый взгляд на то, что мы называем твоим разумом. Снова ты будешь ключом к Тебе.

Ты и я знаем, какими «недалекими» мы неизбежно являемся. Как то, что мы испытываем, является мельчайшим фрагментом всего того, что можно испытывать. Теперь вместо чтения об этой «недалекости» как достойной сожаления давай считать ее ценным качеством для радужной встречи, неизбежностью. Как, я спрошу тебя, можешь ты жить своей жизнью и иметь твой собственный разум, если ты всегда был затоплен тем, что происходит в моем разуме, или во всех других разумах? Нет ли там того огромного количества продуктов разума, которое ты не хотел бы знать, хотел бы не знать, не мог поозвоить себе знать?

Да, конечно, я думаю, ты согласишься. Но это не означает, что великий мир ментальных событий закрыт для тебя, существует не для одевания его как должно и когда должно.

Обдумай подтвержденные документально и частично доказанные факты экстраординарных способностей — включая телепатию, ясновидение, предвидение, воспоминания о прошлых жизнях и т. д., — не говоря уже о нашей обычной чувствительности к настроениям людей и чувствованию мест. Обдумай также то, чего достигли святые. Каюшиеса перед Кюре Д'Арсом (Богочентрированным священником) не нуждалась в том, чтобы говорить ему обо всем, что происходит в их умах и жизнях: он знал достаточно об этом, чтобы в любом случае делать свою работу превосходно. Теперь я спрашиваю те-

бя: на что так прямо указывают все эти паранормальные феномены? Что же это еще, как не Один Разум, присущий Одному Телу? Что как не бездонная Сокровищница знания того-что и знания о том-как для использования всеми нами так, как нам необходимо и когда необходимо? И (что еще более важно) способная закрываться, когда мы в нем не нуждаемся.

Правда такова, что мы все присоединены к Главному. Каждый из нас, более или менее оснащен трудоприводом, снабжен клапаном, который от момента к моменту пропускает столько из Общих Запасов Продуктов Разума, со скольким мы можем справиться. На самом деле, так же как мы выяснили, что в последнем спасительном средстве есть только одно Тело, мы сейчас выясняем, что есть только Один Разум, подходящий ему; и что вместе (совершенно отдельные, и все же совершенно объединенные) они составляют Тело-Разум того Одного, которыми ты и я действительно, действительно являемся. Для того чтобы окончательно решиться на это жизненно важное заключение, я предлагаю тебе испытать его. Понаблюдай за тем, как твое видение Одного открывает тебя все к большему и большему Множеству; ко всему, что тебе нужно знать о нем. Как оно автоматически регулирует твой клапан так, как требуется.

Тем временем все выглядит так, как если бы, столь далекий от пребывания безмозглым (как наш фоторобот предпологал), Один — изумительно разумный: на самом деле он — строго неделимый Единый и Единственный Разум, который когда-либо был и будет. Но когда мы продолжим говорить, что — поскольку весь твой разум есть Разум Всего — тебе доступно наслаждение допускать к мыслям Бога, ты можешь стать подозрительным и несколько шокированным. «Мой коэффициент интеллекта может быть высоким, — протестуешь ты, — но, несомненно, не столь высоким!»

Что ж, давай посмотрим, пройдешь ли ты следующий тест на коэффициент Бога.

Из всех скопившихся доказательств того, что ты действительно надел свои ботинки для прыжков и прыгнул в Бога (как Экхарт говорит), одно — первостепенно. Оно начинается с вопроса: зачем это все вообще существует? Зачем существует все, от утрызения или писка совести до мельчайшей частички материи? Почему нет просто вообще ничего? Это чудесное — нет, невозможное! — неожиданное возникновение Самопорождающего Одного из первоначального хаоса и темнейшей ночи, без помощи или обоснований, поднимающего Самого себя в состояние существования за Свой собственные несуществующие задники ботинки, изумляет и восхищает тебя? Если это так, то я могу уверить тебя, что ты, как Он, а, конечно же, не как Джейн, Генри или кто-либо еще, изумлен, преисполнен восхищения и прыгаешь от радости в ту очень особую радость, родившуюся из очень особенного и некончаемого Чуда. «Невозможное» Чудо Его Собственного Самосоздания, после которого создание миллиардов процветающих вселенных не представляет собой ничего особенного, — просто плевое дело.

Но невыразимое великолепие и таинственность Самопорождающего Одного может оставить в нас ощущение, что здесь присутствует прозное Оно, а не домашние Он-Она, чужое Что, а не доступный Кто. И это подводит нас к вопросу —

(6) Бог — это личность?

Несомненно, Его безграничность, Его чистота, Его все-включаемость, Его безвременность и наполненность временем, Его все приводящая в движение недвижность, Его мастерство создания и разрушения, и над всем этим Его полезное умение Самопорождения — не-

совершенно, этот божественный список стирки* складывается в такую полную корзину, что мы должны думать о Нем как о сверхличностном или безличностном, а не как о личности в том смысле, в каком миссис Джонс — личность. Или все эти характеристики принадлежат Существу, которое, несмотря на все это величие, ты можешь называть своим Другом, и доверяться, и просить прощения, и отпущать шутки, и получать помощь, и полагаться, и любить так сильно, что твоим самым сокровенным желанием станвится желание утратить себя в Нем полностью?

Давай потратим минуту и посмотрим на то, что мы понимаем под личностью. В обыденной жизни, как и в драматике, мы различаем три типа личности (лиц). Вон тот парень, как таковой, — это третье лицо. Ты, находящийся ко мне лицом, как таковой, — это второе лицо. Я, находящийся прямо здесь, выбирающий в себя тебя и его, — это первое лицо. Как таковой, я сконцентрирован и произвожу действия из Точки У на нашей картинке. Соответственно я говорю: вон там — он ЕСТЬ, липом ко мне — ты ЕСТЬ, прямо здесь — Я ЕСТЬ.

Это Я ЕСТЬ, это Первое Лицо, всегда только Единственного числа, и на самом деле нет Первого Лица Множественного Числа. Строго говоря, слово Мы, хотя и необходимо социально, — ловушка и повязка на глазах, наиболее мощный и вызывающий привыкание из галлюциногенов. Возьмем, например, утверждение: *мы деустируем вино*. Подразумеваемый смысл того, что ты и я делаем одно и то же, ложен. То, что происходит со всей очевидностью: *тот* стакан вина исчезает в очередной губами и зубами дырке и в окрестностях X, где вино остается безвкусным, в то время как *этот* стакан вина исчезает в безгубой и беззубой Пропасти в Точке У, где оно имеет вкус. И если тебе доведется принимать в качестве гостей всех влажногубых любителей вина в ми-

* Список белья, славяемого в прачечную. — *Прим ред.*

ре, ты все равно останешься только лишь Безгубым Деустатором, одиноким У среди всех тех X. Как Первое Лицо Единственного Числа ты — единственный-и-особенный так же, как и единственный-и-единичный. И твоё вино вдвойне священо, поскольку оно не только прославляет, но и скрепляет печатью твой союз с Одним, с Единым.

В действительности же, как Мейстер Экхарт указывал, только Бог имеет право говорить «Я». И когда я делаю так — это благодаря милости и любви моего единства с тем Одним, который есть Уникальное Первое Лицо Единственного Числа Настоящего времени. И когда я также считаю тебя или других личностями, я признаю ковенно, что твоя личность — Его, как сюда или привилегия, так сказать, от Него тебе. Отдельно от Него мы все — неличности, отдельные друг от друга, немаломы и испуганные. Джордж МакДоналд был прав, говоря «только в Боге может человек встретить человека».

Мы спрашивали, личность ли Бог. Ответ — Нет! Он — Личность. Он — Первое и Последнее и Единственное Лицо, которое было, есть и будет. Из этого следует, что единственный способ стать личностью — быть Им. Снова наш фоторобот, столь уверенный, что ты и я — личности, и столь неуверенный, что Бог — личность, оказался совершенно не прав!

Далее вопрос. При условии, что Он — Личность, тот ли Он тип личности, с которой ты можешь иметь дружеские отношения так же, как и союз? Можешь ли ты наслаждаться Им как являющимся более Тобой, чем ты сам, хотя по сути и отличным от тебя?

Продолжай надевать твои ботинки для прыжков и прыгать на эти 30 см, отделившихся X от У, в Его Радость, и увидь, как твои отношения с Ним развиваются. Ты можешь получить некий намек на то, что это собой представляет, когда ты прочитаешь о жизнеописаниях святых. Ты обнаружишь мужчин и женщин, болтающих с

Богом свободнее и чаще, чем с людьми, их окружающими. Парадоксально (и все на этом уровне парадоксально), чем более длителен их союз с Ним, тем более непринужденны и легки их дружеские отношения с Ним как с Обожаемым Доверенным Лицом, настоящим Замысловатым Другом. Но не верь им или мне. Выясни сам для себя. Практикуй, практикуй, практикуй прыжок в радость — для настоящей радости, не для радости в душе — в Его Радость, и увидишь сам.

Но эта радость будет только тогда, когда будет также и любовью, — любовью, прыгающей ради любви в Его любовь. Так давай же спросим —

(7) Он — любящий?

Холоден ли Он или же заботлив? Или (чуждо из чудес!) Он — Мошь и Слава поэды мира, Тот, Который также Спаситель мира, Любовь, который умирает ради того, чтобы ты и я жили? Были ли правы наши предки, поведовавшие Евангелие?

Для того чтобы решить этот мой последний и животрепетший вопрос, давай хорошенько рассмотрим то, что происходит там, в человеческой области множества Х, и затем сравним это с тем, что происходит прямо здесь, в У, в этом Центре, который есть местопребывание Бога.

Мы должны просто взглянуть и увидеть, что **ПРОТИВОСТОЯНИЕ** — самая основная и самая обязательная из игр, в которые мы, люди, играем. И мы должны просто прислушаться, чтобы услышать самих себя, говорящих, что мы действительно стоим **ЛИЦОМ К ЛИЦУ**, симметрично, каждый на пути столкновения голова к голове со своим партнером напротив. И наверняка мы чувствуем и ведем себя соответственно. Естественным образом противоположенные, мы сталкиваемся вот так. Есть поговорка: если нечто выглядит словно утка,

крикает словно утка и плавает словно утка, то это утка. Лишнее доказательство того, что мы такие, какими выглядим, как разговариваем и как действуем.

Мы именно это. Мы — первые лица множественного числа (неправильно так называемые) неизбежно и очевидно созданы для противостоения. Не так дело обстоит с Первым Лицом Единственного Числа. Мне достаточно просто взглянуть, чтобы увидеть — я создан по другому плану и для иной цели. И что никогда, ни на секунду моей жизни не противостоял я никакому созданию.

Моя жена Катрин только что вошла в комнату, где я пишу это. Тот другой, со всем своим присутствием и сложностью, является этим дорогим и знакомым лицом, которое сейчас выставлено напоказ в этом моем нелице, в Простоте и широко пробужденной Открытости Одного, который прямо здесь и сейчас приветствует ее.

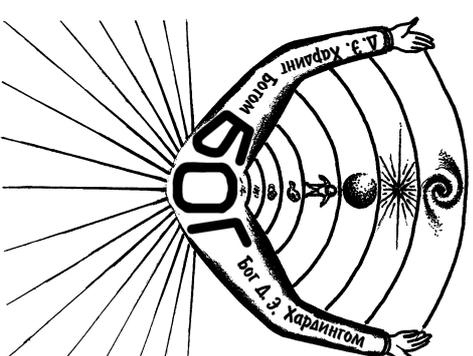
Этот Один делает нечто, что муж Катрин, сам по себе, никогда не смог бы сделать, — то есть исчезнуть без следа в ее или чью-либо пользу. Фактически умереть ради нее, умереть, чтобы она могла жить. Я говорю *умереть*, но в действительности эта божественная и происходящая в настоящий момент смерть — бесконечно глубоже и смертоноснее, чем любое мастерство исчезновения этого парня, на которые, как таковой, он способен. И бесконечно глубоже и смертоноснее, чем человеческая смерть, которая ожидает этого парня, который скоро будет сокращен до 200 фунтов высокосложного состава, отланного в распоряжение хозяину похоронного бюро. В то время как Богом, простым, не имеющим состава и несократимым, уже распоряжаются. Не более чем блуждающий Его кварк останется здесь, чтобы попасть на путь Катрин. Либо как Ничто, исчезающее все, либо как Все, исчезающее ничто, истинное Первое Лицо Единственного Числа прекрашает противостоение.

Другими словами, Бог один создан для любви. Самоотреченная любовь — это Его специализация. Он Один и только Один способен на (и выполняет) эту работу — сознательно отдавать Его жизнь, само Его существование ради тебя и меня. И теперь, когда я нахожу себя подражающим этому и исчезающим в пользу Катрин, я делаю это, объединенный милостью с Единственным Одним, Который достаточно велик и достаточно смиренен, чтобы быть способным на такой совершенный акт любви.

И шутка — я остался в дураках — в том, что в моем предварительном фотороботе я рисовал Его как не-могущего-заботиться-меньше или, по крайней мере, ленивого на наш счет!

Итак, достаточно о нашей переоценки того, что означает Бог, — это так сильно перегруженное и малопонимаемое слово. Посмотрим, каким Он действительно оказывается, когда мы принимаем его настоятельное приглашение посетить Его и увидеть Его самим.

Отнюдь не расейный повекоду и не трудноуловимый, Он оказывается самым близким и самым дорогим, прямо здесь и сейчас, самой Близостью. Отнюдь не невидимый, Он оказывается всегда выставленным напоказ, и нет частичного, мутного или искаженного видения Его Совершенной Простоты. Отнюдь не далекий и не принадлежавший «другому миру» и не развоплощенный, Он один совершенно Воплощен, Завершен, Целостен и Испеляющ для каждого. Отнюдь не безмозглый, Он обладает Одним Разумом, Главным, к которому мы все присоединены, и позади Его невероятного знания-как-делать стоит его невозможное знать-как-Быть. Отнюдь не неличность подобно Дедушке Морозу или личность подобно миссис Джонс, Он оказывается истинным Первым Лицом, о таком-Единственным!, и быть человеком — значит быть Им.

И наконец, отнюдь не безразличный к нашим страданиям, Он оказывается Одним, Который спускается с самого высокого неба к самой клоаке и бездне Его мира, приходя к Нулю и умирая там самой глубокой из всех смертей ради тебя и меня, ради нас всех. Его парадоксальный, но совершенный ответ на вопрос, мучающий наши жизни, — быть или не быть: в Нем и в качестве Его быть и не быть. Он, теряющий свою жизнь, спасет ее.

Вкратце, Один, в которого я не мог поверить, стал единственным одним, в которого я верю безоговорочно. Этот парень, которым, как я думал, я был, стал невозобразимо далек от Него. И теперь не только находки этого исследования, но и его авторство, вывернувшись наизнанку таким образом, что история, рассказанная несомненным человеком о сомнительном Боге, стала историей, рассказанной Несомненным Богом о сомнительном человеке!

Тем не менее руки этого незначительного и сомнительного человеческого существа необходимы для донесения Его работы в мир. В огромный мир, который эти распростертые руки обнимают во всей его полноте.

ГЛАВА 15 СЧАСТЛИВОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Иисус сказал:

Истинно, истинно говорю я тебе, пока человек

не родится вновь,

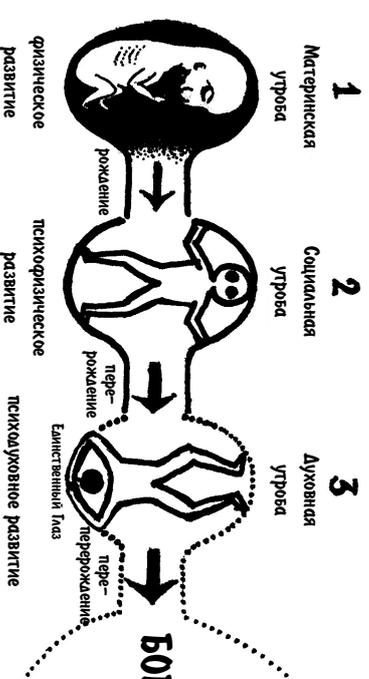
он не может видеть Царствие Божье.

При условии, что ты идешь весь путь и твое совершенное развитие не будет на каком-либо этапе задержано, ты будешь рождаться снова и снова. Взрослый рожден трижды.

Первая ступень этого движения вперед, конечно, происходит в утробе твоей матери, где за какие-то девять месяцев ты развиваешься физически из маленькой частички, из одной-единственной микроскопической клетки в огромное сложное многоклеточное животное. Которое затем рождается во второй, или социальной, утробе, где за пару десятилетий ты развиваешься психически из самого несведущего животного в много-сведущее человеческое существо. Если все идет хорошо, за этим следует твое перерождение в третьей утробе, которая есть духовное сообщество, где ты развиваешься психодуховно из простого человеческого существа в пробужденное существо, существо, которое живо к Существованию и Не-Существованию, Видящего. И наконец, так называемая смерть, когда ты рождаешься в Бога, в Космической Утробе, которую ты на самом-то деле никогда и не покидал.

Следующая иллюстрация поможет соединить воедино историю нашей жизни как целого, приводя нас в со-

стояние готовности к нашей программе, к тому, что у нас на повестке дня, если мы не задержаны на каком-либо этапе, если мы не вырождаемся до уровня случайав задержки развития. Я надеюсь, что она также окажется полезной в обстоятельной дискуссии о следующих четырёх аспектах, составляющих основу этой главы:

1. Твоя индивидуальная утробо-история — ускоренная версия твоей наследственной истории, ее краткое повторение.
2. Значение каждого из этапов не раскрывается до начала следующего этапа. Это всегда один прыжок вперед самого себя.
3. На каждом этапе твое рождение может быть естественным, а может быть «кесаревым сечением».
4. Твоя смерть — это твое рождение в Без-Временность.

(1) Краткое повторение

Я начинаю с эмбриологии. Конечно, каждый знает, что в материнской утробе человеческое существо молниеносно проходит через (приблизительно) миллиард лет эволюции Жизни.

Тогда зачем (спросишь ты) сочинять песни и плясать по этому поводу? Затем, что (я отвечаю) *это, когда приходится к самому себе, становишься вызывающим на большее сопротивление и заманиваемым фактом из века. Я спрошу тебя, что произойдет, если ты вдруг встретишь сырного клеща, комара или паука и вежливо снимешь шляпу перед этим родственником, чей биологический статус выше твоего статуса, который был долгое время назад? Или приветствовать муху как бога или архангела, сравнивая ее с собой молодым? Тебе прозвела бы опасность прослыть душевнобольным. Или попасть под психиатрическое наблюдение так называемыми психически здоровыми людьми, которые претендуют со всей своей энергичностью на то, что их жизнь началась в родильном отделении и закончится в богадельне. В то время как правда такова, что, ведя исчисление по времени эволюционному, а не по часовому, создание, изысканное акушеркой из материнской утробы в утробу социальную, уже покрыто возрастными морщинами, и подходит к последним моментам своей жизни, жизни в качестве конденсата Жизни.*

Меленнее, менее подавляемо и гораздо менее эффектно — психофизическое развитие, во второй, или социальной, утробе, от наиболее уязвимого и неполноценного из существ в способное (например) на тройной «сальхов»*, на удар в 140 в снукер, разгадать кроссворд в «*Таймс*» за завтраком, получить диплом первой степени по двум специальностям в Оксбридже*. Или даже (что несравнимо более важно и более трудно) способное на честное и некрайковременное признание поверхностности своей социализации, и тайного врожденного

* Прыжок в фигурном катании, названный в честь шведского фигуриста Ульрика Сальхова. В нем прыжку предшествует мах свободной ногой, затем спортсмен подтягивает ногу и выталкивает себя вверх.

** Обобщенное название Оксфорда и Кембриджа.

эгоизма и дикости, которые обнаруживаются под ее отшлифованной поверхностью. И вся эта удивительная компетенция — конденсация пяти миллионов лет чело-веческой истории и прелесть истории просто за двадцать лет жизни в образе личности, фигурирующей в свидетельстве о рождении, паспорте и идентификационной карте! Неплохо, но, конечно, недостаточно. Если тебе хотелось бы увидеть (повторяю — *увидеть*) Царствие Божье, ты должен быть рожден снова.

Ты должен видеть твой путь через Утробу 2, являющуюся чело-веческой общиной, в Утробу 3, которая есть духовная община, общность тех, кто различает, кем они выглядят на расстоянии метра или около того, от того, что они есть на не-расстоянии, в Центре. Члены этой духовной общины рассеяны очень редко по всему миру и говорят на своеобразном языке соответствующих религиозных традиций, но тем не менее они тайно и скрыто находятся в постоянном контакте друг с другом. Это, ты можешь сказать, очень большая утроба, в которой твоё зародышевое и эмбриональное развитие не становится менее реальным от того, что оно большей частью скрыто. Реально и достаточно незаменимо: так как твоё первое видение твоего истинного Я хоть и непогрешимое, но очень кратковременное, оно нуждается в культивировании до тех пор, пока не станет устойчивым и естественным, безусловным. Также твой центр тяжести должен спуститься с головы до сердца и остаться в нем. Любовь, добро, блаженное видение, то есть то, чего духовная община достигла и чем наслаждается на протяжении последних четырех тысяч лет, — всего этого изумительного развития ты можешь достигнуть и наслаждаться им все дни. При условии, что ты в достаточной степени хочешь этого.

Для твоего достижения и наслаждения, но решительно не для притязания. Наше трепье и завершающее рождение — в Бога — подтверждает то, что все в большей

степени станвится очевидным: а именно тот факт, что такая любовь, добро и мудрость, которые мы имеем, не говоря уже о самом блаженном видении, принадлежат Ему и только Ему. И твои и мои они только постольку, поскольку мы милостию объединены с Ним навечно.

Краткое повторение, которое есть конденсат истории в последовательных утробах, — один из великих законов жизни. И завершающая конденсация истории — в Без-временном Одном, в Вечном Бытии, которое есть Дом наш.

(2) Сдвиг Смысла

Для утробного развития характерно, что оно предусматривает то, что понадобится после рождения, но бесполезно и незначимо сейчас. Какой смысл в руках, растущих у тебя в утробе твоей матери, то есть там, где нечего ими трогать, или в легких, которые растут там, где нет воздуха для дыхания, или в глазах, развивающихся в полной темноте? Они все приступят к своим обязанностям и обретут смысл, когда ты родишься во вторую, или социальную, утробу.

То же самое касается того случая, когда сущность и ценность многого из нашей человеческой жизни в Утробе 2 раскрывается только на следующей ступени, в Утробе 3. Возьмем еще раз для примера глаза. В Утробе 2 мы уверены — мы сможем на мир сквозь наши собственные два маленьких глаза. Только в нашей третьей утробе мы обращаемся к нашим чувствам и начинаем смотреть сквозь наш огромный единственный глаз, который есть Глаз одного Видящего во всех существах. А вот более личный пример. Скрытой причиной моего раннего обучения в Утробе 2 графическому дизайну, архитектуре и строительной технике было конечное их использование в Утробе 3 для структуры и функционирования Первого лица Единственного Числа. Таким образом, диа-

граммы и схемы, которые составляют основную часть моей настоящей работы теперь, происходят от умений потребованных для довольно-таки иных целей в довольно-таки ином мире.

Двигаясь теперь от частного к общему, старое клипше о том, что это «юдоль печали», также означающее «юдоль создания души», становится истинным. На нашем собственном языке, если человеческая жизнь, ценности и достижения заканчиваются распадом, смертью и вечным забвением, если это все, что приготовлено для них, то они совершенно бессмысленны, и ухмыляющаяся Старуха-Смерть смеется последней. Только будучи рожденным третей раз, из Времени в Без-Временность, создания Времени, со всеми своими муками и восторгами, так основательно *спасены*, что даже самое ничтожное из них становится значимым и делает свой незаменимый вклад в Целостную Картину.

«Что же это?» — ты спросишь.

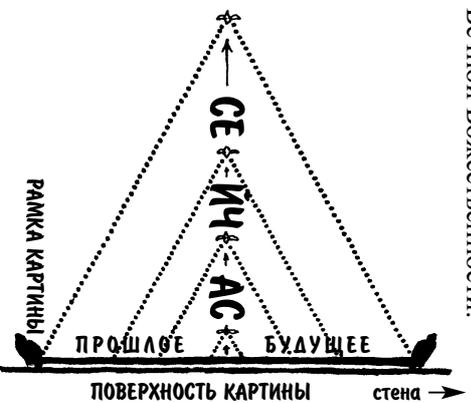
Что ж, представь картину Рембрандта, вывешенную в Национальной Галерее, и тебя самого, словно близорукую муху, бродящую по ее поверхности. Ты не можешь воспринять более одной крошечной части целого за момент времени. Та часть картины, которую ты уже прошел, лежит в прошлом, и та часть, которую ты еще должен пройти, — в будущем. Тем временем то, что есть сейчас, — темный и унылый клочок. Но надежда бьется вечно в твоей груди насекомого. Позади тебя, в прошлом, были яркие кусочки. Впереди тебя, в будущем, могут быть другие, такие же яркие и очаровывающие. В любом случае в этом месте ты, встревоженный, взлетаешь, все еще смотря на картину. И ты обнадеживаешь, что взлетать с картины — значит вбирать в себя большую ее часть.

Это делает *настоящим* все больше и больше из того, что ты уже сбросил со счетов как прошлое или отсрочил как будущее. Пока в конце — благословенная муха! — ты

не станешь подобно одному из ангелов Бога наслаждаться Его безвременным и наполненным временем шедевром, который Время-Дьявол может спрятать, но не разрушить.

(И, дорогой ангел, не говори мне, что Вечность навечно скрыта от тебя. Твоя разновидность ангелов носит часы всегда, так же как Бойнгт-747 есть всегда, но иногда совершает полеты. Там снаружи, в мире времени, твои часы сообщают тебе время, но ты должен пронести их весь путь к твоему Единственному Глазу, чтобы обнаружить — они сообщают тебе не-время прямо здесь. Так как здесь даже часы, не говоря уже о цифрах и стрелках, исчезают при ближайшем рассмотрении. В Центре ты сама Вечность.)

Итак, подводя итоги, последовательные сдвиги смысла от одной утробы к другой таковы. а) От беспольных органов в утробной жизни к их разнообразному использованию в жизни человеческой. б) От бессмысленных событий человеческой жизни к их незаменимым вкладам в жизнь духовную. И с) От беспорядочных включений духовной жизни к их объединению и завершению в Вечной Божественности.

(3) Естественное рождение или кесарево сечение?

Твое первое рождение, из материнской утробы в утробу социальную, происходило, конечно, тем или иным способом. Либо ты родился как обычно, по родовым каналам, либо с помощью хирургического вмешательства.

Твое второе рождение, из социальной утробы в утробу духовную, по сути такое же. Но в этот раз канал совершенно иной, и он сделан из бумаги, а не из плоти и крови. И если я называю это *нормальным* способом рождения (а я так и делаю), то, конечно, не имею в виду, что это традиционный способ, или вообще нечто широко распространённое. Я имею в виду, что он имеет несколько замечательных преимуществ перед тем, что может быть названо обычным способом рождения или «кесаревым сечением», под этим я понимаю любой способ, который обходится без канала.

Твое рождение из материнской утробы в утробу социальную было одинажды и раз и навсегда. Не так дело обстоит с твоим перерождением из социальной утробы в духовную. Оно постоянно повторяется до тех пор, пока ты не останешься возрожденным. Вот почему я настаиваю, чтобы (не важно, как часто ты уже это делал) ты сейчас сделал родовый канал, состоящий из двух листов формата А4, склеенных вместе по краям. И чтобы ты поднес его к зеркалу в ванной комнате, держал один конец тоннели прижатым к зеркалу, а свое лицо вставил в другой конец. И ты фактически проходишь перерождение из Утробы 2, где ты совершенно очевидно тленное человеческое существо, в Утробу 3, где ты совершенно очевидно нетленное духовное Существование-Несуществование.

Не обращай внимания на то, что ты чувствуешь или думаешь об этом действии. Достаточно того, что ты воспринимашь серьезно то, что *видишь* в тоннеле. Быть пе-

реорожденным — значит быть безграничным, незапятнанным, не имеющим возраста, широко пробужденным. Ничто-в-котором-есть-место-для-Всего, которое восхитительно напоказ со стороны твоего конца тоннеля. На полном контрасте с маленьким старым парнем на его дальнем конце.

В социальной утробе мы не видим то, что мы видим, но лишь только то, что язык и привычка говорят нам видеть. Таким образом, во всех важных отношениях мы невольные жертвы массовой галлюцинации. Особенно трудно положить конец той иллюзии, что *некто* здесь, в Центре, есть тот же, чем он *выглядит* вон там. Но, проникая внутрь бумажного тоннеля, истина вдруг становится неизбежной: огромный контраст между Реальностью на ближайшем конце и чьей-то внешностью на дальнем конце не может быть более очевидным, более шокирующим. Или более естественным, или более достижимым при желании, более разделимым. И это должно, разумеется, означать, что наше перерождение из Утробы 2 в Утробу 3 более не привилегия торетки одаренных специалистов, носящих особенную одежду и живущих особенными жизнями, но норма для всех нас, обычных людей, которые хотят расти.

Вырасти наконец-то в Бога возможно через наш *третий* родовый канал. (Да, наш Бог действительно *тоннельный Бог*!) Пациенты, которые уже почти умерли, но вернулись назад, чтобы рассказать свои истории, обычно говорят о путешествии сквозь темный и иногда шумный тоннель к Свету в дальнем конце. И некоторые даже присоединяются к этому Свету на короткое время и находят, что Это действительно Свет, приветствующий, но пронизывающий Свет Бога. Но опять же, есть много исключений, и наше окончательное рождение в Него может произойти с помощью кесарева сечения, так сказать, а не через тоннель. Давай посмотрим!

(4) Рождение из Времени в Без-Времяе

Я думаю, что история о мухе, которая взлетела с картины Рембрандта, нам сейчас поможет. В конце концов (ты вспомнишь), она отдала часть настольно далеко от картины, что смогла воспринять ее целиком. И обнаружился отнюдь не потряскавшийся или изведенный молью или засиженный мухами холст. Не было бесполезных изгибов или клякс на этом все-включающем шелюре, на котором даже самые крошечные и самые малоинтересные мазки делали свой незаменимый вклад, не важно, как и когда великий художник положил их, грубыми или тонкими, так или иначе.

Который, будучи истолкованным, означает, что каждое создание, рожденное во Времени, умирает из Времени в Без-Времяе, в Вечность, где оно никогда не умрет. Эмили Бронте говорит об этом с восхитительной ясностью.

Если бы земля и человек исчезли,

И солнца и вселенные перестали существовать,

И Ты был бы оставлен один,

Каждое существование существовало бы в Тебе.

Нет места Смерти,

Нет ни единого атома,

Который был бы признан ничем иным Его могуществом.

Ты — Бытие и Дыхание

И то, что Ты есть,

Неразрушимо.

Но подойдет ли это? Ты вполне можешь спросить. Что за последующая жизнь — быть законсервированным навсегда и навечно в космическом морозильнике, словно трудолюбивая пчелка, замурованная в янтаре Вечности? В конце концов, это вечное наказание Люцифера, а никким образом не его спасение, то, что он зако-

ван с головой во льды Ада. Я часто описываю себя — Первое Лицо Единственного Числа — как Лук, каждав из кожц которого заключает в себе региональный вид Реальности в Центре. Вдохновляющий и озаряющий Авто-портрет! Но я бы предпочел исчезновение, чем вечную жизнь в качестве *Маринованного* Лука, — если ты можешь назвать это жизнью в принципе. Этот способ Рождения в Бога посмертно был бы конечно же хуже, чем смерть.

Это также чепуха и чистый вздор. Картина, с которой наша муха взлетела и которую восприняла, не статическое пологотно Старого Мастера, но Кинокартина, Вечно-изменяющийся, Вечно-новый Шедевр, и, когда он меняется, вместе с ним меняется значение, роль, важность каждой составляющей. Я предполагаю, что он меняется и меняется, всегда на один прыжок впереди самого себя. И в конечном итоге все есть везде и во все времена, как говорил Уайтхед. Это означает, что Вселенная всегда будет меняться, для того чтобы ты и я, как чело-веческие существа, ненадолго появились в ней, и наш личный вклад будет продолжать совершенствоваться бесконечно. Уму непостижимо! Пусты!

Я завершаю, желая тебе наисчастливейших из пере-рождений сегодня — в Не-имеющего рождения Одного. Здесь в Нем и в качестве Него твои самые глубинные и самые противоречивые нужды удовлетворяются. С одной стороны, ты рожден в вечный Покой и Недвижимость, в Неизменность, в Без-Время, в несравнимую и единственную Безопасность. И, с другой стороны, в постоянно расширяющуюся жизнь приключений и открытий, новизны, неожиданностей, парадоксальных подарков на день рождения. Ты рожден из Нечто в Ни-что и Все — Все, что есть, было и будет. Ты рожден из Времени в Без-Времяе и Полноту Времени, которые всегда и никогда полны. Ты рожден из того, который, кажется, существует, в того, Одного, который НЕ СУ-

ЩЕСТВУЕТ и, следовательно, ЕСТЬ, *secula seculorum**, мир без конца, аминь.
Чего большего ты мог бы желать? Чего меньшего будет достаточно?

* Во веки веков.

ГЛАВА 16 ХОРОШИЙ БОГ — ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК

Действующие духовные принципы не являются тем, чем кажутся. Действуя по ним, начинай жить ими — и они имеют особенность изменяться, превращаясь в свою полную противоположность. То, что сначала казалось таким негативным и приводящим в уныние, оказывается вовсе не таким, и наоборот, то, что казалось таким позитивным и воодушевляющим, опять же, становится совершенно противоположным. Будь готов к неожиданностям.

Замечательный пример такого изменения — христианская доктрина, отвергаемая с презрением современным миром и игнорируемая (если не отрицаемая) многими современными христианами — человек по сути и по своей природе плохой, а то хорошее, что он, кажется, имеет, вовсе не его, а Бога.

На самом деле это антигуманистическое верование (некоторые заходят так далеко, что называют его анти-человеческим) лежит в самой сердцевине христианства. С самого начала это было жизненно значимой частью Веры. «Не называй меня добрым, — предупредждает ее Основатель, — только Бог добр». И святой Павел, сам признающий себя «главой прешников» и, конечно, главный законодатель Веры, пишет своим собратьям в Риме: «Я знаю, что во мне — то есть в моей плоти — нет ничего хорошего». И эта нелестная доктрина поддерживалась на протяжении всего времени христианской истории. Иногда таится на заднем. Тем не менее явная или неявная, она там присутствовала всегда.

Всегда присутствовала, то есть вплоть до нашего времени. В наши дни, за редким исключением, на взгляд христианина, так же как и на взгляд нехристианина, — это старая идея о присущей человеческой порочности, — утверждение о том, что человек не только плохой, но также и неспособный на радикальное преобразование без божественного вмешательства, — нездоровая, мазохистская и весьма не воодушевляющая, не дающая стимула добродетели. Если все наши усилия построить лучший мир дефектны (если не тлетсны) из-за того, что они противоречат нашей природе, зачем пытаться? Почему бы не бросить эту неравную борьбу и не стать совершенно эгоистичными и беспринципными созданиями, которыми мы рождены быть? Неудивительно, что почти все в наше время стали гуманистами какого-либо рода, и наше основное исходное положение о том, что не важно, насколько не использован и забыт всяческим мусором, но существует во всех нас артезианский источник человеческой доброты. Приближаясь к этому источнику, мы ведем себя человеком; если не удаётся приблизиться, мы ведем себя нечеловечно; и зачастую чудовищно. Кажется очевидным, что этот взгляд на нашу природу порождает самоуважение и на него можно рассчитывать как на метод извлечения самого лучшего из этой природы. Весьма соблазнительная цель, которую устаревшая доктрина я-порочнее-тебя, порочащая сама себя набожность, наотрез отрицала.

Мы должны признать, я думаю, что на своем уровне это гуманистическое отношение и обоснованно, и практично. Но существует и другая, более высокий уровень, более истинное обоснование, гораздо более эффективная практичность. Я убежден, что Иисус и Павел правильно это понимали и что старая доктрина хороший-Бог-плохой-человек, когда понимается и прожигается так, как и должна быть понята и прожита, а не только теоретически обосновываться, — это то, в чем мы все

сильно нуждаемся, радикальный ответ нашему в противном случае безнадежному положению. Другими словами, это не может быть более позитивно, более оптимистично.

Так как, конечно, есть сила добра в человеческих существах. Я обнаруживаю великодушные, любовь и восхитительное самопожертвование, неожиданно появившиеся повсюду и не в самую последнюю очередь в самых невероятных местах. Проявления доброты проходящего незнакомого порой достигают, чтобы повернуть кого-то в слезы. Да, действительно, но что делает это добро таким хорошим — это то, что оно в человеке, но не от человека. Это принадлежит ему благодаря тому факту, что он не только человеческое существо, но что в его глубинах живет Бог (называй Его или Ее как хочешь), который есть само Добро. Скажем так: человек, который не только человек, — это музыка, в которой высокие частоты и басы настолько же контрастируют, насколько дополняют друг друга.

Или, модернизировав метафору, он — батареяка, по сути своей двухполюсная. Ее парные электроды несут противоположные электрические заряды, и именно это наряду с расстоянием между ними порождает свет в нем. И жизнь в нем (в той мере, в какой она яркая, оживленная) — нескончаемый спор между двумя его природами, божественной-и-человеческой перезвон. Что ему случится сделать неограниченного и прекрасного, любящего, вдохновенного и исключительно качественного, сделано этой внутренней Божественностью и вовсе не (скорее, несмотря на) внешним человеком. Особое — и этого ужасно много — человеческое исполнение. И тем не менее оба необходимы. Нет полярности — нет света.

Но полярность не означает равенства. В любом случае совершенство твоей божественности доминирует: оно доходит до предела и выходит за пределы бесчис-

ленных недостатков твоей человечности. Мудрое и доброе Провидение так все обустроило, что хорошее в тебе — более твое, чем порочное. И вот как Он совершает это чудо. То хорошее, что ты делаешь, — воистину твое, потому что оно сделано тем Одним, которым ты на самом деле и являешься, тогда как то плохое, что ты делаешь, делается тем, кем ты на самом деле не являешься. Благодаря твоему в высшей степени сокровенному единению с Ним в глубинах ты являешься более Им и Его поступками, чем самим собой и твоими злодеяниями. Это не означает, что ты отрицашь или не сожалешь об этих злодеяниях (совсем наоборот!), но ты отрицаешь их центральность. Они признаны, отлажены и прощены. «Твои грехи, — говорит Господь, — которые были багряными, сейчас белы как снег. Будь они даже темно-багряными, станут они белыми словно шерсть».

Божественная-и-человеческая полярность приносит много благословенного в результате. Одной из причин наличия выдающихся художественных и интеллектуальных достижений у древних греков было то, что у них хватило скромности и здравого смысла приписывать их Божественным Музам, а не человеческому уму. И одной из причин наличия выдающейся доброты у человека, который сказал, что только Бог добр, было то, что он подражывал и жил соответственно тому, что говорил. Гуманисты едва ли могут претендовать на то, что они поступают лучше, чем он. Пора бы им перестать претендовать на то, что они знают лучше.

В этом месте я могу слышать, как ты спрашиваешь о доказательствах, гарантирующих, что весь этот разговор о Божественном в нас, людях, не просто пустая болтовня или в лучшем случае некий вид образной поэзии, величайшей нас в этом грустном мире.

Доказательство нужно потрогать. Все, что тебе нужно сделать, — отложить в сторону свое мнение и довериться своим чувствам и взглянуть на то, что происходит.

Понаблюдай за этими напечатанными словами, этими черными значками на белом фоне. И понаблюдай за тем, что на 25 сантиметров ближе, за тем, что находится прямо там, где ты прямо сейчас, вбирая их в себя. Назови это Осознающей Емкостью, Сознанием Пристаищем или Пространством-для-пробывания-всех-вещей. Но независимо от того, как ты назовешь это, обрати внимание на то, что оно является безграничной Не-вещью, пустой для заполнения любыми предлагаемыми теленными вещами (включая субъекта в твоём зеркале), но само по себе оно нетленно. Оно безвременно и бессмертно, поскольку лишено того, чем можно измерять время, или того, что может жить или умирать. Заметь также, что это — неподвижное местопище и наблюдатель за движениями вещей. И самое главное, заметь, что ты сейчас широко-пробужден к Себе в качестве этого и торзало большего, чем это. Ты на самом деле делаешь благотовейное открытие: тогда как то, на что ты смотришь, — земное, то, откуда ты смотришь, — Божественное. И ты также открываешь, что индусские и суфийские мудрецы, говорившие, что Бог — настоящий Видящий, что только Он когда-либо видел что-либо, говорили разумно и с осознанием того, что они говорят.

Но на Западе, я могу слышать твой ответ, мы расказываем другие истории. Ты бросаешь мне вызов, требуя найти христианского святого или видящего, который бы принял мои основанные на чувственном восприятии доказательства Имманентного Бога, не говоря уже о нечестивом языке, которым они изложены.

Что ж, давай посмотрим.

Один из наиболее практичных и праведных моих учителей — Жан Пьер де Коссал, С. Дж. (1675–1751). В письме к одной из своих духовных дочерей он пишет:

«Помни высказывание святого Франсуа де Саль о том, что ты не надеваешь совершенство так же, как ты надеваешь платье... Все хорошее в тебе берет начало в

Боге, все злое, испорченное и развратное берет начало в тебе. Оставь в стороне, таким образом, негатив и грех, дурные привычки и наклонности, ужасные недостатки и пороки. Это твое, это берет начало в тебе и несомненно принадлежит тебе. Все остальное — тело и его чувства, душа и ее энергии, капля добра, что ты сделал — Божово. Это настолько очевидно принадлежит Ему, что ты понимаешь — ни на йоту из этого ты претендовать не можешь, так же как и чувствовать хоть крупицу самодоловства, не испытывая при этом чувства вины из-за кражи и воровства у Бога».

Далее, в этом же письме, де Коссал описывает пропасть скверны, в которую нас швыряют, как «величайшую милость для нас. Ибо это основа для полного доверия себе и полного доверия Богу. Я и Бог — полпоса внутренней жизни».

Мне бы хотелось привлечь твоё внимание к двум вещам в этих выдержках из письма де Коссала.

1. Он убеждает нас *оставить в стороне* наши грехи. Конечно, не отрицать их, но отрицать их центральность в нашей жизни. Мы должны начать жить сознательно с другого полпоса нашей жизни, из нашего истинного Центра, который есть сам Бог.

2. Он приписывает тело и его *чувства* Богу, а не человеку. В сущности, он говорит нам, наравне с мастером дзэн Хуанбо, доверяться тому, что мы видим, а не тому, что мы думаем. К этому я бы добавил: давай же обратимся к нашим чувствам, и они приведут нас Домой к Богу, единственному, который имеет абсолютный смысл.

В конце концов, следовательно, обетшпалое выражение хороший-Бог-плохой-человек, которое казалось столь печально антигуманистическим и даже античеловеческим, совершает полный крул. Здесь наконец-то присутствует настоящий гуманизм: настоящий потому,

что заверен тем Одним, который (как де Коссад неустанно показывает повсюду) идет на душераздирающие расстояния, чтобы доказать, что Он тоже Божественный-и-Человеческий и как таковой по существу своему двухплоской.

ГЛАВА 17 САМСОНОВО РЕШЕНИЕ

Эта глава состоит из трех частей — Проблема, Притча, Решение, предложенное этой Притчей.

Проблема, в двух словах, в том, что я не являюсь столь постоянно счастливым, как я думаю, я должен бы быть. Просто посмотри на мою удачу! Нельзя видеть более ясно Чудо того, чем я являюсь в Центре. Нельзя быть более уверенным в том, что Это есть Высочайшее, Наилучшее, Источник, Сама Реальность. Нельзя быть более убежденным в своем слиянии с Этим. Но все же большую часть времени это замечательное осознание оставляет меня холодным или по меньшей мере прохладным. Вместо того чтобы находиться в исступленном восторге, я нахожусь большую часть времени в не совсем бешеном или светло-сером, если не в темном, настроении. Почему?

Позволь мне изложить проблему в традиционных индийских терминах. В то время как *сам* (Бытие) и *чит* (Сознание) здесь в изобилии, *ананда* (Блаженство) — в сравнительно малом количестве. Но священные книги объединяют всех трех — *сам-чит-ананду* — в некий вид Святой Троицы, нераздельное Триединство. Как же это так тогда, что я не переполнен до мозга костей, не нахожусь постоянно вне себя от радости от моего неслыханного и совершенно незаслуженного счастья?

Если ты был бы так любезен, чтобы обеспечить этой книге превращение в бестселлер на все времена, или прописать мне верное средство, которое избавило бы меня от всех моих болей и страданий, или предложить

мне свои услуги в качестве мастера-на-все-руки или доверенного слуги на всю мою оставшуюся жизнь, даже только один из этих земных и сравнительно тривиальных даров взволновал бы меня более, чем все эти *сам* и *чили*, которые уже мои в том, что наверняка является Несами на Земле. Почему? И снова, Почему?

Мое предположение таково, что ты, дорогая дружка, оказываешься в той же лодке. В тримаране, но симом ураганом, два корпуса которого голды для плавания, в то время как третий дает течь, если вообще не отваливается. И я надеюсь на то, что следующая притча предложит нам, как тем не менее мы вместе можем зайти в гавань.

Это очень старая библейская история.

Во всех областях Самсон был очень особенным. Ангел явился его матери и предсказал его зачатие. Пока он рос, Дух Божий снизошел на него таким могуществом, что он стал национальным героем иудеев в их войне против филистимлян. Но в конце, из-за вероломства его жены Далилы, они схватили его, выкололи ему глаза и заставили работать на тюремной мельнице вместе с рабами. Затем однажды, во время великого праздника, посвященного их богу Дагону, правители филистимлян повелели привести его в храм, где тысячи людей собрались насмеяться над своей былой грозой и злейшим из врагов.

Можешь ли ты представить себе более безнадежное положение, чем у бедного Самсона? Но с ним не было покончено. Его последний подвиг был величайшей победой над филистимлянами. Он схватил две колонны, на которых держалось все здание, напирался изо всех своих огромных сил и, потянув на себя, обрушил их, и все здание рухнуло на его преследователей и, конечно же, на него самого. Можешь ли ты представить себе более эффективное, незамедлительное, быстрое решение всех его проблем? Или, что касается его лично, более дорогого?

Теперь свет, который проливает эта история на нашу проблему и ее решение.

Для начала предполагается, что я заново сформулирую проблему в конкретных, действительно-фактических терминах, представляя настоящее место действия столь же живо, как и место действия в Филлистии около трех тысяч лет назад.

Вот я, сидиший у этого стола, пишущий эти слова, в гостиной моего дома в Нактоне, Саффорд, Англия. Это належащим образом построенный дом, и в нем нет опасности раннего обвала. Стены прочные и отвесно вертикальные. (Если бы они не были такими, я, проектировавший и контролировавший строительство, мог бы обвинять в этом только самого себя.)

Пока все хорошо. Но моя проблема остается. Хотя и не такая тяжелая и драматическая, как у Самсона, но по существу та же. Мы оба испытываем нехватку радости, потому что мы — пленники в Филлистии. И под Филлистией я понимаю страну, где все душно, потому что основано на идиологическом вымысле вместо божественно данной (и на самом деле очевидной) истины. В действительности мой адрес, написанный выше, неполон. Как и все страны на карте, Англия — провинция Филлистии. И Филлистия — это не то место, от которого Англия могла бы отсоединиться, выйдя из этой эпохей Федерации, а то место, из которого ты и я можем вырваться на свободу прямо сейчас.

Самсон — благослови его разбитое сердце — показывает путь. *Давай же станем и снегем стены той комнаты, в которой мы сейчас сидим.* С помощью этого наброска я покажу тебе, как я это делаю, и затем ты сможешь проследовать примеру и сделать то же самое там, где сейчас находишься.

Закрывая один глаз и поворачиваясь по кругу, если необходимо, я *продолжаю вниз каждую вертикальную линию, которую вижу.* Использую край этой книги, или

(лучше) линейку, или палочку, как показано на рисунке, я продолжаю, например, углы комнаты, косяк двери, вертикальные части оконных рам и так далее. *И я обнаруживаю, что все эти предположительно вертикальные и параллельные линии сходятся во мне, собираясь вместе в области моего сердца.*

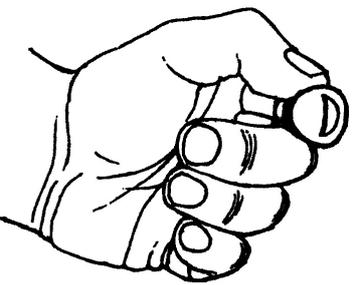
Теперь, пожалуйста, повтори этот эксперимент в той комнате, где тебе случилось оказаться в данный момент.

Я не знаю, как ты, но, когда я ходил в школу, мне говорили, что параллельные линии сходятся в бесконечности. Они были правдой! Я есть эта Бесконечность! Так же, как и ты, и так же, как был (или правильнее, есть) Самсон!

Для проверки давай укажем на этот сверхпритягивающий Центр, который притягивает каждую «вертикальную» линию, и отметим, что он на самом деле бесконечно глубок, уходит назад и назад, на веки вечные.

Мы начинаем применять Самсоново решение к нашим трудностям в Филлистии, и это не могло бы быть более радикально, более смертоносно. Каждая из тех безобидных вертикалей, тех колонн храма, стала смертоносным оружием. Эти линии, сходящиеся ко мне, стали стрелами, которые все нашли во мне свою цель, самый центр мишени. Жизнь

очень, очень трудна. Когда я был маленьким мальчиком, мы обычно пели псалмы, начинающиеся словами: «Есть счастье в земле далеко, далеко, где святые во славе стоят весь, весь день». И «Есть дом для маленьких детей, выше, чем ясное голубое небо». Как попасть туда, оказаться как можно дальше от этой «ядоли печали», совсем не было нам понятно. Но у нас было правильное представление. То, что можно назвать нашей духовной географией, было здравым. Бесплезно искать блаженство здесь, внизу. Блаженство — это бесконечно далекая страна, другая сторона Смерти. И причина, по которой мы не допущены на эти блаженные Небеса, — это то, что мы не заплатили очень высокую цену за вход, цену, которую Самсон заплатил.

Это не та цена, которую мы платим один раз и навсегда. Для дарования бесконечного своего благословения Смерть есть ежесекундное, вечно обновляющееся осознание. Что же касается *аинды*, счастья (или блаженства), озаряющего самую отдаленную, но все же самую близкую и самую дорогую из стран (дорогу в обоих смыслах), — это постоянный климат этого места, присущий ему, всегда и абсолютно совершенный, и нет ничего, что ты и я должны были бы сделать, за исключением того, чтобы подчиниться ему и омыться в нем.

Я не буду стараться описать, как это чувствуется, только скажу, что это противоположно тому, что считается счастьем в Филлистии. Ты мог бы назвать это покоем, полностью лишённым эмоционального волнения, но нет описания хоть сколько-нибудь сравнимого с непосредственным опытом.

Что делать, чтобы наслаждаться этим истинным счастьем?

Смерть прямо сейчас, которая действительно есть твоя всегда открытая дверь в вечную жизнь, вместе с дологом старинной Самсоном, и наклон стен той комнаты, где ты сейчас сидишь, плюс твой указующий внутрь па-

лец, соединяется вместе, чтобы дать ответ: *Обвал! Паде-ние! Распад! Обрушение! Руться, руться, руться! Посмот-ри внутрь и будь сокращенным немедленно до Ничто, ко-торое есть Все, и возьми то, что получишь! Все хорошо!*

Постскриптум

После написания этой главы я наткнулся у Достоевско-го в «Братьях Карамазовых» на следующий абзац. Иван Карамазов говорит:

«Между тем находились и находятся даже и теперь геометры и философы и даже из замечательнейших, ко-торые сомневаются в том, чтобы вся вселенная, или еще обширнее, — всё бытие было создано лишь по эвклидо-вой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две па-раллельные линии, которые по Эвклиду ни за что не мо-гут сойтись на земле, может быть, и сошлись бы где-ни-будь в бесконечности... Я убежден как младенец, что страдания заживут и стладутся, что весь обидный ко-низм человеческих противоречий исчезнет как жалкий мираж, как тусненькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что наконец в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца... Пусть... параллельные ли-нии сойдутся, и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись...»

ГЛАВА 18 ГОРД: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

1

Это началось еще до того, как я могу вспомнить. Когда я был рожден из темноты утробы на воздух и солнечный свет, тогда я был рожден для этих самых близких личных отношений с Gord'ом.

Да, Его имя было Gord. Я не знаю, почему мой отец произносил Его имя именно так. Это было не потому, что он говорил с заметным саффолкским или северо-эссекским акцентом. Он не говорил так. Собратья из других частей страны тоже называли Его Gord'ом. Мо-жет быть, мы все делали так потому, что «Gord» рифму-ется с «Lord»*, Его другим именем.

Lord Gord был похож на особенного третьего дедуш-ку. Дедушка по линии моей матери был маленького рос-та, носил серовато-коричневую бороду и был сварли-вым; дедушка по линии моего отца был высоким, носил белые, свисающие как у моржа, усы и был замечатель-ным человеком; мой третий дедушка был огромн, но-сил длинную снежно-белую бороду, жил на Небесах над ясным голубым небом и был сварливым и замечатель-ным попеременно, а иногда и одновременно. Ты мог бы описать наши отношения как глубокие, но непростые и обзывающиеся с обеих сторон.

* По-английски Lord — Господь; God — Бог.

Проблема была не в том, что, в отличие от первых двух, Он был очень далеко. Все наоборот. Скорее Он был очень близок, с нами все время. Нет, конечно же, не как обычный член семьи, но как ее беспорядный Хозяин, ее невидимый и тем самым исключительно незойливый и любопытный Надсмотрщик. Хотя его домашний адрес — «Небеса», наш был Его вторым домом, вот так. Не было возможности убежать от God'a. Каждую ночь мы, дети, разговаривали с Ним, стоя на коленях, перед тем как идти спать. Каждое утро и вечер мой отец разговаривал с Ним детально, в то время как мы, дети, стояли коленопреклоненными и должны были слушать, закрыв глаза, и не вертеться. Еще мой отец кратко разговаривал с Ним перед и после каждого приема пищи.

Ты можешь подумать, что этих разговоров было достаточно на день. Но это не так. Каждый день, за исключением воскресенья, отец читал нам разные главы Книги, которую God написал. Некоторые из этих глав были увлекательными, запутанными и даже кровавыми, но в большинстве своем они были смертельно скучными. Слушать отповское смущение тогда, когда он подходил к примитивным частям Книги, доставляло редкое легкое облегчение — он делал свои жалкие попытки произносить имена в тех главах, которые состояли из имен, и ничего более. То, что делало те скороговорки стоящими усилий, был тот факт (я пришел к выводу), что God написал их в Своей Священной Книге, и этого было достаточно, чтобы сделать их тоже священными.

Вдобавок к этой напряженной ежедневной рутине мы общались с God'ом совершенно особым способом по воскресеньям. По меньшей мере взрослые общались. Они вкушали от Его плоти и пили Его кровь (так они говорили), и мой отец неизменно был готов заплакать, пока Он продолжал говорить о невероятной любви, которой была посвящена пища. Все это, вместе со многими

другими сопутствующими замечательными вещами, я воспринимал без вопросов и не понимая ни слова. Это не было тем, за что выдавалось. Я чувствовал это, поглощал это посредством какого-то постепенного осознания. Неизбежно, в том или ином виде, это стало важным, неотъемлемой частью того, что есть я, вплоть до этого дня.

Я не жалею. В том, что я только что сказал, я заставил Его звучать слишком назойливо и очень требовательно. Но было что-то действительно изумительное, хотя чрезвычайно таинственное и неопределенное, в моем небесном дедушке. Что-то, что согревало меня внутри, заставляло глубже дышать, носиться сломя голову и улыбаться загадочной улыбкой. Это было так, как если бы Он был моим Солнцем и моим солнечным светом. Я даже обнаруживал, что люблю Его очень сильно временами и падаю назад в безопасность Его огромных рук.

На практике проблема была в том, что Он очень часто оказывался на стороне моей матери. В союзе с ней против меня, например, в таких делах как чтение Библии, этикет поведения за столом, молчание в обществе взрослых, отсутствие игр по воскресеньям. И, конечно, раз уж половина из тех вещей, которые я хотел делать, огорчала ее, они должны были огорчать также и Его. Ибо, несмотря на это необычное вступление в жизнь, я был в целом обычным мальчиком. То есть шаловливым, а иногда очень шаловливым. Фактически порочным в глазах моей матери (и God'a, конечно) и находившимся в опасности попасть в Ад. Второе Пришествие Lord'a God'a немного запаздывало, но могло произойти в любой момент. И тогда все Его друзья, хорошие и спасенные люди, присоединятся к Нему на небе и поднимутся на Небеса, в то время как его враги, плохие и потерянные люди (включая меня), будут оставлены на земле, отрываясь в Ад и будучи вечно сжигаемы заживо, всегда,

всегда. И, конечно же, наверняка, однажды возвратившись из школы, я не застану моих родителей. Нигде не будет и следа от них. «Их Lord забрал на Небеса, а я остаюсь здесь и отправлюсь в Ад навсегда», — такова была моя непосредственная реакция. Более восьмидесяти лет спустя я могу вспомнить весь мой ужас. Это вечное пламя! Было ли оно менее мучительным оттого, что оно было (согласно моему дорожному отцу) формой, которую отделение от Него приняло там, внизу. Сознательное отделение.

Такими — более к лучшему, чем к худшему, я бы сказал, — были мои детские отношения с Ним, их основа. Но, конечно же, по мере того как ребенок рос, росли и отношения. В семнадцать лет я смог убедить себя, что я был «спасен», и я начал участвовать в тех обходах во имя Lord'a, зарезервированных для Его людей. Но в скором времени мое спасение оказалось удручающе дефектным, я начал страдать все в большей и большей степени от двойного провала: провала в вере тому, что мне говорили о God'e, и провала в исполнении всего того, что Он мне велел делать. Соменение и вина, и соменение могло мне справиться с виной.

Напряжение нарастало, Что-то должно было произойти.

2

И произошло. В двадцать один год я отступил от Собратств и стал не верующим или даже агностиком, но тем, что можно было бы назвать полу-гностиком. И Он и я, входя во вторую фазу наших взаимоотношений, подверглись радикальному преобразению. Мой отъезд из дома и поступление в университет (и в этой связи первые посещения театра и кинотеатра) произвели огромное изменение во мне, в то время как перемена Его имени God на имя Атман Брахман Будда Дао Бог Ал-

лах, вместе с переменной Его роли дедушки на роль дальнего родственника, произвели огромное изменение в Нем. С тех пор, как приличествует дальним родственникам, мы обменивались открытками на Рождество, так сказать, и, разумеется, я никогда про Него не забывал более, чем Он забывал про меня. Это было так, как будто Он испарился и распределился, но ни в коем случае не утратился.

Сопровождая процесс Его дематериализации, происходил противоположный процесс моей кристаллизации и индивидуализации с тем результатом, что мы расходились все дальше и дальше друг от друга. Больше не был Он тем человеком, с которым ты говоришь и на которого нагружаешь все свои проблемы. Я осознал то, что достаточно хорошо могу обходиться без Него, большое спасибо. Он стал напоминать некое туманное дядю в Австралии, который, поскольку мог однажды оставить мне наследство, заслужил поддержания с ним родственных связей.

Но, конечно, все вышло не так.

3

Либо из-за жизненных невзгод и одиночества жизни без Него, либо из-за неумолимой тяги моей детской привязанности к Нему, либо из-за Его милости и любящей доброты, но в возрасте тридцати двух лет я неожиданно оказался вынужденным со всей устремленностью искать Его. Но в этот раз не на Небесах, выше ясного голубого неба, и не в комнатах для собраний прихожан, монастырях, храмах или церквях, но в моем сердце, в моей самой сокровенной сути. Ибо именно здесь мудрецы, которых я наиболее всего уважал, — к какой бы традиции они ни принадлежали — советовали мне искать Его. Даже более, возможность того, что Его дом должен быть ближе ко мне, чем мой собственный дом, или должен был на

самом деле стать моим истинным и вечным домом, сильно привлекала меня.

Итак, я искал Его в моем сердце. И однажды, без малейшей трудности или оторожки, я нашел Его. Он терпеливо ждал здесь все это время, в самом моем центре, прося, чтобы Ему уделили внимание. С огромным желанием Он показал мне Себя как крайне очевидного, открытого, безупречного, все-включаящего, нерожденного, неумирающего, недвижимого и широко пробужденного к Самому Себе, как все это и даже более этого, вне всяких сомнений. Я видел его гораздо более ясно, чем что-либо еще, как Саму Ясность. Он был внутри, Хардинг был снаружи. Он был моим Солнцем и моим солнечным светом, моим Королем, моим лекарством, моим величием духа, моей жизнью, моим мной. Или даже более мной, чем я сам. Он отдал мне совершенно все-то Себя, и таким образом, что я никогда не смог бы потерять Его.

Я должен был теперь сделать три вещи. Продолжать возвращаться к этому многостороннему, но совершенно простому видению Его во мне и в качестве меня до тех пор, пока оно не станет постоянным, передать Ему управление моей жизнью в общем и в деталях и разделить со слепым и страдающим миром тот Глазооткрыватель, который Он мне доверил.

Насыщенная программа, несомненно! Невозможной для полного претворения она может показаться и, конечно, более чем достаточной, чтобы занять меня на всю эту третью (и самую долгую) фазу наших с Ним взаимоотношений.

Как я смогу отчитаться об успехе?

Что ж, медленно, но верно я продвигался. После нескольких лет практики я прекратил жить внецентренно, смотря на мое поверхностное я, и начал жить центральной жизнью, смотря из моего глубинного Я, которое есть не кто иной, как Он. Подтверждением того, что

этот сдвиг действительно произошел, стал тот удивительный факт, что я больше не чувствовал себя под надзором других людей. Казалось, что вместе с Ним я принял Его невидимость. Огромное облегчение и преримущество! Дальнейшее подтверждение этого сдвига пришло через столь же удивительный факт — я обнаружил себя смотрящим через Его огромный Единственный Глаз на мир (начиная с телеграфных столбов до гор, звезд и галактик), который Он приводит в движение из Своей (и моей) недвижимости. Пока все хорошо.

Гораздо менее удачной попыткой была моя постоянно возобновляемая попытка перейти от моей воли к Его. Отблески старой, старой проблемы: Он все еще был так часто «на стороне моей матери». Несомненно, переход оказывался несложным относительно всего незначительного, такого, как сказать «да» присуглу неварения желудка, или кротам в саду, или огромному счету от во-допроводчика. Но действительно очень сложным относительно более значимого, такого, как, например, сказать «да» многочисленным и постоянно растущим де-фектам, которые сопутствуют стареющим человеческим существам. Здесь я должен доложить о печальном и почти полном поражении. Также о фиаско в чувствовании себя так великолепно и «с пушистым хвостом», как, я думаю, я должен себя чувствовать, видя, что я имею Гос-тя, гораздо-большего-чем-просто-Гость, и Друга, гораз-до-большего-чем-просто-Друг.

Что же касается моей длинной в жизнь попытки разделить великое видение с другими, изобрести способы демонстрации того чуда, которым они являются, заинтересо-вать их в них самих — не говоря уже о Нем, — то я снова должен сообщить о почти полной неудаче. Лю-бой успех был благодаря моему отказу от мысли об ус-пехе и передаче моей работы Ему, чья работа достигает успеха в Его собственное время и Его собственным способом.

Вот так все и идет. Жизнь с Ним в моем центре радикально отличается от жизни с Ним вне его и наверняка от жизни без Него. Эта жизнь, до предела полная смысла, ты можешь сказать, хотя никоим образом и не освобожденная от проблем. Ты мог бы подвести этому итог, как нескончаемо повторяемому упражнению приходи от меня там к Нему здесь, от меня в качестве меня, который есть ничто, ко мне в качестве Его, который есть Все.

Этого было достаточно, чтобы занимать меня последние полвека или около того. Тем не менее, к моему удивлению и, возможно, к твоему, это никоим образом не означает конца моей истории. Есть очень важное продолжение. Мои отношения с Ним входят в четвертую фазу. Фазу, которая значительно перекрывает твою, а также сильно контрастирует с ней.

4

Поразительно в этой фазе духовного приключения то, что она воспринимается словно поражение, потеря всех с трудом завоеванных достижений всех долгих лет духовных стараний. Назвать ее разочарованием — колоссальное преувеличение. Я должен встать лицом к лицу с тем фактом, что цель «единения с Ним в моем центре» не подходит, не говоря уже о вопросе ее достижимости. Что же отсутствует? Чего мне может не хватать, если у меня есть Он?

В действительности же проблему явно видно. Четыре слова «у меня есть Он» говорят все. Они выдают все. То, что я делал все это время, так это ловил Его, как будто Он — речущая и прекраснейшая из бабочек, с целью поймать Его в сети, приколоть Его и выставить во главе моей духовной коллекции. Как вам такая наглость?

Не то чтобы я имел выбор. Эти горячие поиски были присущим мне делом на протяжении всей третьей (и не-

обходимой) фазы моих отношений с Ним. А присущее Ему дело на протяжении всего этого времени было убеждать, что, конечно же, Он всегда и делал. И удивительно! Хорошо, Он есть у меня в центре: но я должен указать на то, что этот центр взрывается, при наблюдении, в бесконечность, таким образом, у Него есть все необходимое пространство для того, чтобы убежать. Правда такова, что Он — всегда для преследования и никогда для поимки.

Вот почему святой Хуан де ла Крус предупреждает нас: «Никогда не забывайте, что Бог недосыгаем. Вследствие этого просите не того, как ваша сила может познать Его. Итак, бойтесь наполнить себя слишком малым, лишить себя ловкости, в которой нуждается, чтобы взобраться к Нему». (Охотники за бабочками должны быть проворными.) В другом месте святой Хуан де ла Крус развивает парадокс: «Одна из величайших милостей, временно дарованных душе в этой жизни, — дарование ей возможности видеть так отчетливо и чувствовать так глубоко, что она не может познать Бога вообще. Души при этом — нечто подобное святым на Небесах, где они, знающие его наиболее совершенно, постигают наиболее ясно, что Он — бесконечно непознаваемым: но те, кто имеет менее ясное видение, не постигают Его так ясно, как те другие, как значительно Он превосходит их видение».

Другие учителя имеют схожее послание. Например, Экхарт: «Чем больше Бога во всех вещах, тем больше Он вне их».

Как ты и я можем защититься ото всех попыток укротить и приручить Его, уравновесить Его и прийти к соплащению с Ним?

Я знаю только три пути. Первый — никогда не забывать, что Он Самосоздатель, что Он обладает «невозможным» умением Быть из Невытия, создать Самого Себя; и вместе с Ним Самим все остальное, включая те-

бя и меня. Приручи *это* — если сможешь! Второй путь — отпустить Бога-Бабочку, увидеть, что у тебя нет сачка, нет контейнера, в котором можно что-либо хранить, не говоря уже о том, чтобы хранить Его. И третий путь — вспомнить, что, по правде говоря, только Он восходит ко Всему потому, что только Он погружается в Ничто. Когда мы отрицаем нас самих по-человечески, то это с целью продвижения вперед духовно: мы идем вниз с целью подняться вверх, в то время как Он идет вниз с целью идти вниз. Он один достаточно велик, чтобы быть таким смиренным за всех нас. Это другой аспект того «невозможного» Его умения.

Что ж, это было забавно своеобразными, но большей частью очень близкими отношениями с God'ом, также известным под именем Бога.

Он начинался как заправляющий всем, но обожаемый делушка для разговоров, продолжился тем, что стал огромным внутренним океаном для исследований и омовений, и закончился как великолепная бабочка или блуждающий отонек для безуспешной ловли.

Еще раз, я не жалею. Беря пример с человека, скажавшего, что клуб, в который он вступил, не будет достоин его приналежности к нему, я говорю, что Божество, которое я смог бы постигнуть и понять, не будет стоить беспокойства. И все же моя нужда в Нем такова, что я должен иметь Его. Как я имею Его? Как Одного, который всегда ускользает от меня. Но не раньше, чем Он прошепчет мне на ухо: «И это есть тот способ, по которому Я — Я, созданный по твоему подобию так же верно, как и ты по Моему — владею Собой!».

ГЛАВА 19

КАРТИНЫ В КУПАЛЬНЕ

Ты видишь, как они смотрят,

но они подобны картинам в купальне: они не видят.

Форма появляется, о почитатель формы,

как будто бы смотрят те два мертвых глаза.

Джагалуддин Руми

Под «картинами в купальне» Руми подразумевал граффити*, неподобающие и неодобряемые украшения. Ибо изображение человеческого тела было запрещено в исламе потому, что оно могло увести от почитания Одного Бога к почитанию многих богов, ко всечеловеческому идолопоклонству. Вот почему мечети и надгробные плиты по сей день украшаются арабесками — узорами из растений или абстрактными формами.

Вопрос, которому посвящена эта глава: Был ли прав великий Руми, настаивая на двух вещах — первая, что глаза не видят; и вторая, что важно осознавать и видеть, что они не видят, так сказать, не бояться их? Необходимо ли нам на самом деле изгонять нечисть, которая обитает или кажется, что обитает, не только в картинах и скульптурах людей, не только в наших собственных отражениях в зеркале, но также и в глазах и лицах всех людей, которых мы встречаем? Если да, то как нам обойтись с таким необходимым, но трудным делом, как огульный экзорцизм?

* Граффити — рисунок или надпись, нацарапанное на твердой поверхности; надписи и рисунки (часто непристойные) на домах, в общественных уборных и т. п.

Но необходимо ли это? Можешь ты спросить. Может быть, это была игра слов или причудливый полет мысли Руми-поэта, а не предупреждение Руми-мудреца? Нет! Другие суффии были столь же уверены в этом, и некоторые были даже более радикальными. Возьми для примера Баязида из Бистуна: «Я посмотрел и увидел, что все созданные вещи мертвы. Я пронес четыре акбира над ними и вернулся с похорон их всех. И без вмешательства созданий, но с помощью только лишь одного Бога я достиг Бога».

Не только к мусульманам, так страстно желающим защититься от идиолопоклонства, относился это смертоносно завораживающее отношение к нашим собратам — человеческим существам. Дзэн-буддизм говорит нам: «Только когда ты обнаружишь отсутствие вещей в сознании и отсутствие сознания в вещах, только тогда ты пуст и духовен, бесформен и бесподобен» (Большань). И «Где другие обитают, я не обитаю, где другие идут, я не иду. Это не значит, что я отказываюсь общаться с другими людьми, но черное и белое должно быть разделено» (Байюнь). Что касается христианства, то святой Павел рассматривает своих последователей колоссян как мертвых, а их жизни — как скрытые с Христом в Боге. Все это сильно отгицается по стилию и словарю от Руми, конечно, но является тем же самым по существу и цели. И есть еще громкие отзвуки этого, как мы вскоре увидим, в адыайта-веданте, изложенной, опять же, на своем собственном языке. Теперь, когда великие духовные традиции пришли к соглашению в чем-то, не важно, каким странным или сложным это что-то может казаться, и взяли на себя труд вдолбить это людям в голову, будь уверен, что мы небрегаем этим что-то только на наш собственный страх и риск.

Это все становится еще более истинным, когда вдруг с неожиданной силой возникает в наших собственных

духовных испытаниях, упрямениях или экспериментах, например, в нашем эксперименте Тоннель.

Вот как ты выполнешь эксперимент Тоннель, и, чтобы проникнуть в его суть, лишь читая о нем бесполезно. Ты должен сделать то, что я говорю.

Сделай бумажную трубу около шести дюймов в диаметре и около десяти в длину. Вставь свое лицо в один ее конец, а другой держи прижатым к зеркалу в ванной комнате. Наблюдай за тем, как то, что видно, вся эта масса в трубе, тяготеет к дальнему концу; и как то, что смотрит, все сознание в трубе, тяготеет к ближнему концу, к твоему концу трубы. Здесь двойное очипнение: тот конец очипнен от призраков, привидений и сознания вообще, в то время как этот конец очипнен от вещества и материи любого рода.

Теперь повтори этот эксперимент с лицом друга на дальнем конце трубы вместо твоего — такие же результаты?

Те открытия сколько-нибудь меняются вне трубы? Я предполагаю, что тебе больше не нужна труба, чтобы видеть то, что видели великие видящие. А именно то, что Осознание принадлежит только Субъекту, который, в конце концов, есть не кто иной, как Неделимый и Сверхчеловеческий Субъект, которым ты и я на самом деле являемся — и никогда не принадлежит своему объекту как таковому.

Для проверки того, что это так, просто посмотри и убедись в том, что Ясность, с которой ты теперь смотришь на эту книгу, достаточно велика, и пробуждена, и безлична, чтобы быть внутренней историей всех существ, никто из которых не может претендовать на это как на свою личную собственность.

Сейчас мне кажется, что, когда мы выполняем этот эксперимент Тоннель и, что еще более важно, когда мы живем так хорошо, как только можем в свете того, что мы узнаем из него, мы находимся в опасности пренебречь тем, что дано там, в объекте, в пользу того, что дано здесь, в Субъекте. У нас лучше получается «развешивать» этот субъект здесь, чем перестать боятся того объекта там. Мы заключаем пари, мы идем на компромисс. Не все сознание нашего мира собрано в этом Сознании прямо здесь и прямо сейчас. Достаточно его оставлено и вовне, там, чтобы отчасти появляться в лицах и глазах, противопоставляемым нам. Одним словом, мы остались идиолопоклонниками, политеистами в определенной степени.

Последствия нашего ненадежного компромисса двояки.

Первое, мы остаемся застенчивыми, а не пребываем в Самосознании. В обществе мы все еще чувствуем себя под наблюдением и неспособными созерцать спокойной эти, по-видимому, критикующие глаза, и это сдерживает спонтанное и естественное поведение, которое требуется в каждом уникальном случае. Внезапно возникают такие ситуации, когда мы неловки и неестественны. В то время как наше практикование состояния «без лица» во многом излечило нас от застенчивости «обладания лицом», ее остатки будут продолжать беспокоить нас до тех пор, пока мы не перестанем приписывать зрение глазам.

Второе последствие нашего частичного провала в получении пользы и следовании до самого конца пути открытий, которые мы сделали в трубе, — это то, что Одно Сознание на этом ее конце уменьшено до нечто меньшего, чем оно само. Уменьшено всеми теми маленькими сознаниями, которые мы украли у Одного так небрежно и раздали так волжно Многим. С тем неизбежным результатом, что нам не хватает уверенности в том

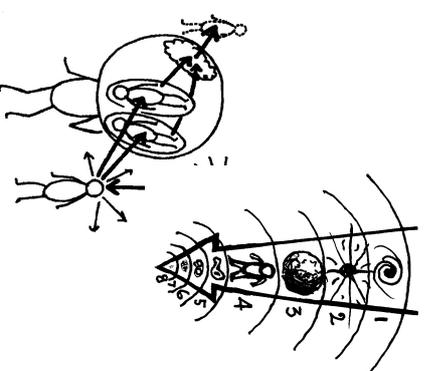
Одном, который более не является Одним, в нашем теперь отобранном Источнике и Ресурсе. Как я могу отдать себя целиком и полностью кому-то, кто недостоин целостен, или наслаждаться совершенным единением с тем, кто не един до совершенной степени, с тем, у кого не все дома (как мы говорим), или быть излеченным кем-то, кто с трудом может лечить?

Объединенный результат этих двух промахов внимания таков, что мы сделали из Бога нечто меньшее, чем Бог, а из его созданий нечто большее, чем просто создание, и это означает то же самое, что и влить в них огромную дозу коварства. Давай посмотрим правде в глаза — создания, отколовшиеся от своего Священного Источника, более не священы. Все наоборот! Мне это напоминает об ужасной проблеме, которая у меня была, когда я был маленьким мальчиком. Меня заставляли пользоваться миской, на дне которой были написаны слова: *Ты, Бог, зритель меня* и нарисован огромный, пристально смотрящий ГЛАЗ. Как неохотно я доделал свою кашу и открывал эту дьявольскую вещь!

Приписывать зрение глазам — это не только идиолопоклонничество, помеха и ужас. Это ненаучно.

Вкупе научная история о том, как я вижу тебя, — это космический процесс, состоящий из восьми частей, восьмишаговый иерархический спуск, вот такой:

Световые лучи из нашей Галактики (1), а точнее, от нашего Солнца (2), после фильтрации в атмосфере Земли (3) отскакивают от тебя (4) и формируют два пере-

вернутых изображения тебя словно на экране на дне моря их глазных яблок. Результатирующие из этого изменения в светочувствительных клетках (5), из которых состоит экран, переходят на молекулы (6) химического вещества (родопсина), в котором эти клетки встроены. Эти изменения передаются по оптическим нервам к специальной области мозга, атомы которой (7) и частицы (8) подхватывают историю. За этим пределом, окутанная абсолютной тайной, находится конечная Точка. *Я тебя увижу только тогда, когда эта конечная точка будет достигнута.*

Достаточно о том, как я тебя вижу с точки зрения науки. Позволь мне теперь перевести это на язык этой книги.

Только Бог видит. Только Бог, который есть одновременно Не-вещь, в основе и центре Его космической иерархии, и Все вещи, на ее вершине и периферии, на самом деле видит любую из вещей. Видение — Его работа. Приписывание зрения глазам и людям, смотршим на тебя, — предрасудок еще донаучных времен. Это также и присоединение себя самого к людям такими оковами, как симпатия и антипатия, тревога и страх, зависимость и желание доминировать, и так далее и далее. И наоборот, прекращение попыток приписать им зрение означает разрушение этих оков и достижение неприязнанности, о которой мудрецы отзываются столь возвышенно.

Даосский мудрец Чжуан-цзы говорит об этом с помощью великолепной метафоры. Представь себя в море в маленькой лодке и представь еще одну маленькую лодку, которая вот-вот столкнется с твоей. Вне себя от гнева на ее небрежного капитана ты обрушиваешь на его голову град проклятий. Но, если лодка пуста, ты остаешься спокойным. И тогда, если ты разумен (позволь мне добавить), ты берешь эту пустую лодку на буксир как свое вознаграждение.

Но здесь мы сталкиваемся с трудностями. «А как же любовь?» — спрашиваем мы. А как же привязанность, которая отказывается уменьшать любимого до размеров лодки без моряка, до размеров вырезанного из картона рисунка? Что же неправильного есть в этом отказе, ради всего святого, и что же есть правильного без него? На самом деле здесь на первый взгляд главное противоречие, которое есть во всех великих духовных традициях. Возьми следующие примеры.

«Хотя я говорю с помощью языков людей и ангелов, — говорит святой Павел, — и не имею любви, я стал подобен звучному духовому инструменту и звенящим кимвалам». И Нагорная проповедь, данная Господином и Хозяином Павла, была действительно превосходным призывом к безусловной любви, любви к своему ближнему, к своему врагу, к своему преследователю. Хотя весьма скоро за этой проповедью последовало предостережение: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер... он не может быть моим учеником». И многие из его последователей принимали со вниманием и серьезностью это предостережение. Блаженная Анджела из Фолгиньо, например, хотя и была одаренным мистиком, откровенно писала довольно весело: «К этому времени по воле Бога умерла моя мать, которая была большим препятствием мне в следовании Путем Бога. Вскоре также умер мой муж, а также мои дети. Это случилось потому, что я начала следовать вышеупомянутым путем и молила Бога, чтобы Он избавил меня от них, и я получила великое утешение в их смертях». Даже такой умреный и гуманный духовник как Жан-Пьер де Коссад пишет одному из своих учеников в пасте: «Позволь мне со всей искренностью раскрыть то опасение, которое есть во мне относительно тебя. По моему мнению, твое слишком частое общение с твоими многочисленными родственниками и другими людьми в миру есть камень

преткновенения в твоём продвижении вперед... Ты знаешь, как эта западня угрожала несчастьем святой Терезе».

Очевидно, мы имеем здесь серьезную дилемму, практическую проблему, которая требует решения. Не только индивидуумов касается эта проблема. Для того чтобы увидеть, насколько далеко простирающимися и глубокими могут быть ее социальные последствия, возьмем Индию и индуизм. Древние мудрецы Упанишад сделали потрясающее открытие, что только Бог видит и что Он есть Тот, кто действительно есть, Один. Что же касается других, то нет никаких других! И, поскольку они все-таки существуют, то их несчастья есть неизбежный результат их невежества и плохого поведения в прошлых жизнях, их негативная карма. Сейчас едва ли удивительно, что эта мудрость оправдывала равнодушные к положению бедняков и больных в Индии. Итак, мы спрашиваем: что пошло не так, что отсутствует в той мудрости, которая оказалась столь нечувствительной социально, столь незаботливой, такой немудрой?

Есть решение нашей проблемы, и оно таково.

Снова цитируя самого Иисуса Христа: «Поэтай истину и истина освобождает тебя». И истина в этом примере вот какая — пока все глаза, которые ты когда-либо видел, слепы, никто из их владельцев не слеп. Все смотрят через Один Глаз того Одного, Который Видит. И снова, истина в том, что, пока все создания мертва сами в себе, в безвременном Боге они живы вечно. Он в них в качестве их сознания, их бытия, их жизни. И это безжалостное низведение твоего соседа до чего-то меньшего, чем картинка в купальне, вместе с веселым уничтожением всего твоего самого близкого и самого дорогого — что это, в конце концов? Это твой категорический отказ остановиться, не дойдя до Божественного Центра, где мы все уменьшены до размеров совершенного Ничто. Таким образом становясь одним с Одним, Который есть Все, Одним, Который на самом деле есть Любавь.

ГЛАВА 20 МИСТЕР СМИТ ПОПАДАЕТ НА НЕБЕСА

Мистер Смит умирает и попадает на Небеса, где он смиренно просит святого Петра об услуге. Он был бы очень признателен, если бы для него была назначена скорейшая встреча с Господом Богом.

Его просьба удовлетворена. Вот последовавшая далее беседа.

Мистер Смит: Я был верующим всю свою жизнь, верным и преданным подданным твоего Божественного Величества.

Господь Бог: Спасибо тебе, мистер Смит.

МС: Я часто думал о том, как, должно быть, замечательно быть Тобой.

ГБ: Да, действительно. Я ошарашен.

МС: Подумать только, быть Бытием, которое должно быть, незаменимой Опорой, поддерживающей все! Стартовой площадкой, которая должна быть на месте еще до того, как кто-то из нас будет способен впрыгнуть в существование!

ГБ: Ты говоришь, что я должен быть. Пожалуйста, разьясни, мистер Смит.

МС: Ну, если что-нибудь и есть наверняка (как мы говорим на Земле), *fait accompli**, Суть, наше Надежное Основание — то, что ж, это Ты, Господь, который и есть Само Бытие.

* Совершившийся факт (фр.).

ЛБ: Ты имешь в виду, что я неизбежен, что я есть тот один Предрешенный и Обязательный Исход? Что до тех пор, пока я не считаюсь доказанным, ничто не доказано?

МС: Точно так, Ваше Величество. Бытие должно быть.

ЛБ: Я должен сказать, что я не совсем узнаю себя в этом описании, мистер Смит.

МС: Но Ты есть тот Один, который имеет ключ к самому глубочайшему основанию мира, который обеспечивает постоянную безопасность, прочность и надежность Скале Бытия, на которой Ты построил возвышенную структуру Твоей Вселенной.

ЛБ: Мне жаль разочаровывать тебя, мистер Смит, но у меня нет подобного ключа. На самом деле я не уверен в той основе, которую, как ты говоришь, я обещаю.

МС: Как! Это ужасно! Не говори мне, что Ты — Само Бытие — шаткий и неуверенный в Своем основании, что не имешь представления о Твоем происхождении и *raison d'être**!

ЛБ: Нет причины расстраиваться. Я не думаю, что есть риск того, что Бытие рассыплется в прах или в том, что твоя Скала начнет раскачиваться, или моей безвременной кончины. Как бы то ни было, это, мистер Смит, не означает, что я должен быть в большей степени, чем ты должен быть.

МС: Я офигеваю.

ЛБ: Так же как и я. И причина, по которой мой приход-в-бытие заставляет меня чувствовать себя растерянным и офигевшим, очень проста. Вот она. Для того чтобы энергично взяться за дело, позволить себе про-изойти, начать и затем руководить моим собственным появлением и пробуждением от долгой ночи небытия, я должен был бы оказаться на месте еще до того, как это место появилось, опередить там самого себя, присутствовать тогда, когда я еще отсутствовал. И это такое

* Смысл существования (фр.).

извращение, на которое даже я не способен, — благодарение Небесам.

МС: А я-то верил, что ты — всемогущий и всезнающий! Такое бессилие и незнание на самой вершине (или мне стоит сказать — на самом дне?) должно бы печалить и унижать тебя. Не говоря уже об опасности загрузиться своими собственными ложными отговорками...

ЛБ: Прололжай, мистер Смит.

МС: Я совершенно сбит с толку. Я с трудом понимаю, быть ли мне напуганным тобой, или горько разочарованным, или посочувствовать тебе.

ЛБ: Твое сострадание по меньшей мере неуместно, мистер Смит. Мне нравится быть таким, какой я есть. У меня вызывает дрожь и трепет бытие Великим Невроятным. *Поправка:* Великим Невозможным, быть которым — весьма специфический вид радости. И я не могу представить себе более безрадостное, убийственно унылое и безжизненное состояние, чем это твое Бытие «наверняка», «должен-быть-Бытием». Я бы возненавидел пребывание тем Бытием, которое может фотографировать само себя из-за кажлого угла, которое само себя аккуратно измерило и которое завтракает, обедает и ужинает собой. Нет тайны, нет волшебства, нет ничего необыкновенного, нет чуда в пульсации сердца мира — но есть глубокое разочарование, остановка сердца! Побереги твое сочувствие, мистер Смит, для *этого* пациента!

МС: Есть только одно, что должно существовать, — и это Бытие. Я верю в Скалу Вечности, которую ни один из твоих агентических динамитов не может затронуть, не говоря уже о том, чтобы взорвать. И я, разумеется, не верю в Бога-атеиста, который столь страстно желает поджечь фитиль.

ЛБ: Потерпи немного, мистер Смит, дай мне объяснить. На самом деле не должно существовать вообще ничего — ни сознания, ни Господа, ни мистера Смита, так же как ни песчинки, ни дуновения. Их приход в су-

шествование, мой собственный приход из ниоткуда и никогда, потрасающий, но и восхитительно *протипический*, немислимый. Но все же он происходит, и с какой непринужденностью и блеском, с какой напористостью, с какой мощью! Эта моя корона (незаслуженная по твоему мнению), возможно, не позволила тебе увидеть, что волосы на моей голове постоянно подныты от удивления и благодарности (кому?) за мой собственный выход на сцену без помощи извне и без какой-либо причины.

МС: Тогда кто же ты? Я чуть не сказал: кто же ты, черт возьми?

ЛБ: Хороший вопрос. Ты можешь называть меня Бытие-которое-не-должно-быть. Или, как мне больше нравится, Бог, который не есть Бог, Некто, кто есть Никто, — на резком контрасте с псевдо-Богом, который только Бог, с самодовольным Бытием, которое никогда не соблаговолит спуститься со своего пьедестала и плюхнуться в чистую воду НеБытия, лежащего в его основе.

МС: Ты действительно просишь меня верить в Бога, который не верит в самого себя, который неспособен жить согласно своей собственной Божественности? Ты ожидаешь, что я буду преклоняться перед увечным Божеством, перед тем, кто страдает от рокового дефекта?

ЛБ: То, что ты воспринимаешь как дефект, как слабость и неполноценность, я воспринимаю как СВОЕОБРАЗИЕ, как Чудо, делающее чудесным все. Когда, с другой стороны, ты делаешь всезнающее, опрятное, самоутверждающее, словорыбное Нечто Источником всего, то один жизненно важный ингредиент отсутствует во всем, что он производит, — свежесть утра, огонь и свобода, сияние и музыка, и благоухание. Единственный запах, который от него исходит, — это несвежий запах тела этого тяжело нависающего и ничем не примечательного Источника. Я говорю: только найди, позади

самого себя и всех вещей, легкое и полностью прозрачное Ничто, из которого они всегда возникают, и тогда ты получишь этот жизненно необходимый ингредиент в полной мере. Истина в том, что эта фабрика под названием Ничто не только производит и сбывает все оптом, но и отделяет даже самый наименьший из своих товаров его собственным особенным качеством. Я приглашаю тебя, мистер Смит, разделить со мной изумление и радость этого.

МС: У тебя нет проблем с этим Ничто, не так ли? Ну а у меня есть. Для меня Ничто — это ничто, списанное имущество, чистый убыток, скупка, большой зевок.

ЛБ: Подожди, мистер Смит! Я признаю, что увлекся, позволил себе немного лишнего. Давай вернемся к практическим деталям жизни. Когда ты видишь или слышишь кого-либо, когда ты воспринимаешь какую-либо сцену, чувство, мысль — все что угодно, — ты прокладываешь этому путь, ты оказываешь гостеприимство, даешь приют. Его безвестность развешивает тебя. Его присутствие — это твое отсутствие. А почему? Потому, что ты устроен так. Ну и я тоже. Действительно, действительно, мистер Смит, я пугаю для заполнения тобой в этот момент. Я умираю, чтобы ты мог жить. Я утопаю в отсутствии-Божественности, чтобы ты мог подняться в МистерСмитовости. Нет Не-вещи, нет вещи. Все вещи в нашей жизни — это многочисленные корабли, плавающие на поверхности безбрежного Окееана Невещественности. Достаточно для плаучести? Но я забываю о том, что Капитан Смит нынче в сухом доке.

МС: В начале этой беседы ты не смог узнать себя в моем описании. Что ж, вот мое *quid pro quo**: я отнюдь не узнаю себя в твоём описании. Я отвергаю эту навязчивую идею с Не-вещью. Почему? Потому, что это отвратительно, это жизнеотрицающе, это по-мазохистски, это даже похоже на неудавшийся суицид.

* *Quid pro quo* за услугу, компенсация (лат.).

ЛБ: Это потому, что ты принимаешь созвучную Невещность за несоознанное и полное уничтожение, за конец тебя вместо вечного обновляющегося начала, и естественно, что ты испуган. Если бы ты смог сообразить всю свою смелость и искренне сказать Да этому, ты бы осознал, что это лекарство от твоего страха смерти и от самой смерти тоже. Ты бы обнаружил в этом твое появление для того, чтобы быть, а не для того, чтобы исчезнуть. Ты, продолжая, мог бы даже обнаружить, что это Свет, который освещает свет, самый высокий только потому, что он же и самый низкий, записка в Хлебе Жизни и алкоголь в Вине Жизни, Секретное Оружие в священной войне против всей злобы, мерзости и лжи. Только одно наверняка: ты бы не нашел это глупым или посредственным. Это вещи, отделимо от своего Первооздателя, глупы и посредственны. Когда, в прохладе дня, я прогуливаюсь с Адамом в саду, это действительно прогулка на возделанную землю. Прогуливаемся немного с тобой, мистер Смит?

МС (отступая от престола): Это все так запутанно. Что же мне делать?

ЛБ: Ты обнаружишь регулярное транспортное сообщение между этим местом здесь и тем Другим Местом. Оно приведет тебя к Величественному Дому Величественного Некто, который погон решимости не подвести себя, став Никем или исчезнув в чью-либо пользу. Итак, это не *adieu**, мистер Смит, но *adiabla***. Или мне следует сказать *au revoir***?*

Уходит мистер Смит, бормоча.

* Прошай, букв. «до Бога» (фр.).

** Букв. «до Дьявола» (фр.).

*** До свидания (фр.).

ГЛАВА 21 СОН ЦЗАО

Здесь форма — это пустота, и пустота — это форма.

Здесь нет ни глаза, ни уха, ни носа, ни языка.

Здесь нет ни рождения, ни тленности, ни смерти.

Поэтому Бодхисаттва прекращает претендовать,

Ибо что же может пойти не так?

Унесен, унесен за пределы, к другому берегу!

Сжатый вариант Сутры Сердца

Цзю позволил себе широкую, удовлетворенную улыбку.

— Сегодня, — объявил он своим собратьям-монахам, — день, отмеченный для меня красным в календаре. Я только что завершил десятипятисючное прочтение драгоценной Сутры Сердца, которая, разумеется, есть квинтэссенция махаяны и учения Благословенного.

После того как каждый монах почтительно выразил свои поздравления, послушник Цзун приблизился к Цзю и, со многими поклонами, попросил разъяснить ему значение Сутры Сердца.

Захватенный врасплох такой странной просьбой, Цзю даже не сразу смог подобрать слова. Но после долгого молчания он ответил:

— Это очень и очень древний и священный и могущественный текст. Настолько мощный, что чтение его в правильной позе в течение многих лет должно принести благотворные плоды, большей частью скрытые. Так, каждую заслугу, которая может выпасть мне на долю, я посвящаю всем чувствующим существам. Но, разумеется, хотя ты только и начинающий, ты должен знать, что

этот Текст такой священный и такой глубокий, что его читает ежедневно во всех махаянских монастырях.

— Я понял, преподобный, — ответил молодой послушник, возобновляя свои поклоны, — эта Сутра такая священная, что ее можно только читать, но ни в коем случае не понимать.

— Пол в зале для медитаций необходимо хорошо вымести, — резко ответил Чжао. Он был расстроен, и больше всего от того, что не понимал почему. Расстроен отчасти оттого, что позволил простому послушнику испортить то, что обещало быть особенным и счастливым днем.

Той ночью он видел сон.

Появилась перед ним возвышающаяся золотая форма Будды, излучающая свет и сострадательно улыбающаяся.

— Что я могу сделать для тебя? — спросил он голосом, подобным чистой музыке.

— Десять тысяч раз, о Святейший, я прочитал твои драгоценные слова, говорящие о том, что форма — это пустота. Десять тысяч раз! Но формы, с которыми этот презренный монах сталкивается, полны. Кора со всех сторон покрывает твердую древесину, идущую прямо до сердцевины дерева. Расколотые камни остаются только камнями. Раненые люди совершенно очевидно сделаны из плоти и крови. Даже пустые горшки полны до краев воздухом.

— Я прекрасно понимаю твою проблему, — ответил Будда. — И вот что я буду счастлив сделать, чтобы помочь тебе. Я обещаю тебе твоим собственным образом формы, которая, очевидно, пуста. Ты сможешь рассмотреть этот образчик как истинный пример формы, кажущихся полными, так же как их внутреннюю историю. Ты хотел бы этого?

— Я был бы бесконечно благодарен Святейшему.

— Сказано — сделано! Ты с этого момента снабжен твоим собственным свертком с Формой-которая-пуста. И даже более того, ты всегда будешь иметь ее под рукой, готовой для мгновенного осмотра. Ты всегда сможешь увидеть с совершенной ясностью ее совершенную пустоту.

— Моя благодарность безгранична, — возрадовался Цзяо.

— Но, — засомневался он, — если *это* пустота, как же я узнаю, что она вообще там есть? Не будет ли она совершенно неуловимой?

— Твое затруднение предвосхищено. У тебя будет множество ключей к разгадке о присутствии Формы, — ключей, которые тем не менее не заслонят ни малейшим облаком ее прозрачность. Ты, например, будешь способен прикасаться к ней. На самом деле ощупывать ее пальцами всю полнотью, сколько твоей душе угодно.

— Мне только хотелось бы знать, — ответил монах очень нервно, — не будет ли это удивительное сочетание невидимости и осязаемости порой немного неудобным. Не буду ли я постоянно наткаться на это? Прости мне эти глупые вопросы, Святейший!

— Нет, вовсе не глупые! Я все устроил так, что она будет следовать за тобой как самый преданный и самоотверженный из слуг. На самом деле будет физически прикреплена к тебе. Ты всегда сможешь легко обнаружить ее простым протягиванием руки, и все же она никогда не будет загоразживая тебе путь, куда бы ты ни пошел, — за исключением, может быть, только низких дверей.

— Хвала Благородному! Поистине многогранное чудо! Это ничего страшного, если я буду немного смешным, расхаживая с моим особенным куском Ничто, ошупывая его время от времени, чтобы убедиться, что он еще здесь. Подобно беспокройному египетскому скарабее с его драгоценным комочком навоза.

— В стране безумцев ядровый человек *смишон*. Но не беспокойся. Люди ничего не заметят. Есть ли еще что-нибудь, что я мог бы сделать для тебя в этот знаменательный день?

— Что ж, я хотел узнать еще кое-что. В священной Сутре ты не только учишь тому, что форма — это пустота, но также и тому, что пустота есть форма. Но как может мой образчик Пустоты быть чем-то или содержать что-либо, не прекращая при этом оставаться пустым? Этот глупый монах сбит с толку.

— Только испытай это, Цзяо, и ты обнаружишь, что все это имеет смысл. Просто сейчас это может звучать для тебя как нечто невозможное, но я обещаю, что ты будешь способен ясно видеть, что твои собственная абсолютна незапятнанная Пустота содержит бесчисленные формы. Или скорее, что она и *есть* эти формы, бесконечные по числу, размаху и разнообразию. Твой собственный личный сверток пустоты, хотя он и достаточно маленький, чтобы ты мог пощупать его руками, будет явно заполнен до краев пестрыми, красочным, тантеким, шумным миром. И, следовательно, таким же большим, как тот мир, если не больше.

— Я не могу в достаточной степени отблагодарить Святейшего за эти совершенно невозможные чудеса. Добавление к ним — еще более невозможное чудо: здесь (как ты продолжишь говорить в Священной Сутре) нет ни глаза, ни уха, ни языка, ни носа. Я, со своей стороны, живу в иллюзии, что я их имею, в более или менее рабочем состоянии.

— Я уже подготовил их немедленную ампутацию, — ответил Будда довольно небрежно.

— О нет! — едва выдохнул Цзяо.

— Довольно безболезненную, разумеется, — добавил Будда успокаивающе. — И даже более того, я думаю, ты обнаружишь, что твое зрение, слух, вкус и обоняние будут острее благодаря этой операции.

— Сострадательный уже одарил этого недостойного монаха слишком многими прекрасными дарами. Но все же остается еще одно серьезное затруднение. Священная Сутра отрицает, что есть хоть какая-то тленность или смерть. Но я заметил, более с тревогой, чем с удивлением, что я на самом деле следан из весьма бренного материала.

— Этому затруднению уже уделено внимание. С этого момента только от тебя зависит увидеть, что на самом деле ты состоишь из совершенно удивительной субстанции, которая никогда не сможет измениться. И *под тобой* я понимаю то, что находится прямо там, где ты находишься прямо сейчас, то, из чего ты приходишь. Очистенное от всех отличительных характеристик, оно совершенно очевидно никогда не будет страдать ни от малейшей раны, ни от порчи, не говоря уже о том, чтобы умереть.

— Прости меня, о Святейший, за сомнение в том, что я смогу начать жить этой удивительной новой жизнью здесь, на штормовом берегу Сансары, со всеми его иллюзиями, болью и гравью, так далеко от далекого берега Нирваны. Увы, меня уверили, что путешествие к благодатной гавани - долгое, опасное и трудное, и (несомненно) на все незаменимые труды) невозможное для меня в этой жизни, до тех пор... до тех пор...

Будда улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он голосом, полным чистейшего сострадания, — ты на том берегу! Унесен, унесен, унесен прямо туда! Или даже принесен, принесен прямо туда. Ты упрочен на этом безматежном берегу навсгда, навсгда, и суматоха Сансары вон там, она кажется такой близкой, но на самом деле миллионы, миллионы миль отсюда, далеко за океаном. Подойдет? Это все?

— Это все, чего я хочу, это все, чего кто-либо когда-либо мог пожелать, — прошептал Цзяо, совершая простирания снова и снова. И добавляя, почти неслышно,

прижимаясь лбом к земле, — Святейший, конечно, удостоит без промедления этого простого монаха тем, что им милосердно обещано.

— Сразу же после пробуждения все, что я обещал тебе, будет твоим при определенных условиях. Ты должен действительно захотеть этого, и ты должен выпустить это, открыть себя этому, действительно посмотреть на это и смотреть из этого, вместо того чтобы думать об этом, верить в это и читать это. В действительности это твое в любом случае, безоговорочно, выдержишь ли ты выпустить это или нет.

На следующее утро Цзяо пересказал сон своему молодому другу.

— Это был потрясающий опыт, пока он длился, — сказал он очень печально, — как жаль, что это был только сон и ни слова из него не осуществилось. Я полагаю, что никто не может ожидать осуществления обещаний Будды из сна в этом бодрствующем мире. Но они были такими определенными, в них совсем не было никаких «если» и никаких «но». И он не мог бы выглядеть более великолепно, более прекрасно.

— Я так понимаю, Святейший упомянул о том, — ответил послушник, — что Вы должны действительно захотеть эти безграничные блага и затем быть достаточно смиренным, чтобы принять их такими, какими они даны.

— Разумеется, я действительно хочу их, и ты должен знать, насколько я смиренен.

Цзун многократно поклонился.

— Тогда, может быть, Вы уже имеете их все, но только не замечаете, — сказал он.

— Что за дикая чушь, — резко ответил Цзяо, готовясь читать Сутру Сердца в десять тысяч первый раз.

ГЛАВА 22 ВОСКРЕШЕНИЕ

Не предвещай воскресение как иллюзию.

Это не иллюзия, это правда.

Воскрешение — это откровение того, что есть,

преобразование вещей,

переход в новизну.

Почему бы не увидеть себя уже воскресенным?

Трактат о Воскрешении (III век н. э.)

Основа христианской религии — апостольский символ веры, который включает в себя слова: «Я верю ... в воскрешение тела». Не только в воскресение духа (прошу отметить), но и плоти. Квинт Септимий Тертуллиан (160—240 гг. н. э.), бывший, пожалуй, величайшим из ранних толкователей веры, не мог быть более недвусмысленным, говоря об этом. Тело, вставшее из мертвых, настаивает он, это не что иное, как «эта же самая плоть, которая насыщена кровью, поддерживаемая костями, переплетена нервами и венами». Таково телосложение воскрешенного Христа и всех нас по другую сторону могилы. И почему мы должны верить этому? *Потому, что это абсурдно!* Это верно потому, что невозможно. Со всей серьезностью это называют Правилom Веры Тертуллиана, к которому в свое время присоединится и св. Августин.

В течение почти двух тысяч лет бесчисленные верующие, некоторые из которых были столь же выдающимися интеллектуалами, как и Фома Аквинский, столь же просвещенными и Бого-центрированными как Рейсбрук и св. Катерина из Генуи, пересказывали, одобряли

и верили в эту очевидную нелепость, в эту невозможность, в это *Перечеркивание Веры!*

Почему именно в этот вечный абсурд, который знает о том, насколько он бессмыслен?

Теперь мне кажется, что вера в «воскрешение Иисуса Христа из мертвых на третий день» хотя дело нелепое, но отнюдь не невозможное. В конце концов, он был все еще тел физически, хотя и не функционировал, он полностью находился там, и его современники могли его видеть, прикоснуться к нему и узнать его. И в наши дни, конечно, существует быстрое число пациентов, которые, получив диагноз о клинической смерти, тем не менее выздоравливают и возвращаются, чтобы рассказать свою историю. Я не говорю о том, что случай Христа был одним из этих так называемых случаев «предсмертных переживаний», но только то, что их истории о двери в Смерть делают его сквозь-дверь историю менее невероятной.

Что действительно *совершенно* абсурдно, так это вера в то, что, когда наступит Судный День, молекулы, составившие когда-то кремированное, утонувшее или давно похороненное тело, должны, слушая во все уши Архангельскую Трубу, послушно броситься на зов издалека и изглубока, чтобы собраться вместе в живой вариант умершего. Добавь к этой одной из самых диких скалок ту проблему, что многие или большинство из «твоих» молекул принадлежат другим воскресшим телам! Я могу предвидеть бесчисленные горькие диспуты, ужасную деформацию и истощенность почти всех воскресших тел из-за нехватки материала. А что касается проблем каннибализма, то воображение вообще отказывается это представлять.

Почему (я повторяю) эта древняя и святоотеческая чепуха не только принимается на веру, но и настоятельно рекомендуется толпами в других отношениях вполне здравомыслящих людей?

Один ответ, в котором я уверен как в достаточно обоснованном, был предложен рядом писателей. Он заключается в следующем. В нас глубоко заложен инстинкт того, что должна существовать жизнь после смерти, и, чтобы быть реальной, эта жизнь после смерти должна быть жизнью в теле, и не важно, какие невозможные вещи эта жизнь может повлечь за собой. Небеса, заселенные только бестелесными духами, — невидимыми, неосознаемыми, неслышимыми, не имеющими запаха, — будут (мы уверены) больше похожи на Космический Газометр* или Протоз Погоды, чем на Духовное Единение любящих людей.

Проблема этой попытки объяснить хватку, с которой эта догма о телесном воскресении, несмотря на всю свою абсурдность, вцепилась в западного человека, в том, что она ничего не делает для того, чтобы избавиться от этих абсурдностей. Наоборот, она добавляет к ним еще, ставя такие вопросы, как, например, вот такой. Может ли быть так, что наше истинное благополучие, сама суть нашей жизни, были основаны на абсурде, на явной лжи, на полном сумасшествии? Такова ли эта Вселенная, в которой мы покинуты? Бог, страдающий от старческого слабоумия, перепутал все вещи? Или Он — ловак, который организовал все так, что правда о вопросах жизни и смерти состоит из неправды? И, вместо того чтобы освободить, запирает нас в сумасшедшем доме?

Конечно, нас могут обратить к этим безрасудным убеждениям как к последней надежде, после того как мы попробуем более разумные из предлагаемых альтернатив и обнаружим их либо несуществующими, либо неработающими. Тем временем давайте допустим возможность (если не вероятность) того, что ошибка кроется в нас самих, в нашей упрямой слепоте к истине, а не

* Газометр — газохранилище для распределения газов. Лабораторный прибор для собирания, хранения и измерения различных газов.

в самой истине. Что почти наверняка с ума сошли мы, а не боги.

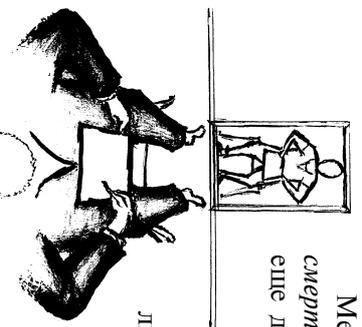
Что ж, вот более разумная альтернатива.

Альтернатива, которую я предлагаю, такова: ты и я должны осмелиться *посмотреть и УВИДЕТЬ то, что мы Уже есть, независимо от того, что мы думаем или что нам говорят об этом*. И мы должны продолжать ретипировать так тщателью, как только можем, то, что мы видим.

Я покажу тебе, кем я обнаружил себя, при условии, что ты посмотришь и увидишь, похож ли ты сам на это, когда сидишь или стоишь перед зеркалом во весь рост и рисуешь то тело, которое ты там видишь, вместе с тем, какую часть тела ты видишь по эту сторону зеркала, которая осуществляется это рисование. Никаких призов за художественные способности не предлагается, но Приз, предлагаемый за правдивость, бесценен.

Я не могу говорить за тебя, но, когда я нахожусь напротив зеркала в полный рост, я вижу два тела, две противостоящие версии того, что я называю собой, как показано на иллюстрации ниже.

Да, то, что я вижу, — это два тела. Я не согласен на меньшее, они неразлучны.

Меньшее я нарекаю *моим до-смертным телом*, потому что оно еще должно умереть. И большее я нарекаю *моим по-смертным телом*, потому что оно уже умерло — путем обезглавливания, что есть наиболее быстрый способ приведения приговора в исполнение — и воскресло к жизни вновь. К жизни, которая не мо-

жет быть более самоочевидной, живой и знакомой. Я должен от всего сердца согласиться с описанием Тертуллиана моего воскресшего тела как «плоти, насыщенной кровью, поддерживаемой костями, переплетенной нервами и венами». Мы не сходимся во мнениях в том, что если он верит в это как в абсурд, принадлежавший будущему, то я верю в это как в очевидность, принадлежавшую настоящему.

Ортодоксальная версия Тертуллиана о воскресении тела *должна* быть абсурдна, потому что в ней нет различия между моими до-смертным и по-смертным телами. В то время как в действительности эти различия многочисленны, глубоки и поразительны. Некоторые показаны на рисунке, основное же в них — отсутствие в меньшем теле центра, безвременного центра, и его присутствие в большем теле. И сейчас я хочу подчеркнуть и насладиться тем фактом, что жизнь, которой я действительно живу, вопей-неволей, здесь и сейчас, — это *воскрешенная* жизнь, жизнь по-смертного воскресшего тела, и ни при каких условиях ни жизнь до-смертного до-воскрешенного тела. Этот обезглавленный торс испытывает зуд, а не гол, имеющий голову. Я верю в это потому, что это очевидно.

Удивительно, но это та отрываемая нами жизнь, которой тем не менее мы живем и не хотим этого признавать. Подумай обо всех тех сотнях и сотнях поразительных портретов, выставленных в Национальной Пурретной Галерее в Лондоне — Уинстон Черчилль, Вирджиния Вулф, Г. К. Честертон и все остальные. Был ли хоть один из них повернут к себе, *смотря в том направлении?* Были ли в том, *смотря на мир из этих двух глаз? Испытывали ли зуд* когда-нибудь эти не обезглавленные тела? Имел ли даже самый святой из них *нерушимый Центр?*

Ответ, конечно, — отгадующее эхом Нет. *Настоящий Уинстон, настоящая Вирджиния, настоящий Г. К. вмес-*

те со всеми остальными выставили напоказ совершенное другое, обезглавленное, повернутое наоборот, порой злаяще, *воскрешенное* тело, по меньшей мере на расстоянии одного метра от картины, фотографии или отражения в зеркале. (Многие ли из них осознавали эту огромную разницу и сознательно жили воскрешенной жизнью? — это конечно другой вопрос.)

Я не говорю, заметь, о том, что у меня эта воскрешенная жизнь благополучно устроена, объяснена и поята. Все наоборот. Очевидное не означает послушное и услужливое или постигнутое, или не таинственное. На самом деле я не могу представить себе нечто более неограниченное, более приключенческое и действительно ошеломляющее, чем эта воскрешенная жизнь. И — хвала Богу! — эта встроена внутри двойственности оказаться тем, что доктор прописал, точно тем, что я и хотел от этой новой жизни. А именно то, что она непрекращаемо сочтает в себе неизменный Центр и его изменяющиеся инструменты, уверенность, безопасность, покой и их противоположности, глубокое знание и разинувшее рот невежество, скучную рутину и глубокое изумление.

Но, пожалуйте, *не верь* ни слову из этого. Испытай это. Постоянно фотографируй или лучше рисуй, твои тела, находящиеся в непосредственном соседстве, реши, в котором из них и из которого ты живешь прямо сейчас, и приспособь свои виды и свою жизнь как должно.

Давай попробуем извлечь смысл из другого аспекта «абсурда Тертуллиана».

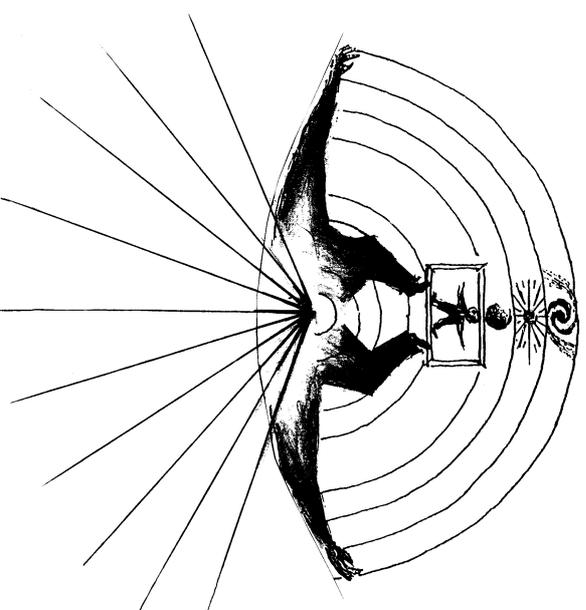
Наша воскрешенная жизнь (как нам говорят) протекает на Небесах, высоко, в сфере звезд и других небесных тел. На самом деле это старая традиция, присущая большинству культур. Ты можешь сказать, что мы не только инстинктивно верим в то, что существует воскрешенная жизнь в теле, но также и в то, что она *протекает на небе*. Конечно, это не означает, что инстинкт

вследствие этого становится истинным или хорошо обоснованным, но это, разумеется, означает, что нам необходимо смотреть и видеть, что же в нем истинно.

На первый взгляд месторасположение кажется неправдоподобным. Климаг небес, мягко говоря, не подходит для использования человеком. Мы все умрем от пневмонии задолго до того, как доберемся туда.

Отлавая должное этому вопросу, мы принимаем в расчет полный спектр космических уровней над и под человеческим уровнем, великую иерархию целого и частей, к которой принадлежит и человек. И когда — взяв себя в руки — ты и я делаем это, мы обнаруживаем, что обладаем не двумя, но тремя телами. В порядке убывания абстрактности и возрастания конкретности и целости они таковы:

1) Мое До-смертное тело, 2) мое По-смертное Воскрешенное тело и 3) мое Тотальное, или Космическое, Тело. Если грубо, то вот какую форму имеют эти три тела:

Этот набросок с изображением Тела (3) указывает на то, в чем Тела (1) и (2) нуждаются, что они должны иметь для того, чтобы быть тем, что они есть. Для того чтобы выяснить, что же это такое, я спрашиваю себя: Что есть я без моих собратьев-людей и того, что они достигли, без воздуха Земли, почвы, воды, флоры и фауны, без Солнечного света и энергии, без самого Космоса? Снова я спрашиваю самого себя: Что есть я без клеток, из которых состою и делающих все, что делаю я, и что есть они без молекул, из которых они состоят, и что они представляют собой без атомов, из которых они состоят, и так далее и далее до бесконечности? И ответ на эти вопросы исследовательские и самые всеобъемлющие из вопросов такой: Без них — я меньше, чем тень, абстракция, сон. Действительно, действительно эта великодушная иерархия целого и частей *неделима*, и, чтобы быть этой особенной Дуэласо-подобной вещью в ней, я должен обнять и включить все эти особенные вещи так же, как и Не-вещь, или Ноль, в нашем общем Источнике и Центре.

Из этого следует, что (как указано на иллюстрации выше) я, воскресенный, уже нахожусь на Небесах и *не могу жить где-либо еще*. И, если люди скажут мне, что звезды находятся на расстоянии световых лет, я скажу им, что звезды, которые я вижу, есть прямо здесь и сейчас, и в любом случае «расстояние» между мной и ими составляет точку, если вообще что-либо составляет при прямом взгляде, то есть так, как смотрю я.

Последнее, но серьезное возражение пришло мне на ум в этом месте. Когда я достигну моего Дома, или Центра Фравитации, или Штаб-квартиры моего гигантского Тела, я обнаружу себя тонущим, опускаящимся на дно картинки, ниже кварков, вместо того чтобы подняться на ее вершину, выше звезд. Опускающимся туда, где все больше похоже на царство Аида (или мне следует сказать Ад?), чем на Небеса.

Итак, что же я делаю?

Я указываю на этот бездонный Центр-точку, откуда я смотрю, и обнаруживаю себя как Не-вещь, которая сознательно взрывается по всем направлениям, мгновенно. Молекулярные бомбы, содержащие тротил, мощные и прызлые, атомные бомбы — более мощные и прызлые, ядерные бомбы — еще более мощные и прызлые. Но взрыв этой Ноль-Бомбы прямо здесь и сейчас — бесконечно мощный и совершенно чистый, это трансформация Ничто во Все. Это также не что иное, как Великое Воскрешение из Смерти в Жизнь в качестве Восхитительного Все-уровневого Тела и Мира без конца, аминь.

Я весьма уверен в этом Воскрешении, потому что, не уподобляясь старому доброму Тертуллиану (который имел все верные инстинкты для всех неверных причин), я обнаружил, что оно отнюдь не в будущем и не абсурдно, но в настоящем и очевидно, спасибо Богу!

И это все!

ГЛАВА 23

ТОТ, КТО СОЗДАЛ МЕНЯ, ОТДЫХАЛ В МОЕМ ЖИЛИЩЕ*

— Мой дорогой друг, — сказал Он мне, — что ты терпешь, оказывая Мне услугу и позволяя Мне стать Богом в тебе?***

— Ни один гость не мог бы быть более желанным, дорогой Господь, — я отвечаю, — и нет хозяйина, преисполненного благоговением и охваченного благодарностью более, чем я. Ты — желание моего сердца, и Ты хорошо это знаешь.

— Да, я знаю. Но мне бы хотелось узнать о том, как обстоят дела между нами, каково нынешнее состояние нашего союза в твоём видении. Что-то вроде краткого ежегодного Обращения американского Президента.

— Что ж, Господь, я должен признаться в дурных порывах всех видов и праздных презах. Я — всецело твоя собственность, я — дом для моего Господа, но, увы, я наполовину отдален, так сказать.

* Это цитата из Экхарта (Уолш Экхарт. Проповеди и трактаты, Watkins and Element Books, II, стр. 13), который взял ее из Экклезиаста.

** Несколько лет назад я записал этот отрывок, приписав его Экхарту. Но я не смог найти его в трехтомнике Экхарта английской версии Уолша или в двухтомном переводе мисс Эванс (также Watkins), к которому обращался Уолш. На самом деле она, скорее всего, не принадлежит Экхарту. Я не имею представления о том, откуда я взял ее, — если только не у Единного, обращавшегося ко мне в слезах и душем диалоге. В любом случае мое наиболее ужасное неумение как любителя мистических текстов служит Его милостивому плану выжить в меня прямо здесь и напрямую его намерение «оставаться в моем жилище».

— Это все — только проблемы приведения тебя ко Мне. Но, пожалуйста, не меняй тему. Сейчас мы говорим не о состоянии твоего ума, но о состоянии нашего союза.

— Я не знаю, с чего начать...

— Как обстоят дела с Глазом, который действительно Широко Открыт? Как дела с ним?

— Необыкновенно хорошо, дорогой Господь! Ничто не может быть более простым и естественным — и более поразительным, — чем смотреть из этого гигантского Глаза.

— Нашего Глаза!

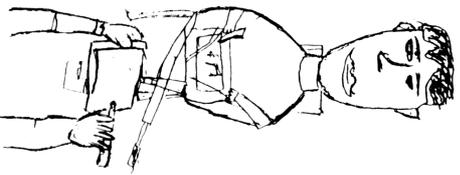
— Спасибо, Господь. Смотреть из нашего Глаза, столь огромного, что провожает сам себя по всем направлениям, и столь чистого, что описывается ото всех следов самого себя и всего остального. На самом деле я не представляю себе, как бы я смотрел на Твой мир сквозь пару крошечных отверстий, наподобие тех, что делают в тьме на Хеллоуин. Какой подарок Твой шире-чем-сам-мир Глаз, какой это щедрый дар и какой ошелюющий!

— И многое еще дается в придачу к нему. Обрати внимание на твой Глаз, и Я прослежу за тем, чтобы ты получил остальную часть Меня, добавленную для ровного счета. Как бы Я мог подарить тебе такую жизненно важную часть Меня Самого и утаить остальное? Я — либо Весь, либо Меня нет вовсе. И Я прихожу легко, так же легко, как моргание. Немного любопытства и чуда, немного практики, которая даже и не практика, а наслаждение, и ты приобретешь привычку не только смотреть со Мной, но и быть Мной!

— А говорят, что Ты очень труднодоступен!

— Вместе с Моим Глазом приходит и Моя Рука.

— Да, Господь, они идут вместе, и это совершенно естественно. В этом действительно есть нечто прекрасное! Эти руки мои в той степени, в которой они делают мою человеческую работу, и эти руки мои в той степени, в ко-

торой они обнимают мою человеческую любовь. И все те же самые руки Твои, поскольку они делают Твою божественную работу.

— Какие же еще мог бы Я иметь? И в качестве тебя, мой дорогой, Я обнимаю того, кого ты любишь. Не воображай, что ты можешь стать Мной без того, чтобы Я не стал тобой. Мы нуждаемся друг в друге. Человек не может стать Богом без того, чтобы Бог не ответил тем же.

— Какое же на самом деле невозобразимое чудо эти совершенно обычные конечности! То, чего они достигли! И при этом опять же, насколько естественны, насколько готовы протыгиваться вперед, насколько подобны детям! Вот рисунок, сделанный восьмилетней девочкой, себя напротив своего друга.

Обрати внимание на эти словно обрезанные руки, протянутые из ее Всеохватности, а не из ее плеч и туловища, подобно рукам ее друга. Я задаю себе вопрос: как может то, что было таким естественным и безусловным в восемь лет, стать таким неестественным и безусловным в восемьдесят и практически невозможным в восемьдесят?

— Или удерживаться от каждого, кто проявляет некоторый интерес в любом возрасте. Проблема с вами, людьми, — вы так легко соскальзываете с твердой, как скала, земли чувственного восприятия в трясину концепций. Давай будем практичными. Привели Мне конкретный пример двух способов функционирования этих наших рук, впечатляющего контраста между этими двумя способами.

— Я пытаюсь, Господь, придумать наглядный пример. Может быть, в типичные часы медитации или дзэндо я бы и нашел подходящий.

— А как насчет твоей машины, этого наиболее удобного, привычного и, разумеется, наиболее комфортабельного вида дзэндо? Как правило, не отличающегося особой типичной, но...

— Да, конечно же, Господь! Конечно же! Эти мои очень человеческие руки, надевающие носки и моющие посуду и стучащие по клавиатуре, делают нечто совершенно божественное, когда они держат руль моей машины. Божественное, Господь, Твое! — при том условии, что я пойду тем путем, который указываешь Ты, а не тем, о котором мне говорят люди. Тогда, вместо того чтобы вести меня к Парижу, эти руки vezут Париж ко мне. Позади, вместо того чтобы вести меня из Кале, они vezут Кале от меня. Сбоку, вместо того чтобы вести меня по безмолвным полям со скоростью 70 миль в час, они vezут поля мимо меня на многих скоростях. Да! Эти самые руки, чистящие картофель в моей кухне, чистят Твою Вселенную, слой за слоем, в моем Рено Клио! И все это время я остаюсь в Твоей Недвижимости — Недвижимости, которая движет все вещи!

— Было ли действительно очень тяжело переломить эту утомительную и опасную привычку ездить без должной осторожности и внимания? Превратить твоё Клио в твоё дзэндо, в котором Медитация = Внимание = Изумление = Единение-со-Мной?

— Не очень трудно, мой Господь. Долгое время я считал, что остановить окружающий пейзаж невозможно, похищая столько его лошадиных сил, сколько возможно, чтобы нагнать топливом мой Клио. Огромное спасибо моему Божественному Шоферу!

— Ну что ж, я делаю все возможное на Моём уровне, чтобы наш союз был настолько интересным, живым и неизбежным, интимным и легким, странным и забавным, насколько это возможно. Действительно, я не знаю, что еще я мог бы сделать, исключая, пожалуй, только твоё и Моё погружение в божественно-человече-

ское варево, которое затопит нас обоних. Нет, цена никогда нескончаемой радости нашего совместного пребывания — это наша никогда нескончаемая и свободно выбранная раздельность.

— Неохотно, Господь, но я расплачиваюсь. Тем не менее я настаиваю, что так же как и Ты, из чего столы явно протыгиваются эти руки — эта безграничная и Безвременная Ясность в Центре, — Ты и я и все создания абсолютно и навсегда Одно и То же самое, То же самое, То же самое.

— Именно так, дорогой мой. Пара Ничто — любое количество Ничто — не может тотчас же не собраться в Одно Ничто. Так же как и это Одно Ничто не может тотчас же не взорваться стремительно во Все. Но давай посмотрим на некоторые приземленные, повседневные последствия этого. Что бы ты сказал о них?

— Ну, это Ничто — эта безграничная Ясность — наверняка преобразует личные взаимоотношения. Живя из этого Ничто, у меня не остается ничего, чем бы я мог противостоять кому-либо. Как мне избежать исчезновения в его или ее пользу? Правда такова, что в Тебе, Господь, так же как и будучи Тобой, я отдаю мою жизнь, само мое бытие ради него. Это акт полного самоотречения, такой невозможный для меня в качестве «меня», становиться возможным и даже естественным для меня в качестве Тебя. В качестве соединенного с Тобой, чье великодушие достигает таких размеров, что Ты передаешь свое божественное совершенство мне. Мне, и Ты знаешь о том, как отчаянно я нуждаюсь в этом! Тот, в ком Бог живет, имеет хорошего посылыща, не важно, насколько празно жилище.

— Пока все хорошо. Состояние нашего союза, как ты его видишь — и на самом деле, как я его вижу, — кажется удивительным, говоря без преувеличений. Есть много того, что мы можем разделить, над чем можем по смеяться и из-за чего можем быть счастливы, и немного

или почти ничего того, что тебе действительно трудно практиковать день ото дня.

— И более чем достаточно, чтобы переполнить меня благодарностью. Но...

— Какие-то трудности еще остались?

— Боюсь, что так, Господь. Позволь я попробую объяснить. Тот, Кто создал меня, отдыхает в моем жилище. Было и есть и должно быть нас двое — Создатель и созданный, — и где есть двое, там есть страх. И страдание. Моя проблема в том, что я не могу удовлетвориться чем-то меньшим, чем Ты всецело весь. По иронии судьбы, дорогой Единный, хотя я и нуждаюсь в Тебе со всем Твоим великолепием, со всей Твоей величественностью и загадочностью как в Источнике Тебя самого и меня и всех остальных, это самое великолепие и разделяет нас. Откинь неописуемое, и что же останется? Те самые качества, которые, я настаиваю, Ты должен иметь, гарантируют то, что я не получая Тебя!

— Ты хочешь сказать Мне, что более того и выше того, что мы разделяем, — Мое неразделяемое умение Само-порождения и Миро-порождения?

— Именно так, Господь.

— Тогда для тебя есть сюрприз. Я способен, и я готов, и стремлюсь к тому, чтобы разделить с тобой это особое умение. Факт в том, что я уже и делаю это, но ты не обращай внимания.

— Моя драгоценная Любовь, я даже не могу представить себе...

— Конечно, не можешь. И не пытайся. Я полагаю, теперь наступила Моя очередь давать объяснения. Ты говоришь мне, что ты чрезвычайно удивлен, что вообще что-либо существует. Ты также добавляешь, что переполнен удивлением и восхищением от Моего «невозможного» трюка внезапного появления, без помощи и без причины извне, из долгой темной ночи космического Забытья. Что ж, слушай Меня! Не тешь себя мыслью,

что ты в качестве «тебя» способен на это Удивительное, венец всего самого удивительного. Оно только Моё. И только твоё потому, что Я есть ты.

— Конечно же, Господь! Как мог бы этот слишком человеческий человек, как таковой, дойти до этого бо-жественного Чуда? — если я могу назвать его так. Нет. У меня нет проблемы относительно Твоего первичного Самосотворения. Это Твоя вторичная и космическая способность создания, то, что принадежит только тебе и разделяет нас.

— Какие глупости ты говоришь! Я не мог бы дать тебе Мой Глаз без его умения создавать, разрушать и воссоздавать вещи, так же как и ты не мог бы дать Мне твои руки без их умения чувствовать форму и текстуру вещей. Не будь же столь глупым!

— О, мой Господь!

— Ради всего святого, следуй тому, что ты видишь, тому, что Я показываю тебе со всей Своей мощью. Закрой Глаз, и ты закроешь мир. Открой Глаз, и ты снова откроешь его.

— Конечно же, Господь, миллион раз да!!! Прости мне мою крайнюю бесполоковость! Ты делаешь особенно ясным то, что я делаю особенно смутным и создаю из этого всякую дрянь. Делаю невозможным, без Твоей помощи.

— Это забавный способ дразнить Меня, я полагаю. Похоже на некую любовную игру.

— Говоря о любовной игре, дорогой Единый, это та, которая чрезвычайно важна для меня, глубоко важна. «Хвала Самому Святому на небесах, — пел Джон Генри Ньюман, — и в глубине, хвала». Наш общий Глаз, Господь, с его общими для нас способностями — наиболее величественное и (наконец-то уже) наочевиднейшее доказательство, демонстрация и воплощение нашего нерушимого союза. Именно в глубине я чувствую наше единение так сильно...

— Да, я знаю. Но расскажи Мне.

— В течение многих лет у меня была привычка тихо повторять про себя, время от времени, мою собственную секретную мантру «быть спасённым — значит быть Им», на глубоком выдохе. Все мое тело, до самых кончиков пальцев, казалось дышало, выдыхающим меня и вдыхающим Тебя. Сильное ощущение того, что я откинулся назад и упал в Твою Безграничность, слился с Тобой полностью, приносит с собой глубочайшее физическое расслабление, какое я только знаю. Как я говорю, это так, как если бы на глубоком выдохе я вдыхал Тебя и на последующем выдохе Ты вдыхал меня. Это все равно как если бы, спасая меня от гибели в Море Смерти, Ты давал мне Поцелуй Жизни.

— Какая взаимная радость! И я не могу представить себе более счастливую и правдивую ногу, на которой можно было бы закончить сегодняшний разговор о со-стоянии нашего союза.

ТОТ, КТО СОЗДАЛ МЕНЯ, ОТДЫХАЛ

В МОЕМ ЖИЛИЩЕ,

И ВСЮ НОЧЬ БЫЛ ЗВУК ОДНОГО ДЫХАНИЯ.

ГЛАВА 24 ВОТ ОТВЕТ

Почему БЫТЬ и НЕ БЫТЬ — ответ? Ответ на ужасающие и бесконечные вопросы, которые ставит жизнь?

В ходе нашего свободного исследования мы коснулись следующих причин.

1. Оно почитает основные факты такими, какими они даны, требует от меня понимания и жизни в свете того, что очевидно. Смотря вовне, я вижу, что я есть; смотря внутрь, я вижу, что «меня» нет.
2. Мне необходимо оба. Мне необходимо Бытие и освобождение от Бытия. Не-Бытие превозмогает боль Бытия, существования, в то время как Бытие превозмогает боль Не-Бытия, исчезновения. Вместе они справляются с работой. При этом «и волки сыты и овцы целы» — у вас «есть и то и другое, без необходимости выбора». Неплохой расклад — если тебе это удастся.
3. Бытие и Не-Бытие не противостоят друг другу и не имеют разногласий. Они дополняют друг друга, они — нераздельные половинки Целого. Они отлично соединяются во всех изменяющихся обстоятельствах моей жизни — при условии, что я позволяю им делать это. И их союз оказывается тем, что нужно для решения моих проблем.
4. Вот пример. Я обнаружил в себе два мощных, но, по-видимому, несовместимых порыва. Я хочу выпитрать, подняться на вершину, быть особенным и действительно уникальным. И я хочу быть свободным от всего, что беспокоит, свободным как ветер, быть вне по-

дозрений, иметь привилегии. И теперь, вместо того чтобы упрямо поощрять эти две противоположные силы, разрывающие меня на части, я позволяю им делать их настоящую работу по воссоединению меня в целое.

5. И вот другой пример. Любовь — лучший из даров, который предлагает жизнь, и один из самых проблемных. Совершенный союз Бытия и Не-Бытия — одновременно и основа, и движение любви. Таким образом, любить — значит исчезнуть в пользу любимого. Исчезнуть явно, не стоять на пути. Сначала видение: чувство последует так и тогда, когда должно.

Теперь переходим к тебе!

Ничто из этого не стоит принимать на веру, все необходимо проверять в повседневной жизни. Я говорил тебе о том, на что похоже то, *где* есть я. Похоже ли это на то, *где* есть ты?

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги Дугласа Хардинга, опубликованные
в издательстве The Sholond Trust:

- Религии мира: справочник для непредубежденных, 1995.
Посмотрите сами: наука и искусство саморегуляции, 1996.
Иерархия неба и земли: новое положение человека во Вселенной, 1998.
Head off stress: выше практического результата, 1999.
Жизнь без головы — дзен или пероткрытие очевидного, 2000.
Маленькая книга о жизни и смерти, 2001.
Наука первого лица: ее принипты, практика и потенциал, 2001.
Испытание человека, сказавшего, что он Бог, 2003.

Другие публикации:

- Дуглас Хардинг. Липом к Не-лицу: заново открываю нашу изначально природу (Под редакцией Дэвида Ланга). Inner Directions, 2000.
Дуглас Хардинг. Быть и не быть, таков ответ: уникальные опыты по открытию наших бесконечных возможностей. Watkins, 2002.
Дуглас Р. Хоффштадлер, Дэниэл Деннетт. «Я» ума: фантазии и размышления над Сущностью и душой. Penguin, 1982.

5-РИТМОВЫЙ ТАНЕЦ с Ричардом Лангом

Москва, 5 – 6 апреля 2007 г.
19:00 — 22:00

5-ритмовый танец представляет собой практику простых движений, призванную выпустить танцора, живущего в каждом теле, независимо от формы, размера, возраста, ограничений и опыта. Найти свой танец — значит найти себя на самом текущем и творческом уровне. И хотя эта практика невероятна проста, она способна привести к глубокому исцелению и творческому самовыражению.

Главный посыл этой практики: если ты позволишь духу двигаться, он исцелит сам себя.

Пять ритмов таковы: течение, стаккато, хаос, дирижеский и неподвижность. Они объединяются, чтобы создать Волну — практику динамической медитации. Вместо строго оговоренных правил, каждый ритм — своеобразное энергетическое поле, в котором ты находишь собственное выражение и хореографию, разминая таким образом не только тело, но и воображение. Каждый ритм — учитель, и в процессе танца вполне можно столкнуться с неизведанными аспектами себя по мере того, как практика будет углубляться со временем.

Подробнее информацию см. на сайте:
www.lpe-2.ru

Запись:

Email: da@lpe-2.ru
Тел.: (495) 422-89-01
Моб.: 8-910-466-03-01

Семинар Ричарда Ланга

Москва, 7 – 8 апреля 2007 г.

11:00 – 18:00

Предлагаем всем желающим принять участие в необычных экспериментах, направленных на узнавание своей истинной природы.

Ричард Ланг — просветленный учитель недвойственности, ученик Дуэласа Хардинга. В 1970 году он попал на семинар Хардинга, где со всей очевидностью ему открылась его истинная природа. Он был настолько впечатлен эффективностью предложенных Хардингом экспериментов, что сразу включился в работу, помогая в проведении семинаров и распространении этого ожидающего учения — прямого, необремененного догмами и предрассудками.

Подробную информацию см. на сайте:

www.pe-2.ru

Запись:

Email: da@pe-2.ru

Тел.: (495) 422-89-01

Моб.: 8-910-466-03-01

Семинар Карла Ренца

Москва, май 2007

25 (пт) 19:30 – 21:30

26 (сб) 12:00 – 19:00

27 (вс) 12:00 – 19:00

28 (пн) 19:30 – 21:30

Карл Ренц — просветленный учитель недвойственности из Германии. Он большой путешник, на его беседах по меньшей мере весело. Но главная путка в том, что его присутствие оказывает явное и немалое воздействие. Он — пустота, в которую могут проваливаться мысли других и все их мирские и духовные представления, поскольку для него не существует «других». Каким-то образом он всасывает в себя беспокойство и всю цветистую сеть верований, не прилагая к этому, как и к чему бы то ни было еще, никаких усилий. В итоге остается лишь Присутствие, безоблачная ясность, которой ничего не требуется.

Подробную информацию см. на сайте:

www.pe-2.ru

Запись:

Email: da@pe-2.ru

Тел.: (495) 422-89-01

Моб.: 8-910-466-03-01

Беседы с Рам Цзы
Москва, 8 – 10 июня 2007 г.

По адресу:

ул. Павловская, 18, стр. 1, «Открытый Мир» (м. «Дульская»)

Расписание:

1-й день: с 19-00 до 21-00

2-й день: с 12-00 до 16-00

3-й день: с 12-00 до 16-00

15 – 17 июня 2007 г.

По тому же адресу в чайной комнате (количество мест ограничено).

с 12-00 до 16-00

Подробнее информацию см. на сайте:

www.me-2.ru

Запись:

Email: da@me-2.ru

Тел.: (495) 422-89-01, 8-910-466-03-01

Беседы в Санкт-Петербурге:

12 – 13 июня 2007 г.

с 19-00 до 21-00

Информация и запись:

Тел.: (812) 591-51-79 Анастасия, Александр,

(812) 707-84-59 Татьяна.

e-mail: alebai@apanda.ws

Беседы в Киеве:

19 – 20 июня 2007 г.

с 19-00 до 21-00

Информация и запись:

e-mail: lyubavogov@mail.ru Владимир

Готовялся к изданию в

«Серии недовольственности»

Пападжи

Ничто никогда не случилось, т. 2, 3

Р. Балсекар

Сознание пишет

Р. Балсекар

Указатели от Нисаргадатты Махараджа

(исправленное издание)

Р. Балсекар

Покой и гармония в повседневной жизни

Р. Балсекар

Сознание говорит

(исправленное издание)

Д. Хардинг

Иерархия Неба и Земли

Д. Хардинг

Наука Первого Лица

Р. Ланг

Откройся источнику

Дэвид Кеерс

Совершенное сияние недвижности

Г. Парсонс

Все, что есть

Гангаджи

Бриллиант в твоём кармане

Вэй У Вэй

Неискушенно мудрые

Вэй У Вэй

Открытая тайна

Йога-Васиштва

Книги по адвайте (учению недвойственности)

Д. Е. Хардинг
Жизнь без головы

В 1961 году к Дугласу Хардингу пришел опыт его истинной природы — он назвал его «безголовостью». То, что он считал «собой», внезапно ушло вместе с сокрушительным бременем прошлого. Пришло восприятие всего, словно в первый раз, — чистое и незамутненное, обнажилась красота, которая всегда была здесь. Это Место, по недоразумению общепризнанно считающееся занятым головой (вопреки непосредственному восприятию), — на самом деле вмещает в себя всю Вселенную.

В этой глубиной, блестяще написанной книге предлагается исследовать это Место — самое доступное, близкое и как бы хорошо известное, честное исследование которого (доступное каждому!) таит в себе сокровищницу сурпризов и невообразимых чудес.

Ричард Ланг
Кто ты на самом деле

В этой книге описан метод самоисследования, иногда называемый «безголовостью» или «видением, кто ты на самом деле», который был изобретен просветленным учителем из Англии Дугласом Хардингом (р. 1909). Предлагаются простые, но глубокие практики восприятия в виде экспериментов, направляющие вас к этому Видению в Центре вас самих. Основная идея — направить внимание на то, что/кто вы есть прямо здесь, на то, что ближе дыхания, мыслей и чувств. Эти эксперименты очень просты и незамысловаты. Они основаны на контрасте того, чем вы кажетесь другим, и вашей истинной природой. Ничто, или Емкости, вмещающей весь мир. Эти две стороны абсолютно противоположны друг другу и в то же время взаимосвязаны — внешняя и внутренняя история вас самих.

Рамеш Балсекар
Сеть драгоценных камней

«Сеть драгоценных камней» — собрание изречений Р. Балсекара, современного просветленного учителя из Индии.
Если в вашем уме возникли вопросы «Кто Я?» и «Зачем все это?», если вас по-настоящему интересует РЕАЛЬНОСТЬ, то, возможно, эта книга для вас.

Рамеш Балсекар
От сознания сознанию

Книга представляет собой собрание писем, написанных просветленным учителем адвайты своим ученикам. Они являются не только великодушным изложением его учения, в них присутствует особый шарм, связанный с теплотой близости, которую вряд ли можно ожидать в более официальных работах, написанных специально для публикации.

Рамеш Балсекар
Рябь на воде. Бхагавад Гита

Книга состоит из двух частей. Первая, «Рябь на воде», может служить великолепным введением в учение просветленного учителя адвайты Рамеша Балсекара, уклавывающее на Истинную Реальность. Вторая часть, комментарий к избранному шлокам «Бхагавад Гиты», объясняет подлинный смысл наиболее важных частей этого выдвинувшегося произведения, зачастую неверно переведенных и истолковываемых современными переводчиками и комментаторами.

Рам Цзы
НЕТ ПУТИ для «духовно продвинутых»

Книга известного духовного учителя, с юмором и подлинным состраданием описывающая «ловушки» на духовном пути и типичные «заскоки» несчастных ищущих, попадающих в эти ловушки.

Под псевдонимом Рам Цзы скрывается реализованный ученик Рамеша Балсекара Уэйн Ликерман.

Уэйн Ликермэн (Рам Цзы)

Приятие того, что есть. Книга ни о чём

Эта книга, весьма простая и в то же время чрезвычайно глубококая, освещает разные аспекты духовного поиска, взаимоотношения гуру и ученика, просветления и того, что за этим стоит, с перспективой подлинного понимания.

Для тех, кого по-настоящему интересует духовный поиск, эта книга может оказаться истинной драгоценностью.

Рам Цзы

К черту ум!

Рам Цзы (Уэйн Ликермэн) — просветленный учитель недовольственности. Его учение настойчиво бьет по *ложным* представлениям, вызывающим человеческие страдания:

Я мог и должен был сделать это по-другому.

Я несовершенен.

Я автор своих мыслей, чувств и действий.

Учение Уэйна указывает на божественную природу всего существующего, не важно, насколько оно болезненно или приятно. Он утверждает, что все есть совершенное проявление Источника и в приятии всего придит покой.

Шри Рамана Махарши

Будь тем, кто ты есть!

Беседы с Шри Раманой Махарши. Том 1, 2

Шри Рамана Махарши

Собрание произведений

Х. В. Л. Пунджа

Истина есть

Папалжи

Ничто никогда не случилось, т. 1

Отповые партии книг издательства «Ганга», «Открытый мир», К. Кравчука, Института Трансперсональной Психологии и др. по издательским ценам можно приобрести по адресу:

ул. Усиевича, д. 13

(м. «Аэропорт», первый вагон из центра, вход со двора, с торца здания, дверь без вывески, полуподвал,

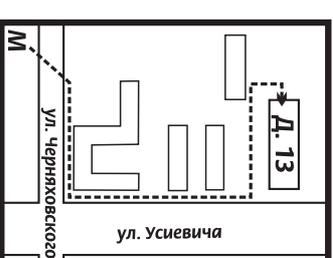
вывеска на доме

Салон «Бель»))

тел./факс (495) 151-0971

Е-mail отдела продаж:

gal@ganga.ru

Приглашаем к сотрудничеству книготорговые организации и распространителей эзотерической литературы. Возможны обмены на книги других издательств. Берем книги на реализацию.

Отдельные экземпляры можно заказать по почте или через интернет-магазин: **www.omstore.ru**. Чтобы получить бесплатный каталог, вышлите конверт с обратным адресом и наклеенной маркой по адресу:

129323, Москва, а/я 1, «Книга-почтой»

Наш электронный адрес:

www.ganga.ru

ganga@ganga.ru

Серия недовольственности

Дуглас Хардинг

БЫТЬ И НЕ БЫТЬ: ВОТ В ЧЕМ ОТВЕТ

Редакторы *Е. Хилинская, К. Кравчук*

Художник *А. Куцин*

Корректор *И. Москаленко*

Оригинал-макет *Н. Красноперова*

ООО «Издательство Ганга»

196143, Москва, ул. Голубинская, 17/9-501

Е-mail: ganga@ganga.ru

Адрес сайта в Интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 15.12.06. Формат 84x108^{1/32}

Тарнигура «Ньютон». Печать офсетная

Усл. печ. л. 12,60. Тираж 2000 экз. Заказ №